

BULLETIN

I g u d Y o t z e i S i n

БЮЛЛЕТЕНЬ

И г у д И о ц е й С и н

ВЫПИСКА
ИЗ УСТАВА
АССОЦИАЦИИ
"Задачей Ассоциации
является организация
выходцев с Дальнего
Востока в целях
взаимной помощи и
сотрудничества"

Association of Former Residents of China ♦ Ассоциация выходцев из Китая в Израиле

June 2016 ♦ 63rd Year of Issue ♦ No. 414 ♦ Июнь 2016 ♦ 63-й год издания ♦ No. 414

IGUD YOTZEI SIN - 65

1951 - 2016

ИГУД ИОЦЕЙ СИН - 65

*After 44 years on 13
Gruzenberg Str., Tel Aviv
We have moved to 31
Habarzel Str., Tel Aviv*

*Переезд спустя 44 года
с ул. Грузенберг, 13
на ул. Хабарзель, 31*

YEARLY SCHOLARSHIP EVENT...

HANUKAH 2015

*Ambassador Zhan Yongxin
People's Republic of China*

*Ambassador Zhan Yongxin
Sing-a-long with Sarale Sharon*

*Ambassador Zhan Yongxin
Presenting scholarship to a Chinese student*

*Scholarship presentation by
Rasha Kaufman*

*Scholarship presentation by
Teddy Piastunovich*

*Guests and students at the
Scholarship presentation*

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL
Association of Former Residents of China
P.O Box 13139, Tel-Aviv 6113101
Tel: 03-5171997, Fax: 03-5161631

www.jewsofchina.org

1-ый Номер "Бюллетеня" вышел в свет 6 мая 1954 г.
Старейший в Израиле журнал на русском языке
под редакцией ТЕДДИ КАУФМАНА
ISSN - 0793-8365

❖ igud-sin@013.net

2

I
q
u
d
y
o
t
z
e
i

S
i
n

THE LEADERSHIP OF IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL AND THE FAR-EASTERN SOCIETIES IN THE DIASPORA

IYS Honorary Representatives in Israel and Abroad

IYS Chairmen

Leo Piastunovich 1951-1952
Boris Kotz 1953-1971
Teddy Kaufman 1972-2012
Yossi Klein 2012

Board of Directors

Yossi Klein

Chairman & Treasurer

Ran (Ronnie) Veinerman

Deputy Chairman

Teddy Piastunovich

Vice Chairman

Board Members

Flori E. Cohen
Bernard Darel
Abraham (Abe) Fradkin
Etie Ginansky
Rasha Kaufman
E. Eitam
Avi Podolsky
Rafi Rashinsky
Judith Sandel
Esther Wandel

Control Commission

Moshe Lihomanov
Chairman
Alex Podolsky - Member
Hon. Legal Advisor
Daniel Friedman - Attorney

Haifa & the North

Esther Wandel –
Hon. Representative

Jerusalem & the South

Avi Podolsky –
Hon. Representative

The American Far Eastern Society of New York, USA

Lily Klebanoff-Blake – President

Eric Hasser - VP
Luba Tuck - VP
Joseph Wainer - VP
Rose Britanisky-Peiser - Treasurer
Leona Shluger-Forman - Secretary

Board of Directors:

Sally Berman
Lilly Langotsky
Robert Materman
Odette Rector-Petersen

New York, USA

The American Far Eastern Society Inc.

Lilly Langotsky
160 West 66th Str. # 55B
New York, NY 10023

The Far Eastern Society of San Francisco, USA

Board of Directors

Mr. I. Kaufman - PRESIDENT

Mrs. Ann Korchemsky – VP
Mrs. V. Loewer – VP

Directors:

Mrs. O. Kaufman
Mr. L. Ostroff

Members:

Mrs. B. Berkovitch
Mrs. R. Ionis

FLORIDA, USA

Rose Peiser – Hon. Representative
7400 SW 170 Terrace Miami,
Florida 33157
Email: rpeiser@aol.com

SYDNEY, AUSTRALIA

Jesse and Naomi Tracton
Hon. Representative
2 Oaks Place
North Bondi 2006
Tel: (02)-91-302575

Association of Former Residents
of China (founded 1951)

31 Habarzel St., Tel Aviv
P.O. Box 13139, Israel
Phone: 972-3-5171997
Fax: 972-3-5161631
E-mail: igud-sin@013.net

Yossi Klein - Editor-in-Chief

Assistant Editors:

Flori Cohen

Cecilia Lyubman

Profil - Design & Production

Tel: 972-3-9045050

Contents

The Leadership of Igud Yotzei Sin	3	Shanghai Synagogue: The House of Rachel	46
Contents	4	Shanghai's Baghdadi Jews: A Collection of Biographical Reflection	49
Dear Readers - Association of Former Residents of China	5	List of Scholarships – December 2015	50
Activities and Programs in the Israel-China Friendship Society for 2016	6	Search and Research	52
Chinese Ambassador Visits the Israel - China Friendship Forest	7	The Chinese Lady Who Joined the Ashkenazic People	55
Historic White Horse Café Officially Opens	9	Chinese Silver-Making has Jewish Roots	57
Making Aliya	10	Book Reviews	58
Holiday Greetings	11	Donations	64
Mao's Jews	30	Hebrew is Being Taught today in a Shanghai Primary School	68
Survivors of Shanghai Ghetto reunite after 70 Years	35	Grandfather's Music Store once on Central Avenue in Harbin	68
Hidden History: Shanghai's Russian Roots	36	The Shanghai Kehilalink	69
Hong Kong Pays Tribute to Robert Dorfman	39	In Memoriam	70
Yuyuan Road – Witness to Shanghai History	40	Obituaries	73
The New Israel's Messenger	44	New Wave in Jewish Migration to China since the Reform and Opening Up	91
Judy – In Memoriam	45		

THE IYS BULLETIN has been continuously published in English, Russian & Hebrew since 1954, and covers all aspects of the Jewish Communities of China, with historical memoirs, book reviews, archival information, and current stories of former residents of China living in Israel and around the world.

"The aim of the Association is to organize former residents from China for the purpose of mutual assistance and cooperation."

In Publishing the Bulletin the IYS aims to meet the following needs:

1. To promote a sense of community among former Jewish Residents of China.
2. To maintain a channel of communication between members of the community.
3. To assist in collecting, preserving and publishing historical material dealing with the life of the community.
4. To assist IYS in meeting its goals particularly those dealing with social assistance and educational stipends for members of the community living in Israel.

Dear Readers,

Due to our move to new premises and unforeseen difficulties we were unable to publish our bulletin in time for the holidays, and regret the delay in sending it to you.

The Bulletin team.

Association of Former Residents of China Igud Yotzei Sin

Dear Friends,

The years 2011-2012 were the most fateful years for the Igud Yotzei Sin since its establishment by the parent generation during the early 1950s.

In 2011, Assia Kogan – the main contributor to the activities of the Igud during the course of those years – became ill, and within a few months she passed away.

About a year later, in June 2012, Teddy Kaufman, the legendary Chairman of the Igud who had led it for forty years, suddenly died.

These two tragedies occurring so close together caused a very great disruption and forced us to struggle with continuing the activities of the Igud under almost impossible conditions. The money from Assia Kogan no longer arrived, the number of contributors was gradually decreasing as in the nature of things, and the younger generation showed a lack of interest in the activities of the Igud.

Our many appeals to the former residents of China were partially answered, and the money we succeeded in collecting over more than four years made it possible to continue with our work at a reduced rate, such as reducing the number of pages of the Bulletin, ceasing to issue it after the Passover of last year, lowering the number and amount of the scholarships, not updating our monthly allotments to the needy, and limiting the number of salaried workers at the Igud, which was always very small.

It is important to maintain the Igud as an intersecting link among the former China residents in Israel and in the world, and as a center of information about them through the Bulletin, which is issued twice a year (only once last year), its Internet website, and of course the annual gathering and scholarship awards during the Hanukah festival, which has also been reduced and given only to B.A. students.

In 2015 we reached a situation of “to be or not to be”, and focused on the first choice – “to be”. This could only be done by selling the offices in Gruzenberg Street. With the money obtained by the sale of the offices and from the contributions still arriving and hopefully will continue to arrive, we shall continue with our activities as far as possible, while taking into account the age level of the present activists and hoping for the enlistment of the younger generation, which unfortunately has not yet occurred.

The sale of the offices was concluded in December 2015 at a price based on the estimate of a qualified property assessor and professional estate agents and accompanied by a certified legal advisor.

In February of this year we moved to nice rented offices at the following address:

31 Habarzel Street, Tel Aviv | P.O. Box 13139, Tel Aviv
Telephone, Fax and Email remain unchanged

It is very important that contributions should continue to arrive and even to be increased in order to allow for the continued activities of the Igud in the coming years ahead.

Reminder:

All contributions to Igud Yotzei Sin are tax free in accordance with Paragraph 46 of Income Tax Regulations.

For the past few years, the Igud has received the annual “Certificate of Proper Management” from the NGO Registrar, Ministry of Justice. The current financial activities of the Igud are under the supervision of a certified public accountant (CPA).

Visitors are welcome and we will be glad to receive volunteers for Igud activities

With our best wishes for the holidays.

Yossi Klein
Chairman

Ran (Ronnie) Veinerman
Vice Chairman

Teddy Piastunovich
Deputy Chairman

Activities and Programs in the Israel-China Friendship Society for 2016

Ran Veinerman-Chairman

The Israel-China Friendship Society was founded when diplomatic relations were established between the State of Israel and the People's Republic of China on March 10, 1992. The inaugural meeting of the society was held on the same date at 17.00 hours in the community centre of Igud Yotzei Sin in Beit Ponve, 13 Gruzenberg Street, Tel Aviv. Fourteen members participated at this meeting. The Chairman was the late Teddy Kaufman, the Treasurer was the late Jacob Tandet, and the Secretary was the late Dov Mirkin.

The aim of the Israel-China Friendship Society was to promote friendly relations between the peoples of Israel and China in those fields in which we can contribute and in accordance with the decisions of the Israel-China Friendship Society.

The activities held during the year 2016 included an invitation by the Confucius Institute of the Hebrew University of Jerusalem for a performance given by an artistic delegation of students from China and by students from the Department of Asian Studies at the Hebrew University. The performance consisted of dance excerpts, songs, and music played with traditional Chinese instruments. This event was held on Wednesday, March 16, 2016.

We also received an invitation for the Bahai New Year reception which took place at the King David Hotel in Jerusalem on March 22, 2016.

The International Chinese Radio Conference on April 6, 2016 was organized, with the participation of a delegation of senior figures in the field of Chinese International Radio, in order to examine the possibility of cooperation with Israeli media groups.

The future aims of the Friendship Society for the year 2016 will focus mainly on cooperation with the Confucius Institute in a number of fields such as study classes for learning the Chinese language in groups of eight to 10 students per class, and lectures on subjects relating to China and its culture, once every quarterly semester. Each lecture session will comprise a general gathering, light refreshments, a lecture, and in certain cases a discussion after the lecture. Workshops for Chinese art such as paper cutting, paper folding, etc. are also planned.

In this year we shall also organize our annual tour in Israel with the participation of the Chinese Ambassador to Israel, representatives of the embassy staff, and members of the Israel-China Friendship Society. Details of this tour will be published in the near future.

We would like to note that all the activities are conditioned upon the active participation of members in the events and in the workshops according to their individual choice.

Since we intend to increase the number of members in the Friendship Society and to lower their average age by the participation of the younger generation, we shall be glad to accept new candidates recommended by the present members.

April 2016

Chinese Ambassador Visits the Israel-China Friendship Forest

“Our two nations share a friendship that dates back over many years.”

China’s new ambassador to Israel Zhan Yongxin paid a visit to the Israel-China Friendship Forest in the Negev in celebration of the Chinese New Year, which ushered in the Year of the Sheep. In the course of their visit the ambassadorial delegation had the opportunity to observe

Efi Stenzler presents Ambassador Zhan Yongxin with a mounted Blue Box.

Photo: Edi Israel, KKL-JNF Photo Archive

Ambassador Yongxin plants a tree in the Israel-China Friendship Forest. Photo: Edi Israel, KKL-JNF Photo Archive

two KKL-JNF Negev projects at first hand: Beersheba River Park and the Abraham’s Well Visitors’ Center.

“Our two nations share a friendship that dates back over many years,” said the Chinese ambassador. “Relationships between people form the basis for relationships between states. We’ve gathered here in the Israel-China Friendship Forest in order to care for the woodland, which symbolizes the strong links between our two nations.”

KKL-JNF World Chairman Efi Stenzler told those assembled that, apart from a message of friendship, this grove in Lahav Forest on the fringes of the desert also communicates an important

At Beersheba River Park with Anat Gold (far right). Photo: Yoav Devir

Abraham’s Well Visitors Center. Photo: Yoav Devir

ecological message. “We’ve learned how to plant trees in arid areas by combining techniques used by the desert dwellers of old with modern equipment,” he said. “These methods developed by KKL-JNF foresters can be adapted by many other countries throughout the world and used in the battle against desertification and global warming.”

The visit took place on April 1st, shortly after the celebration of the Chinese New Year. As China is now in the Year of the Sheep, the sheep grazing peacefully in the woodland as the ceremony took place provided a highly appropriate backdrop to the proceedings. After raising their heads briefly as if to inquire what all the fuss was about, however, the animals soon returned to their central preoccupation and continued to crop the grass. The owner of the flock, Khalil Mileh of Rahat, even invited one of the sheep to be photographed together with the ambassador and Efi Stenzler.

The Chinese guests showed great interest in Israel’s observance of the current sabbatical (shmita) year. KKL-JNF’s Head of Protocol Andy Michaels explained that no trees would be planted this year, and that the ground would be left to lie fallow. “But don’t worry, we’ve got a trick up our sleeve,” he added with a smile. “We plant the tree in a pot and then transfer it to the ground at the end of the year.”

Ambassador Yongxin remarked that China has a similar tradition of allowing the land to rest. “There is a great deal of similarity between

our two nations," he said. "We both respect tradition, family values and the riches of an ancient culture."

The planting ceremony was held on a rainy day, a rare occurrence in this part of Israel. "You've brought the rain with you, and we thank you for that," Efi Stenzler told the Chinese delegation.

Liat Yitzhak, the KKL-JNF official responsible for relations with China, read the Planters' Prayer and all those present set to work.

"Israel's relations with China are important for peace, the development of knowledge and expertise and the generations to come," said World Chairman Efi Stenzler in conclusion. "We shall continue to strengthen China's ties with Israel for the benefit of all parties concerned," declared the Chinese ambassador.

Becoming acquainted with KKL-JNF's vision

After the ceremony in the Friendship Forest, the Chinese delegation paid a visit to Beersheba River Park. "We've turned a polluted and neglected wadi into a lively urban park that boosts the development of the city," said Anat Gold, Director of Planning in KKL-JNF's Southern

Region.

The rehabilitation of the river, which was carried out by KKL-JNF in conjunction with a number of other bodies, has transformed the site into a well-kept green belt that is helping Beersheba to reinvent itself and attract new sectors of the population to settle there. The establishment of the park was made possible thanks to the support of Friends of KKL-JNF in the USA, Canada, Germany and Switzerland.

Beersheba River Park offers the visitor lawns, attractive landscaping, promenades, seating areas, an amphitheater, archeological sites and heritage sites such as ancient wells and the Turkish railway bridge that overlooks historic Beit Eshel. Its gardens and vegetation are irrigated with water from reservoirs that KKL-JNF has established in the area.

The Chinese delegation members listened as Anat Gold described future plans for further development of the area, which include the creation of an artificial lake, a sports and recreation center, playgrounds, a botanical garden and bridges to the various local neighborhoods.

The day's excursion allowed the Chinese visitors to glimpse something of KKL-JNF's extensive

work to develop the Negev for the benefit of all those who live there. Anat Gold mentioned some of the projects KKL-JNF has initiated in local Bedouin communities, including the Wadi Attir farm and parks in both Rahat and Segev HaShalom.

Within easy reach of the Beersheba Park lies the Abraham's Well International Visitors' Center, which tells the story of the Patriarch Abraham and Beersheba in ancient times. The center, which was established with the support of JNF USA, offers a cutting-edge multimedia presentation, and the members of the ambassadorial delegation made their way between Biblical verses projected on to the walls as they followed Abraham's caravan. In conclusion they watched a three-dimensional film about the history of Abraham and Beersheba. "KKL-JNF's green vision fills us with admiration," declared Chinese Embassy representative Han Jun at the end of the visit. "Israel may be a small country, but it knows how to initiate and innovate, and we have a great deal to learn from it."

**Keren Kayemeth Lelsrael
Jewish National Fund
Sunday, April 12, 2015**

Garden Bridge - SHANGHAI

Boy on the Garden Bridge
PHOTO CREDIT HISTORIC SHANGHAI

I
q
u
d

V
o
t
z
e
i

S
i
n

HISTORIC WHITE HORSE CAFÉ OFFICIALLY OPENS

Ron Klinger, a descendant of the White Horse Café's owner, at the opening ceremony

An iconic café in the former Jewish ghetto of Shanghai that served as a meeting place for Jewish refugees during WWII was re-opened on 26 August in the presence of 300 dignitaries.

During the war, the White Horse Café, also known as the Wiener Cafe Restaurant ("Zum Weissen Rössl"), was where Jewish refugees met. It was first opened in 1939. Shanghai served as a temporary home to tens of thousands of Jews who fled persecution and eventually genocide in Europe during the 1930s and 1940s. Nazi Germany's wartime ally Japan took the city in 1941, and later moved 20,000 Jews into a ghetto in the northern district of Hongkou, where they lived alongside Chinese residents in very poor conditions.

Despite occasional mistreatment by the authorities, they were spared systematic extermination, thanks to Japanese defiance of requests from Berlin. "Shanghai saved our lives," former Jewish refugee Judy Kolb, who lived in the ghetto as a child, told the news agency AFP. "Shanghai was the only city foreigners could get into without visas, even without passports "the only city that opened the door," said Pan Guang, dean of the Center of Jewish Studies in Shanghai.

World Jewish Congress Deputy

White Horse Café ("Zum Weissen Rössl") in 1939

CEO for Diplomacy Maram Stern was among the speakers at the re-opening ceremony at the White Horse Café. He told the guests: "The ghetto here was squalid, and the 18,000 people who in 1943 were forced by the Japanese occupiers to live in the restricted sector suffered a great deal, as did the native Chinese population there. But compared with the ghettos in Warsaw, in Theresienstadt, in Lodz, this was probably paradise. At least it was a safe haven for tens of thousands of Jews."

Among the guests at the ceremony was Ron Klinger from Australia. His grandparents, who went to Shanghai from Vienna in 1938, had opened the inn. "A lot of people visited, Jewish people and non-Jewish people. It was like cafe, bar and nightclub. It was very popular," recalled Klinger.

The café was rebuilt about 100 yards from its original location, and is located next to the Shanghai Jewish Refugees Museum. The café is also in the process of being inscribed

as a UNESCO Memory of World Register, along with some other buildings in Shanghai that served as iconic spots for Jewish refugees. "The city has completed collation of the refugee list, data bank, literary, video and audio material," said Chen Jian, curator of the Shanghai Jewish Refugees Museum, who is working with the Hongkou District government on the UNESCO application.

The three-storey wooden and brick structure, which combined Western and Eastern architecture, served as a popular shelter for Jewish residents living nearby. The owner sold the café after the war, and it was demolished in 2009 to make room for a subway.

"We have kept the building's blueprints and key components such as beams and some wooden curving on walls for the rebuilding," Chen said. The first floor will be a café, while the upper floors will hold exhibitions.

Jewish Times Asia
October 2015)

Making Aliya - by Sophie Levine

Chinese Jews Forge Link to Ancient Kaifeng Community

On Monday, February 29, five women from the ancient Chinese Jewish community of Kaifeng plan to make aliya with the help of the nonprofit organization Shavei Israel. After studying Hebrew and Judaics over the past few years, the five are excited to assimilate into Jewish culture after moving to Israel.

Li Jing, one of the new immigrants, said that on a previous visit to Israel, she put a note in the Western Wall in which she asked to have the chance to be able to return to Israel and live there one day. "Now, my prayer has been answered," she said.

The women will undergo a formal conversion process overseen by Israel's Chief Rabbinate and later become citizens of the Jewish state. Shavei Israel will continue to support them by covering living expenses and providing assistance in their integration into Israeli culture.

"Being part of the Jewish people is an honor, because of the heritage and wisdom," said Li Jing.

Shavei Israel Chairman Michael Freund helped bring seven young men from Kaifeng to Israel in 2009. He hopes to play a large role once again in supporting these women as they immigrate to Israel. Upon their Monday arrival, Freund will meet the women at Ben Gurion International Airport and take them directly to the Kotel.

"These five young women are determined to rejoin the Jewish people and become proud citizens of the Jewish state, and we are delighted to help them realize their dreams," said Freund.

"Kaifeng's Jewish descendants are a living link between China and the Jewish people," said Freund. "After centuries of assimilation, a growing number of the Kaifeng Jews in recent years have begun seeking to return to their roots and embrace their Jewish identity."

The Kaifeng Jewish community dates

back to the 8th or 9th century when Iraqi and Persian Jewish merchants traveling the Silk Road founded the community. The community's first synagogue was built in 1163. It continued to be the center of Jewish life in Kaifeng throughout the Ming Dynasty (1368-1644) when the community reached its largest at 5,000 people. However, after this peak, the Yellow River flood of 1642 destroyed the synagogue and took many lives from the small community. Inter-marriage, assimilation into Chinese culture, and the death of the last rabbi in the 1800's, later led to the community's downfall.

The community currently has 500-1,000 people, and community members are experiencing a revival in the interest to preserve the culture and tradition of their ancient Jewish community. Shavei Israel is playing an active role in supporting this mission by engaging community members in Judaism, and helping some make aliya to Israel.

Feb 2016 – Forward News

Pvt. Jonathan left everything behind in China to make Aliya and join the IDF - and he has just realized his dream!

The Israel Project - 22 June 2015

Holiday Greetings

**The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN in ISRAEL
SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS
TO THE COMMITTEE OF
the AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY in NEW YORK,
HONORARY MEMBER OF IYS,
AND WISHES MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY TO ALL ITS MEMBERS
AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN THE UNITED STATES OF AMERICA**

**The BOARD of DIRECTORS and the ENTIRE MEMBERSHIP
of the NEW YORK AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY
EXTEND BEST WISHES FOR THE HOLIDAY
TO ALL OF OUR FRIENDS**

**WISHING A HAPPY HOLIDAY TO FAMILY AND FRIENDS
ROSE and NORMAN PEISER
SUSAN and MARK BRITANISKY
New York, USA**

Holiday Greetings

12

*l
q
u
d

y
o
t
z
e
i

S
i
n*

DORA and JOE WAINER

**WISH A HAPPY HOLIDAY
TO ALL RELATIVES AND FRIENDS**

New York, USA

Holiday Greetings

BEST WISHES
FOR A HAPPY AND HEALTHY ROSH HASHANA
TO OUR RELATIVES AND FRIENDS
ANGELICA and MICHAEL KLEBANOFF

Palm Beach, USA

Holiday Greetings

WISHING A HAPPY HOLIDAY
TO FAMILY AND FRIENDS
Mrs. LUBA TUCK and FAMILY
New York, USA

WISHING A HAPPY HOLIDAY
TO FAMILY AND FRIENDS
Mrs. EDA SHVETZ and FAMILY
New York, USA

**TANIA and ROBERT MATERMAN
and SON AVRAHAM YAACOV**
EXTEND BEST WISHES FOR A HAPPY HOLIDAY TO ALL RELATIVES AND FRIENDS
New York, USA

Holiday Greetings

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN in ISRAEL
SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO ALL THE FAR EASTERNERS IN SAN FRANCISCO,
LOS ANGELES AND SOUTHERN CALIFORNIA

AARON (BILLY) BELOKAMEN
WISHES ALL RELATIVES AND FRIENDS A HAPPY HOLIDAY
Los Angeles, USA

ALL GOOD WISHES FOR THE HOLIDAY
TO FAMILY AND FRIENDS
RENEE FRANK
Beverly Hills, USA

Holiday Greetings

16

*I
q
u
d

V
o
t
z
e
i

S
i
n*

TO HONOR OUR PARENTS
MAX and MOLLY SAMSON
AND
BEN and VERA BERG

DELORES and ROGER BERG
Los Angeles, USA

Holiday Greetings

GREETINGS TO OUR RELATIVES AND FRIENDS

MARK and CLARA LEEF

Laguna Woods, CA, USA

TO ALL MY FRIENDS AND FAMILY A VERY HAPPY HOLIDAY

BETTY LIAS

San Diego, USA

WISHING ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS ALL OVER THE WORLD

A HAPPY HOLIDAY

HAG SAMEACH

from GUTIA, EUGENE BASOVITCH and FAMILY

Monroe Township, NJ, USA

JOE MRANTZ

WISHES ALL HIS FRIENDS AND FAMILY A HAPPY HOLIDAY

Kula, Hawaii, USA

Holiday Greetings

HOLIDAY GREETINGS TO ALL RELATIVES AND FRIENDS
DAVID and FREDERIQUE FAMILIANT

Monte-Carlo, Monaco

GREGORY HODSON and FAMILY

WISH ALL RELATIVES AND FRIENDS A HAPPY HOLIDAY

Los Angeles, USA

A HAPPY AND HEALTHY HOLIDAY

**Sanford (Sanya) and Celia WAINER, Jerry EVELYN and Josh ROTHMAN,
Andrew GALL and Allison WAINER,
Kenny, Brett, Ellie and Jenna ROSENBERG**

Tamarac, USA

Holiday Greetings

**The BOARD of GOVERNORS of the FAR EASTERN SOCIETY
of SAN FRANCISCO**

**EXTENDS HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO IGUD YOTZEI SIN
AND TO ALL FAR EASTERNERS IN ISRAEL AND ABROAD**

OLGA KAUFMAN

**EXTENDS HER HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO ALL RELATIVES AND FRIENDS**

Burlingame, CA, USA

HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO RELATIVES AND FRIENDS

MIRA and PHIL MATERMAN

Torrance, CA, USA

Holiday Greetings

HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO ALL RELATIVES AND FRIENDS
HARUCO and NORMAN SOSKIN
Burlingame, CA, USA

HAPPY HOLIDAY TO ALL FRIENDS AND FAMILY
ARON SLOUSTCHER
Walnut Creek, CA, USA

HAPPY HOLIDAY TO ALL OUR FRIENDS AND THEIR FAMILIES
MARY WOLFF and FAMILY
Valencia, USA

HAPPY HOLIDAY TO ALL RELATIVES AND FRIENDS
**DORA (nee VIDUMSKY), GABRIEL LEE
and FAMILY**
New York, USA

Holiday Greetings

MARY BLOCH and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Hong Kong

DAVID DORFMAN and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Hong Kong

Mr. and Mrs. HARRY TRIGUBOFF

Sydney, Australia

Holiday Greetings

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN in ISRAEL

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES

TO THE IYS HONORARY REPRESENTATIVES

JESSE and NAOMI TRACTON

AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN AUSTRALIA

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN in ISRAEL

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO

Mr. and Mrs. HARRY TRIGUBOFF

Mary and Alex SAMSON

Sydney, Australia

Mrs. VERA KARLIKOFF and FAMILY

Sydney, Australia

Holiday Greetings

Jesse and Naomi TRACTON,
Ian, Kim, Michelle, Avi
and family
Sydney, Australia

Inna MOUSTAFINE
Ms. Mara MOUSTAFINE
and Mr. Andrew JAKUBOWICZ
Sydney, Australia

Mr. & Mrs. Renee TSUKASOFF
and Mark
Sydney, Australia

Mrs. Nora KROUK
and family
Sydney, Australia

Mrs. Sophie SAKKER,
Rachelle, Michael and Benjamin
Sydney, Australia

Dr. Samuel SAKKER (M.B.E.)
and family
Sydney, Australia

Ruth and Morris ESKIN
and family
Sydney, Australia

Mrs. Zina KOMONSKAYA
Sydney, Australia

George and Mary VORON
and sons
Sydney, Australia

Mrs. Hanna STERN
and family
Sydney, Australia

Mrs. Lika KAGANER
and family
Sydney, Australia

Mrs. Stella UDOVITCH
and family
Sydney, Australia

Mrs. J. VINSON and family
Toorak, Vic., Australia

Happy Holiday!

Holiday Greetings

WARM GREETINGS TO MY DEAR RELATIVES AND FRIENDS

ALEX FAIMAN

London, UK

24

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN in ISRAEL

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS

TO ALL THE FORMER RESIDENTS OF CHINA IN CANADA
AND WISHES THEM MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY

BEST WISHES

FROM

LILY LIFSHITZ

Montreal, CANADA

Holiday Greetings

BEST WISHES FROM
Mrs. Dorothy RAYSON
Montreal, Canada

A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES
TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS
NADIA and JACK OGNISTOFF and ELEONORE TREMBLAY
Burnaby, Canada

BEST WISHES FROM
Mr. A.G. ULAINE
Montreal, Canada

YOSSI KLEIN
WISHES A HAPPY HOLIDAY
TO THE STAFF OF IGUD YOTZEI SIN AND THE "BULLETIN":
INNA HANUKAYEVA, CECILIA LYUBMAN, NELLY STEINBERG
AND TO THE VOLUNTEERS: FLORI COHEN, JUDITH SANDEL, ORIT DUANI
Tel Aviv, Israel

Holiday Greetings

YOSSI KLEIN and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

IN ISRAEL AND ABROAD

Ramat Hasharon, Israel

A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES

TO RELATIVES AND FRIENDS

RAN (RONNY) VEINERMAN and FAMILY

Haifa, Israel

JENNY and TEDDY PIASTUNOVICH

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

Kefar Sava, Israel

NATALIA and SEVA PODOLSKY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO RELATIVES AND FRIENDS IN ISRAEL AND ABROAD

Jerusalem, Israel

ESTHER WANDEL

SENDS GREETINGS

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Kiryat Motzkin , Israel

Holiday Greetings

BEST WISHES TO MY FRIENDS
IN ISRAEL AND OVERSEAS
ABRAHAM FRADKIN

Tel Aviv, Israel

RASHA KAUFMAN

WISHES A HAPPY HOLIDAY TO ALL HER FAMILY AND FRIENDS
IN ISRAEL AND ABROAD

Ramat Gan, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS
BELLA and AVRAHAM GOLDREICH

Tel Aviv, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS
MIRIAM and DANIEL FRIEDMANN

Netanya, Israel

Holiday Greetings

HANNAH and SAM MULLER

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

Kfar Shmaryahu, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

**ILANA and GIORA LESK,
CARMELA MADPIS and FAMILIES**

Raanana, Israel

YONA KLIGMAN

SENDS HAPPY ROSH HASHANA GREETINGS TO ALL HIS CHILDREN,
THEIR FAMILIES, THE EXTENDED FAMILY AND FRIENDS IN ISRAEL AND ABROAD

Jerusalem, Israel

BETTY HAZAN

SENDS GREETINGS FOR THE HOLIDAY
TO FRIENDS AND RELATIVES

WITH LOVE

Nahariya, Israel

Holiday Greetings

TIMA LITVIN and CHILDREN

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

IN ISRAEL AND ABROAD

Nahariya, Israel

FLORA FREIMAN

WISHES A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

Tel Aviv, Israel

PEARL and GEORGE KANPOL (KANTSEPOLSKY)

**WISH A HAPPY HOLIDAY
TO RELATIVES AND FRIENDS**

Ehud, Israel

ELI ALGOR (GROHOVSKY) and FAMILY

**WISH A HAPPY HOLIDAY
TO THEIR FRIENDS AND RELATIVES**

Tel Aviv, Israel

Mao's Jews

by Paul Ross

Mao Zedong with Sidney Rittenberg. Photo from the personal collection of Sidney Rittenberg

A backbreaking job treating skunk skins in a windowless building at the heart of Manhattan's Garment District was certainly not the most obvious or auspicious first step on a path that would eventually lead David Crook to China and into the highest echelons of China's Foreign Service. His mother, matron of a middle-class Jewish family living in the outskirts of London, originally had much greater aspirations for him. After all, he had shown early promise as a student and had done well enough on his exams to get accepted to Oxford. But before he could even set foot in a classroom, the family business collapsed, a traumatic event that brought his budding academic career to a premature end and dashed his mother's dreams. Faced with limited prospects and a shortage of funds, Crook eventually accepted an offer of employment, undoubtedly an opportunity of last resort, from a distant relative who was a furrier in New York.

To be sure, tanning skunk pelts for Garment District furriers was a far cry from rubbing shoulders with Oxford dons, but, as harsh an experience as this may have been, it did afford the young Crook a keen insight into the conditions of the working class and an appreciation for its plight. It was a transformative experience that would redefine his view of the world and determine the course his future would take.

Like Crook, Rittenberg early in life developed an appreciation for the challenges and conditions faced by the American worker, although there was nothing in his background to suggest that he would have any

On Oct. 1, 1967, China's National Day, Sidney Rittenberg had reached the pinnacle of his revolutionary career. It was the 18th anniversary of the founding of the People's Republic of China, and Rittenberg was seated on a reviewing stand less than fifty feet from Mao Zedong, overlooking a sea of thousands who had crowded into Tiananmen Square to mark the occasion.

Rittenberg was one of the very few foreign nationals who had remained in China after the communists came to power in 1949 and one of an even smaller number who had managed to work their way into Mao's inner circle, serving the communist leadership as valued advisers, trusted emissaries and even revolutionary leaders.

In addition to Rittenberg, there was Austrian, Jakob Rosenfeld, commanding officer of the Communist 4th Army's medical unit; Israel Epstein from Poland, a journalist who served as the Chinese

government's head of international public relations; and London-born David Crook, dean of the Beijing Foreign Languages University.

Although their backgrounds were varied and their motivations for coming to China diverse, these doctors, writers and educators had one thing in common - all of them were Jewish.

The story of how thousands of Jews fled Europe, took refuge in Shanghai, and eventually built schools, synagogues and businesses there is one that is well known. This often-told story eventually ends with the departure of all the Jews from China when the communists take over in 1949, a clean and satisfying end to a moving chronicle that leaves no ends loose or questions unanswered.

But in fact, not all those Jews left. Many stayed, and of those who did, a handful lived out dramatic lives that provide a rare glimpse into the early years of Communist China

affiliation with miners, bricklayers and pipefitters, much less end up playing a central role in the Chinese Revolution.

Scion of a wealthy family that was a pillar of the close-knit Jewish community of Charleston, S.C., Rittenberg grew up in privileged circumstances worlds away from the factory workers and day laborers whose cause he would come to champion. Like Crook, Rittenberg excelled as a student and, although he did well enough to secure admission to Princeton, he too would never set foot on campus. However, Rittenberg's failure to take advantage of higher education at one of the world's most prestigious academic institutions was not the consequence of a reversal in family fortune, but the result of a conscious decision to reject an institution whose values, Rittenberg reasoned, were not aligned with his own. Rittenberg concluded that the academic environment provided by an elitist university whose students represented a privileged social class would not suit someone who was an active participant in labor strikes, had joined the Communist Party, and had even spent time behind bars as a consequence of his actions.

Given Rittenberg's age and circumstances, one might be tempted to dismiss such an unorthodox decision as an act of youthful rebellion, but as Rittenberg's life unfolded, this inclination toward contrarian positions and strict adherence to principle emerged as a consistent character trait that surfaced at critical junctures and guided his most important decisions.

This admixture of unabashed idealism and commitment to the socially disenfranchised informed a worldview that Crook and Rittenberg shared and that would ultimately bring them to China and sustain them in their darkest days.

Rittenberg's initial engagement with China was purely coincidental. Shortly after his conscription into the U.S. Army at the outset World War II, Rittenberg learned that his first tour of duty would, ironically, be in a classroom learning Chinese, a language he knew nothing about. Teaching new recruits Chinese was a tactical element of the Army's broader efforts to build up the resources that would help strengthen its position in a country whose political landscape was shifting and whose strategic value was increasing. Much to his surprise, Rittenberg found that he enjoyed learning the language and soon reached a level of proficiency that qualified him for posting to China and assignment to a unit that was operating on the ground in Shanghai.

The China Rittenberg encountered on arrival in 1943 was in turmoil after years of economic instability, occupation by foreign powers and the looming threat of civil war. He was particularly struck by the abject poverty and dire circumstances that the average Chinese lived. His involvement in relief organizations brought him to the attention of the Communist underground. They sent an agent to approach him with an offer: Join the Communist revolutionaries and serve as a liaison to the representatives of foreign countries, especially the U.S. Rittenberg accepted the offer on the spot, but with one condition - that he be allowed to join the Chinese Communist Party.

The path that Crook followed to China was equally coincidental, but much more circuitous. Recuperating in a Madrid hospital from injuries he had sustained while fighting in the Spanish Civil War, Crook came across a copy of the newly published, "Red Star Over China," American journalist Edgar Snow's classic account of the Communist movement in China

Crook, who had become an avowed Marxist, came to Spain to fight in support of those on the left. While there, he was recruited by the Comintern, ostensibly to spy on suspected Trotskyites. Inspired by his reading of Snow's book, Crook decided that his destiny lay in China. To get there, he proposed to his Comintern handlers that they send him to Shanghai, a vantage point from which, he suggested, he would be able to keep an eye on a number of prominent Trotskyists who had gravitated to the city and report on their activities. It didn't take long for Crook to succumb to Shanghai's various diversions and, much to the KGB's dismay, was soon paying more attention to handicaps at the race tracks than to the task of spying and intelligence gathering. When Trotsky was assassinated in 1940, the KGB finally decided it no longer had need of Crook's services and terminated its relationship with him. After some time casting around for other opportunities of employment, Crook eventually drifted into teaching English and was introduced to a member of the Communist movement through an acquaintance.

In contrast to Rittenberg and Crook, who came to China because they were attracted by the prospect of adventure and driven by a sense of mission, Rosenfeld and Epstein came to China to escape deteriorating conditions in their home countries and to avoid being engulfed by a wave of oppression that was sweeping across Eastern Europe and putting their lives at risk. Rosenfeld, who graduated from the University of Vienna's prestigious medical school, had no sooner set himself up in practice and embarked on a promising career as an obstetrician than Nazi Germany annexed Austria and promptly set about ridding the country of its Jewish population. Like many other Jewish professionals in Vienna,

Rosenfeld was forced to shutter his practice and was eventually sent to a labor camp outside the city, his fate irrevocably sealed. In less than a year, though, Rosenfeld would walk out of the camp with a visa in hand that granted him passage to China and asylum in Shanghai. As miraculous as this turn of events may be, and as vague the circumstances surrounding them, it is plausible to assume that Rosenfeld had the good fortune to come to the attention of Ho Feng Shan, the consul general of the Chinese Consulate in Vienna who single-handedly saved the lives of hundreds of Austrian Jews by exploiting poorly enforced regulations (in cities such as Shanghai, whose systems and infrastructures had been undermined by years of turmoil) to issue so-called "asylum" visas that gave them shelter in China.

Like Shanghai, the city of Harbin at the heart of Manchuria China's vast northeast region, was in a state of upheaval. Extension of the Trans-Siberian Railway at the turn of the 20th century had fueled Harbin's rapid evolution from a remote trading outpost to a full-fledged transport hub and commercial center of strategic value to the Chinese, Russians and Japanese, who by 1930s, were engaged in a tug-of-war over its control. The resulting unrest and dislocation that resulted distorted many of the usual legal rules, political conventions and social norms or dissolved them outright. This combination of factors - a transport hub with poorly enforced regulations - made Harbin an increasingly accessible and therefore attractive destination for revolutionaries, opportunists and refugees.

It was under these circumstances that Epstein's family came to Harbin in the belief that it would serve them as a haven from the increasingly violent pogroms that were threatening Jewish

communities across Poland. A brief encounter with the city's chaotic urban landscape and the denizens that inhabited it - the American consul who roamed the streets in broad daylight with a drawn pistol in hand, the Japanese film studio director who doubled as a spy with an impressive murder record, and Chinese warlords whose tendency was to shoot first and ask questions later - made it clear to Epstein's parents that Harbin was a city of questionable safety and certainly no place to raise a young family. In short order, they moved to the city of Tianjin, a bustling port, that today lies just an hour's train ride southeast of China's capital, Beijing. In Tianjin, Epstein received an education in British schools. At a young age, he became interested in journalism, an interest that deepened as he entered his teenage years. By the age of 15, he was freelancing for United Press. He eventually dropped out of school so that he could devote himself full time to reporting on the dramatic events that were unfolding across northern China. Perhaps because of his own firsthand experience with oppression and social upheaval, Epstein, like Crook and Rittenberg, was very sympathetic to the plight of the poor Chinese he encountered, a sympathy that had been cultivated and reinforced by his father, Herman, who admonished the young Israel not to forget the plight that the Jews had suffered.

Epstein's journalistic talent and the sympathy he expressed in his writing for the Chinese people, attracted the attention of Song Qingling, Sun Yat-Sen's widow, who took him under her wing. Song Qingling was a visionary who recognized that China's success in getting the support it needed would depend on the strength of its image overseas, and set about finding ways to enhance that image. Epstein was one of those ways. She enabled him

to launch broad-based publicity campaigns targeted at audiences in the U.S. and Europe by leveraging her network of influential contacts and access to significant financial resources. Establishment of the monthly pictorial *China Today* with Epstein as editor-in-chief was an outgrowth of these efforts. As the country became more and more distant from the West, the publication effectively became (and remained) Communist China's voice to the outside world.

On the eve of the Communist takeover in 1949, Rosenfeld had achieved the rank of officer in the Communist military, a post he had secured largely by making himself indispensable as a leader and doctor who not only dressed the wounds and eased the suffering of the rank-and-file soldiers but, more importantly, attended personally to the needs of senior revolutionary officers who would later occupy prominent posts in the government of the new People's Republic of China. Given his standing, Rosenfeld was well-positioned to enjoy the fruits of victory and the rewards for everything he and his Chinese comrades had struggled for. Yet, ironically, even before the revolution reached its victorious conclusion, the "Big-Nose Medical Saint," as he was known by the troops, decided to return home to Vienna. Now that the war was over, Rosenfeld was convinced that Austria was on the road to recovery and that he would eventually be able to revive his livelihood. He also had learned that his sister was still alive and he was eager to be reunited with her.

On the eve of the Communist victory, Crook was also serving on the front lines in northeastern China, applying his teaching experience to the education of young leaders on the battlefield who would come to occupy senior posts in China's Diplomatic Corps

and laying the groundwork for the establishment that would become China's Foreign Languages Institute. Crook distinguished himself and gained the trust of the Communist leadership through the degree of his self-sacrifice and, as a party member, willingness to subject himself to self-criticism and abnegation that was as harsh if not harsher than what his Chinese colleagues endured.

Known to the Chinese as "Li Dunbai," Rittenberg proved his revolutionary mettle and demonstrated his zeal by struggling side-by-side with Mao, Zhou Enlai and other Communist revolutionaries on an arduous 500-mile journey to the refuge of caves in remote Yan'an that would become known as the "Long March."

Like the other revolutionaries, Rittenberg lived a spartan life in Yan'an and followed a routine that was well-circumscribed: By day, he was an adviser to Mao, providing insights into American policy and drafting official correspondence to President Harry Truman and other American government officials on Mao's behalf. By night, he was an active participant in the impromptu dances the revolutionaries organized, an activity that enabled him to forge bonds and deepen relationships with influential members of the communist movement that would play a consequential role in his life in China. One such acquaintance was Mao's wife, Jiang Qing, an actress who, in Rittenberg's estimation, was a lot better at dancing than she was at acting. Rittenberg also served as an occasional translator for the Laurel and Hardy movies that Mao, Zhou Enlai and the other revolutionaries were so fond of watching on Friday evenings after dinner.

The next 30 years that Rittenberg would spend in China had all the arc and sweep of a classic Greek tragedy: The hubris of the young revolutionary eager to make history who is catapulted into the very

center of a movement that would change the lives of millions, the reversal of fortune that would lead to a fall from grace, and finally enlightenment, a change from ignorance to awareness.

Hubris

In the early 1960s, on the eve of a decade of upheaval that would come to be known as the Great People's Cultural Revolution, Rittenberg was working in the foreign affairs office of the Central Broadcasting Bureau, a powerful organization whose strategic importance would place it on the leading edge of the revolution. Rittenberg, true to his nature, took an active role in the Cultural Revolution at its earliest stages. His engagement in mobilizing workers, organizing revolutionary study sessions and other related activities catapulted him into a position of revolutionary leader.

The following excerpt from a speech he delivered to audiences across the country - from peasants in small villages to students in auditoriums and workers in stadiums - brought him to national prominence and turned him into a celebrity.

"When I was a young man growing up in America, I worked alongside steelworkers and miners. I joined the American Communist Party. So I have experienced at firsthand how capitalism exploits workers. The life of a worker in the U.S. is a tough and painful one. China should avoid going down the path of capitalism at all costs."

His spectacular revolutionary career reached its apex with the bold takeover of Central Broadcasting Bureau that he engineered as the leader of a radical faction.

Emboldened by his power and success, he increasingly used his speaking platform and stature to bring the revolutionary commitment of others into question and point out contradictions in their behavior,

a tactic that ended the careers of not a few innocent citizens and brought misery to their families.

A Reversal of Fortune

One of the targets of Rittenberg's defamatory speeches was Jiang Qing, who for Rittenberg would always be the B actress and dance companion he knew from Yan'an and, in any event, hardly a threat to someone such as him, who wielded so much power and influence. This turned out to be a severe miscalculation that would ultimately lead to his downfall. Since Yan'an, Jiang Qing, perhaps proving that she was a worthy actress after all, had succeeded in transforming herself into the "White-Boned Demon," ringleader of the notorious Gang of Four and the object of fear and loathing. In a matter of weeks after delivering his stinging criticism of the woman many had come to see as an object of fear and loathing - hence her nickname - Rittenberg found himself in solitary confinement behind the walls of Qincheng Prison, a correctional facility on the outskirts of Beijing that was less forbidding than Alcatraz, perhaps, but no less notorious.

For most of the counter-revolutionaries, professors and artists who ended up there, being sent to Qincheng Prison was a fate worse than death. For Rittenberg, the time in Qincheng was a period for reflection and contemplation. The regimen of prison life, the long periods of inactivity and the pervasive silence was, Rittenberg reasoned, an existence that was not much different than that of "a monk in a monastery," and he kept himself occupied with activities that would keep his mind active and his spirit engaged. "Comrade Li Dunbai," noted the prison's chief warden, "reads the [People's Daily] from beginning to end every day without fail."

Despite their status as party members, sacrifice on the front lines and impeccable record of service to the state and the party, Crook and Epstein also were imprisoned in Qincheng Prison at the height of the Cultural Revolution, victims of irrational fears of foreign influence, intrigue and spying. This was a fate that befell a good number of foreigners. However, like most of the other foreigners who were imprisoned, Crook and Epstein were released in 1973 and invited to an official state dinner, where they received an official apology from Zhou Enlai. Only Rittenberg was missing. Asked by one of those present at the dinner about Rittenberg's absence, Zhou Enlai responded gravely: "Li Dunbai has committed severe crimes against the state and its citizens. Because of this, he will remain in prison."

34 *Enlightenment and Awareness*

Rittenberg's term in prison would last nearly six more years, and upon his release in 1979, he emerged a much wiser and more humble person. After admissions of error and wrongdoing, he was finally pardoned. The official government statement exonerating him read:

"Comrade Li Dunbai has worked

for the benefit of the Chinese people since 1945 and made great contributions to the Chinese revolution."

In 1980, Rittenberg, approaching his 60th birthday, decided that he was finished with China and returned to the place where his odyssey had started, Charleston, S.C. There he took a job as a teacher in a local community college, intending to lead a quiet and unassuming life. Although he thought he was finished with China, China, it seemed, had not quite finished with him.

As China began to liberalize and institute economic reforms in the 1980s, large American firms began to take an interest in the potential market opportunities such a huge country offered. But since China had been closed for so many years, the Chinese lacked the insights and experience needed to be successful. Thanks to his extensive knowledge of China and, even more importantly, his familiarity with officials at the very highest levels of the Chinese government - many of whom he had been comrades-in-arms with in the caves of Yan'an - Rittenberg became the go-to adviser for any U.S. company seriously considering entry into the Chinese market. Intel, Levis and Microsoft, to name just a few, knocked on his door. The man

who once rejected capitalism for the communist ideal would now grow wealthy serving capitalism in a communist country.

Rittenberg, Crook, Epstein and Rosenfeld each approached China in a unique way and each played a distinctly different role during the time he spent in the country, but in the end, it is what they have in common that provides the greatest insight into their personalities and their motivations. In addition to being Jewish, they all joined the Chinese Communist Party, became Chinese citizens, and, most intriguingly, all lived to be more than 90 years old. Whether there is any connection between their longevity and their engagement with China is open to speculation, but what is certain is that their experiences and contributions generated one of the more unique and interesting perspectives on the great transformation of China in the 20th century.

Paul Ross is a telecommunications executive who has been living in Shanghai for eight years and a member of Kehilat Shanghai, a liberal Jewish community in Shanghai. He first came to China in 1985.

Nov. 20, 2015

Survivors of Shanghai Ghetto reunite after 70 years

By Susan Jacobson

The last time Bella Tresser and Chaya Small saw each other was nearly 70 years ago in Shanghai, where their families had taken refuge during the Holocaust.

On Wednesday (August 5th), the former schoolmates reunited at Tresser's home in Orlando, grateful that luck and the courage of one man allowed them to live long lives and find each other again.

"It was a total miracle that this happened," said Small, who lives in Chicago. "I get very emotional about it."

Tresser and Small were young children when their families fled Poland as the Nazis invaded in 1939. They were among about 20,000 European Jews who settled in Shanghai in the late 1930s and early 1940s. Most eventually were forced into the Shanghai Ghetto, officially known as the Restricted Sector for Stateless Refugees...

The women have only snippets of memory from that time, but they never forgot their friendship...

Tresser, 80 and Small, 81, lost track of each other after they immigrated to the U.S. shortly after World War II. Tresser lived in New York City, where in 1956 she married Mel Tresser, who was about to graduate from medical school. They settled in Orlando in 1962 and raised three children.

Small also lived in New York, where she married Michael Small before moving to Chicago in the mid-1950s. The couple raised a family in Rogers Park, where she still lives. Small, a rabbi and lawyer, died in 2011.

The women reconnected in 2013 after the Chicago Tribune wrote an article about a reunion in Illinois of Shanghai Ghetto survivors. A friend sent the newspaper to Tresser, who didn't recognize her friend's married name.

Then she saw a picture of Small on her ID card from her time in China. A Google search led to a two-hour initial phone conversation. They have been talking and exchanging email and pictures ever since, but

bouts of ill health prevented them from getting together until now. Small flew to Orlando this week and is staying with her friend.

In a way, the two women are strangers. In another, they are bound by a shared past and a piece of history unknown to many people.

"We still have that same feeling for each other," Tresser said as the women sat on a sofa, their arms around each other.

When Small saw Tresser's home, she was delighted to discover that the two have similar taste in home decor and share a love of Chinese collectibles... Both have returned to Shanghai to revisit their past.

Small and Tresser are eager to tell the story of diplomat Chiune Sugihara, whose records show helped about 2,000 Jews escape the Nazis in 1940 in defiance of orders from his superiors...

For both women, the wonders of living into their ninth decade and resuming a once-lost relationship are their victory over an evil almost beyond comprehension.

Small already is looking forward to a visit she hopes Tresser and her husband will make to Chicago.

"We're not going to lose each other now that we found each other," Tresser said.

Susan Jacobson may be reached at sjacobson@orlandosentinel.com, [Twitter@osnighhawk](https://twitter.com/osnighhawk) or 407-540-5981.

Excerpted from the Orlando Sentinel August 5 2015

Hidden History: Shanghai's Russian Roots

By Katya Knyazeva

ransom.

Poor, stateless and linguistically challenged, Russians still ranked above the Chinese in the Concessions, but were far below Europeans. Russian employees of the French police were invited to annual balls in the French Club (now the Garden Okura Garden Hotel), but they were pointedly ignored when they arrived.

So Russians started their own businesses. There was space in the former French Concession, the municipal administration was laissez-faire and banks were lending: it was boom time in the roaring '20s. Russian shops began to appear on Avenue Joffre, between Avenue Dubail (Chongqing Lu) and Avenue de Roi Albert (Shaanxi Nan Lu).

By 1928 that area became known as "Little Moscow." Bakeries, barbershops, cafés, pharmacies and fashion salons served the diaspora and were popular with

36

l
q
u
d
y
o
t
z
e
i
S
i
n

Before the 1920s, the French Quarter was nearly empty and barely French. There were poor Chinese in a shikumen district to the east (today's Xintiandi), and a few gated estates for Europeans were being built further west, but the area was mostly rural, barely a suburb. Avenue Joffre (Huaihai Lu) was little more than a bridle path lined with wooden bungalows. Europeans didn't even bother to staff the civil service: Vietnamese rent-a-cops with sharpened black teeth guarded sleepy street crossings.

Then, in the '20s, the French Concession popped. A thousand businesses were established in a single decade. Diverse services, cultural institutions and the most varied street life in Shanghai became

characteristic of the Frenchtown. And this new Frenchtown was Russian.

Moving In

Unlike the British, French and Americans, Russians did not come to China by choice. They were refugees fleeing the 1917 Bolshevik Revolution and the famine and civil war that accompanied it. Many settled in Harbin, working on the East China Railroad and border trade, but the threat of the Japanese occupation of Manchuria pushed them south to Shanghai.

The China refugees were largely middle-class: teachers, engineers, dentists, military men or artisans like shoemakers and jewelers. Some were intelligentsia and spoke a little French, but most spoke Russian only, and that was a liability.

Jobs were scarce. Former White Army officers found work in the police force or worked as doormen, drivers and mechanics. Bodyguards were in demand: local gangs were known to kidnap expat children for

the other foreigners. Blackman's Fur Store, Foch Pharmacy, DDs Café, George Photo Studio, Renaissance Restaurant, Perla Lingerie Salon and the Brothers Tchakalian Bakery were famous destinations for expats. It was also around this time that many of today's long-standing Chinese businesses, like Gujin Underwear and Star Pharmacy, were started. Originally Russian brands, they were nationalized after Liberation. For the first time in Shanghai, there was a vibrant street life operated by Europeans.

The Russians created a world of leisure with a different character than the insular British clubs or the rough and tumble American bars. Tkachenko's, at the crossing with Rue Massenet (Sinan Lu), was as much a dance hall as it was a restaurant. At lunch, local radio programs were piped into the dining room; in the evening gipsy bands with muzzled dancing bears or child acrobats took over the floor (and a few tables). Uniformed Tsarist officers waited tables. The menu featured boiled tongue, beef Stroganoff, "Guriev kasha" (a sweet semolina dessert) and vodka from Shanghai-based distilleries. Curious expats were willing to step over drunken Russian beggars to dine in and catch a glimpse of the mysterious Russian soul.

Art and Soul

But the new "Russian soul" in Shanghai was really an influx of European arts in a culturally barren treaty port. Russian refugees (unlike the traders and adventurers from Europe) were poor but educated and musically inclined. Classical

Russian musicians filled the city's orchestras; the Lyceum Theater had Russian opera, operetta and ballet troupes. Elite musicians employed by the British Municipal Orchestra each got a car with a driver. Virtually every music teacher in Shanghai was Russian.

Oddly, however, the most influential cultural import in the city was not European. The sound of Shanghai in the '30s and the '40s was American jazz, interpreted (mostly) by Russian artists. Nikolay Nikorkin's well-paid band provided the musical backdrop at the French Club; Serge Ermoll's fiery ensemble ruled the floor at the Majestic Ballroom and Farren's Club.

Another was Oleg Lundstrem (pictured above) a Russian émigré to Harbin at the age of 5 who moved his band to Shanghai in 1936. They came to fame here and stayed alive through 1994, eventually claiming a Guinness record as the world's longest continuously playing jazz band. Lundstrem lived in a rented top floor room in Lane 4 Yanqing Lu; elderly residents can still point out his window and now claim the American jazz echoing down the alley as the soundtrack of their childhood. Lundstrem's home was the site of relentless rehearsal and painstaking study of Duke Ellington's records.

His band put together a popular program and eventually won a permanent gig at the Paramount (218 Yuyuan Lu), the most spectacular ballroom in town, playing to a spring-loaded dance floor and an appropriately buoyant crowd. Instead of assuming a French persona like his rival Serge Ermoll, Lundstrem crafted infectious swing tunes out of cleverly rearranged Soviet songs.

But Lundstrem and his like were the lucky ones. Most other musicians were exploited at every turn. Casinos and cabarets on Avenue Foch (Yan'an Lu) paid their bands

starvation wages and replaced them every two weeks. Luckily, Shanghai was engulfed by a foxtrot craze and always had room for more bands.

Russian Dolls

Despite their success in the ever-growing nightlife scene, the most conspicuous aspect of Shanghai's Russian presence was the women.

The British, French, American and Japanese expat communities were mostly men. The Russian refugees, by contrast, had equal numbers of men and women, and the women were more employable. They taught expat children ballroom dancing, singing, piano and mathematics. Russian seamstresses were not as fast or cheap as Chinese tailors, but they were contemporary and fashionable. The still-present string of "bespoke" tailor shops along Maoming Lu can trace their origins to the '30s, when every boutique in the French Concession reportedly had a Russian proprietress.

Women also fought for secretarial jobs in British and American firms, but the competition was tough. To hire a typist a company would hold a speed-typing competition among 50 or more applicants.

The largest job market, by far, was in hostessing and prostitution. Shanghai had an enormous economy that straddled the entertainment and sex industries.

Non-Chinese “taxi dancers”- paid ballroom dance partners - were Russian.

One in four Russian women occasionally or routinely sold her body. To stop the terrifying loss of face for Caucasians, the British and French funded a Russian Women’s Shelter (Lane 48 Ruijin Lu). It offered two months’ lodging and free meals to stop girls from falling into disreputable careers. The League of Russian Women (161 Maoming Lu) provided classes in stenography and handicrafts nearby.

But the real money was in the world of entertainment. Classical dancers from the famed Lyceum Theater performed in cabarets at night. Every weekend they had to come up with two new routines and a costume change. As dancer Larissa Andersson remembers, “Our costumes were so skimpy-just a bikini and a handful of frills. You could cut one dress and make costumes for two girls.”

One autumn she faced a typical dilemma: to splurge on a winter coat or to buy a second-hand leopard pelt as costume for her new dance “Taboo” (performed in blackface). Larissa stayed true to her calling and bought the pelt: exotica was all the rage, and Russian dancers pretended to be visiting stars from the Philippines, Argentina and Brazil.

Keeping the Faith

Come Easter, the “tropical birds”

tucked their tresses under modest shawls and streamed to one of the two Russian churches for an all-night vigil. Oil lamps were placed on every ledge inside and outside, attracting spectators of all nationalities. The Lyceum Theater’s choir was famous for their church performances.

Both Russian churches in the French Concession were built in 1934, a time of rising prosperity for the community. The large white cathedral on Xinle Lu was sponsored by Russian, British and French entrepreneurs. Architect Jacob Lichonos (known for his plasterwork in the Cathay and Majestic hotels) designed the cathedral as a small copy of the Church of Christ the Savior in Moscow. This was a political gesture: a few years earlier Stalin had that symbol of Tsarist Russia blown up.

The octagonal single-dome church on Gaolan Lu was dedicated to the memory of Tsar Nicholas II and his family, who had been assassinated in 1918. Prominent architect Alexander Yaron built it to imitate a medieval Orthodox church, with frescos and mosaics inside. The dome was tiled with lustrous blue glaze; the bell tower in front paraded the colors of the Romanov house: white, orange and black.

Unreconstructed monarchists gathered in St. Nicholas Church and strategized the imminent assault on the Red Army and retaking of Russia.

Settling In

In the meantime, Russians were building new homes in Shanghai.

Quiet villas on Rue Corneille (Gaolan Lu) belonged to the wealthiest of the Russians. Ordinary emigrants occupied lane houses in Verdun Terrace and Beverly Gardens (Lanes 39-45 Shaanxi Nan Lu) that belonged to the French Municipal Council and offered cheap rents. Of the 120 families there, 100 were

Russian.

The most common living arrangement was a boarding house: the primary leasee of the building, usually a middle-aged emigrant madam, would sublet rooms short- and long- term. Tenants paid extra for home-cooked meals and ate together in a common dining room.

Alexander Yaron built Linda Terrace (833 Huaihai Zhong Lu) in 1922. The compound with neoclassical porches and balconies was almost exclusively Russian; the house at No. 13 served as a community church. Occupants of Linda Terrace included dentists, shoemakers, plumbers and an odd surplus of clairvoyants, whose door signs were written in Cyrillic to avoid attention of the police.

The renowned Victoria Litvanoff, for one, used her divination salon as a cover for more sinister business. During séances, she’d tease information out of her clients and blackmail them with it later. She cheated newly arrived Russian girls out of their documents and clothes and ensnared them to work at her brothel. Litvanoff constantly moved in and out of foreign settlements to avoid prosecution.

By the end of the ’30s, Russians became the largest group of Westerners in Shanghai, reaching 27,000.

Time to Go

Then, in 1941, Japanese troops took over foreign settlements and interned Westerners at Longhua Camp. Stateless Russians were not forced into the encampment, but inflation and unemployment ensured that many switched to a diet of peanuts and fried Chinese flatbreads.

Some Russians enjoyed an unexpected upgrade in their living conditions. They cut deals with interned landlords to move into their vacated villas and high-end

(continued on Pg.39)

HONG KONG PAYS TRIBUTE TO ROBERT DORFMAN

Prime Minister Benjamin Netanyahu with Robert Dorfman in Israel

On 16 December, UIA Hong Kong paid tribute to Robert Dorfman, Chairman of KHUIA Hong Kong, to mark his receipt of the 2015 Yakir Keren Hayesod Award at the annual Keren Hayesod – United Israel Appeal (KHUIA) World Conference in Jerusalem last June. The Yakir Award is given to leaders of KH-UIA in recognition of their commitment and volunteerism, as well as to those who have distinguished themselves by their contribution towards promoting

the aims and goals of UIA, both in Israel and throughout the Jewish world. The four 2015 winners of the award were honoured with a special meeting with Prime Minister Benjamin Netanyahu at his office.

The event in Hong Kong, designed to honour Mr. Dorfman locally as well, took place at the Hong Kong Jewish Community Centre, with the participation of community leaders, friends and supporters.

“I’ve been blessed to work with some of the most passionate people, whose love of Israel and the Jewish people has been an inspiration to me,” said Mr Dorfman. “I’m delighted that we have new, young and energetic leadership in place so that UIA in Hong Kong can continue to build on a very sound foundation.”

The Consul-General of Israel in Hong Kong, Sagi Karni, graced the

occasion with his presence, and Irit Barash, Director of UIA Israel, came to Hong Kong especially for the event. The guest speaker from Israel, Ilan Mizrahi, former deputy head of Mossad, gave a briefing and analysis of the situation in Israel.

It was a heartwarming community event, and JewishTimesAsia wishes Mr. Dorfman many more years of contribution and leadership in the UIA, and in the Jewish and Hong Kong communities.

(Issue February 2016) – Jewish Times Asia

From left to right: Daniel Kirwin, Robert Mayer, Phillippe Bera, Daniel Green, Robert Dorfman, Sagi Karni, Ilan Mizrahi, Sharon Ser, Jonathan Zeman

(HIDDEN HISTORY - continued from page 38)

apartments. The owners hoped to repossess their properties after the war. Making

use of their new upscale digs, kids loved to climb onto roofs at the Gascogne Apartments and Cathay Mansions, watching for explosions in the sky while hiding under Japanese anti-aircraft guns.

During the war, Russian youth, still free in the city, gathered at Pushkin’s Monument (Fenyang Lu near Taojiang Lu). They played guitar, sang Soviet songs and talked wistfully of joining the anti-Hitler resistance in Russia.

Japan’s surrender and the arrival of American troops in 1945 momentarily

revitalized Shanghai with an influx of hard cash and new customers for girls and entertainment, but the boom was short-lived. Anticipating the Communist takeover of China, the Russian community hastily made arrangements for departure. Engineers, doctors and builders who were educated in Shanghai universities could get visas to work in Australia, the U.S. and France. Many women snagged a European expat and married their way into a foreign citizenship and out of Shanghai.

The community of Orthodox Russians in San Francisco helped organize an exodus of less skilled Russian emigrants; they were shipped to the Philippines before later making it to the U.S. and Latin America.

Nearly a quarter of Shanghai Russians repatriated to the USSR.

Most of them were born in China and their romantic notions of their motherland came from having watched propaganda movies in the Soviet Club (Lane 4 Yanqing Lu) and reading imported books. The realities of Stalin’s Russia soon made many returnees miss the “Little Russia” they’d so recently left.

In 1947, with Shanghai’s Russian peak past, three Soviet ships departed from the Bund with a dramatic farewell to China. Oleg Lundstrem’s band, on the deck of the flagship, improvised a concert: as the ships sailed into the open sea, the band started playing with the other two ships sailing close by on either side. Homebound emigrants crowded the decks, looking on and enjoying a few last chords of Shanghai jazz.

From: Historic Shanghai

Yuyuan Road - Witness to Shanghai History

Today's high-rise Shanghai may seem unrelated to the rough-and-tumble sailor's town of the 19th century or the cosmopolitan-yet-decadent city of the 1930s that you may have read about, but the threads of history that bind Shanghai's story together can still be seen in many places around the city. Yu Yuan Road is one such place: it is a witness to much of Shanghai's 20th century history and a very fine area to explore the development of China's most dynamic city.

From a long-term perspective, the story of Shanghai's development is essentially the story of its integration into the world economy. Its extraordinary growth over the past 30 years did not occur out of thin air – the "Period of Reform and Opening Up" could not have happened without the 150 or so years of adaptation, innovation and psychological change that preceded it. Several phases of that era of change can be linked to Yuyuan Road.

Shanghai in the 19th Century

In the early 1800s, the Qing Empire still restricted trade with Western countries to the city of Canton (Guangzhou), in the south of China. In order to force China to expand trade with the West – and to ensure an expanded market for its highly profitable opium trade – the British Empire bombarded Chinese ports with its superior naval power and compelled the Qing to open four additional ports to trade. This action was dubbed the First Opium

War (1839-42) and resulted in the opening of four additional cities to trade with the British. Shanghai, strategically located near the mouth of the mighty Yangtze River, was chosen as one of those four original "treaty ports."

The first British consul arrived in 1843 and arranged with the regional Chinese authorities to establish the English Settlement just north of the walled city of Shanghai, along the west bank of the Huangpu River. The British set to work strengthening the foreshore and building their warehouses and residences. This area they called "the Bund," using the Hindi term for the embankment of a river borrowed by the British from their colonial possessions in India.

The other major maritime powers did not wish to see the British have a monopoly on trade in the new Chinese treaty ports, so they also sent representatives to China and also signed bilateral treaties with the Qing Empire allowing the citizens of their countries to live and work in Shanghai. The Americans set up just north of the British Settlement, across the Suzhou Creek. The French squeezed in between the city walls just south of the British. The representatives of dozens of countries followed. They were ill-equipped to run their own colonies, though, and in 1863 all of the foreigners in Shanghai banded together to form a multinational government, administered by the Shanghai Municipal Council – a committee of businessmen who ran the affairs of the foreign portions of

the city (within which, by agreement with the Chinese authorities, foreigners were not bound by the laws of China, but by the laws of their home countries). It was a unique solution, and essentially the foreigners and the local Chinese simply made up the rules as they went along.

Shanghai at the time the foreigners arrived was already a medium-sized trading port, serving the wealthy Yangtze River Delta area, China's source for tea, silk, rice, cloth and culture. The foreigners brought strange new things to trade, including tobacco, matches, kerosene, machinery – as well as the ever-in-demand opium. The port was highly successful and attracted more and more foreign traders and entrepreneurial Chinese from all over the country.

The Taipans

The most prominent trading companies were British and American: Jardine Matheson, Swires, Dent, Russell & Company. But early on Sephardic Jewish traders from the Middle East, many of whom had been operating out of the British ports of Bombay and Calcutta, also established trading companies in Shanghai, and some became very wealthy. The most prominent of these was David Sassoon & Sons, established by a successful businessman originally from Baghdad. In such a risky environment, it was natural to rely on family members and ethnic cousins as key employees, and so Sassoon hired relatives and the sons

of other Sephardic families.

Many Sassoon employees eventually “graduated” from the firm and started their own companies, becoming almost as successful as their mentor’s family and joining the ranks of the Shanghai taipans (lit. “big bosses, heads large businesses). Among this group of Sephardim were the Kadoorie, Haroon, Abraham and Toeg families. Between them, the various foreign groups nearly monopolized trade, especially in modern industrial products, as their science and technology was at this time far more advanced than in China, which had kept itself sealed off from international influences for many centuries, and had simply missed out on the Industrial Revolution.

China Looks Forward

By the end of the 19th century, many Chinese officials and intellectuals recognized that China would have to import and adapt Western science and technology in order to build the industries to manufacture the ships and weapons required to resist foreign incursions into Chinese territory. These officials, including the multitalented Li Hongzhang, helped to establish the first Chinese state-owned enterprises, such as China Merchants Steamship Navigation Co., designed to compete with the likes of Jardines, Swires and Russell & Co.

But there were some industries in which Chinese companies were unable to compete, including the new petrochemical industry. Kerosene to fuel the new-fangled kerosene lamps of China was entirely imported, significantly by John D. Rockefeller’s Standard Oil Company. Rockefeller Sr. retired in 1902 and Standard Oil was divided into 34 independent companies following the “trust-busting” Supreme Court decision of 1911, but he remained interested in China

and his Rockefeller Foundation began a philanthropic involvement with China that has lasted until the present day.

The House at 753 Yuyuan Road

According to some researchers, in 1911 John D. Rockefeller, Sr. commissioned renowned American architect Louis Henry Sullivan to design a house in Shanghai for the members of his family who would staff the Rockefeller Foundation in China. The Chinese turmoil that led to the collapse of the Qing Dynasty and the establishment of the Republic of China put the Rockefellers’ plans in China on hold, but the house was apparently completed in 1913 and changed hands several times in the following decades. The house in question stands at 753 Yuyuan Road, now operating as Luo’s Mansion Restaurant (“Luo” being their Chinese surname of “Luo Ke Fei Luo,” or “Rockefeller”).

A distinguished residence in the stately pre-World War style often referred to as “Edwardian” after the reign of King Edward V of Great Britain, this house was home to a number of luminaries during the past 100 years. Apparently the warlord Sun Chuanfang (1885-1935) lived here in the 1920s. Sun defeated his rival Zhang Zongchang in 1925 and became the military ruler of Jiangsu, Fujian, Anhui, and Jiangxi provinces. His headquarters was in Nanjing, but many Chinese warlords at this time maintained residences in Shanghai’s foreign settlements (a term that encompasses both the International Settlement and the French Concession).

Sun’s time in power was brief, however. Chiang Kai-shek, the successor to Sun Yat-sen as leader of the Kuomintang (or Nationalist) Party, took Shanghai in March 1927, and Sun Chuanfang fled to Dalian, in northeast China. In 1935, he was assassinated by the daughter

of another warlord, whom Sun had executed by decapitation in 1925. Unsurprisingly, Chiang Kai-shek’s Nationalist government pardoned the murderous daughter.

Despite the domestic political turmoil, the 1920s was a time of unprecedented economic expansion in Shanghai. After China’s defeat by Japan in the first Sino-Japanese War of 1904-05, foreign companies were permitted to manufacture in China, while before then they were limited to trade. This led to a huge influx of investment in all manner of industries, including textile manufacturing, steel, railroads, machinery and consumer goods. World War I disrupted much manufacturing in the West, but China picked up the slack and profited by supplying the armies of Europe with uniforms, war materiel and labor.

Shanghai expanded to accommodate new arrivals from China and abroad. Yuyuan Road was extended westward into what was called the “Outer Roads,” beyond the official borders of the foreign settlements. The wealthy built grand residences on large plots. More modest, high-density Shanghai-style lane neighborhoods followed. Civic buildings to service the expanding urban population came next.

When the Great Crash put a halt to the Roaring Twenties in the West, China carried on as one of the few bright spots in the international economy. By the 1930s, Yuyuan Road was integrated into the urban fabric of Shanghai. Just north of the Bubbling Well Temple (Jing An Temple to the Chinese), Yuyuan Road Fire Station served as a landmark at the eastern end of the long boulevard. Thousands of young Shanghai residents received excellent educations at Nos. 402 and 406 Yuyuan Road, the Shanghai Public School for Girls and the Public School for Boys (today both

part of Shanghai No. 4 High School) were established in the 1920s.

In the early 1930s, Edmund Toeg and his family moved into 753 Yuyuan Road – the same elegant wood-paneled house that had reportedly been built for members of the Rockefeller family in the 1910s and occupied by the regional warlord Sun Chuanfang in the 1920s. Edmund Toeg was a member of the Exchange Brokers Association, a group of businessmen from many backgrounds who traded stocks, bonds, precious metals and commodities on Shanghai's various exchanges. The Exchange Brokers Association, headed in the mid-1930s by George Edwin Tucker, included prominent members of the European, American, Japanese and Chinese communities in Shanghai, including Percy Kwok of the Wing On Company fortune and H.E. Morriss, publisher of the North China Daily News.

The Toeg Family

Isaac Hayim Toeg arrived in Shanghai from Bombay in 1908 to work in the Sassoon organization. He moved up, prospered and started his own businesses, including real estate, stables and a wood business, and brought other members of the family to join him. English was spoken at home. Some branches of the family were very observant Jews; one of the main family homes was at 430 Seymour Road, facilitating the walk to Ohel Rachel Synagogue on the Sabbath. That home still stands on today's Shanxi North Road and is a multiple family residence.

As described by Flori Isaac Cohen, one of Hayim Toeg's descendants, members of the extended family enjoyed a luxurious lifestyle, with many servants, summer homes, racehorses, houseboats and holidays. "We went to the best schools, took ballet and music lessons, and travelled abroad in style" to Japan and resort cities

throughout China.

Edmund Toeg, his wife and daughter Nora lived farther away from the Sephardic synagogue, in the grand house that today is Luo's Mansion restaurant. Its address at that time was 769 Yuyuen (now spelled Yuyuan) Road. An investments man by trade, Edmund was also something of an artist, credited for the illustrations in several books related to his passions, horseback riding and horse racing, including *Celebrities of the Shanghai Turf* (Shanghai, 1923, privately published) and *A History of the Shanghai Paper Hunt Club, 1863-1930* (Shanghai, 1930, Kelly & Walsh).

Edmund's brother David Toeg lived in a more modest home just across the street at 754 Yuyuan Road (still standing behind the hospital opposite the compound at 753 Yuyuan Road). David served as manager of the apartment building just behind Edmund's house and owned by the Toeg family. This was the Rivers Court Apartments, today in use as an office building.

The Rivers Garden Apartments accommodated 21 families according to the 1936 Shanghai residential listings. They included British, American, German, Danish, Dutch and Greek married couples and their children. Among them were business executives in industry (steel, tobacco, shipping and textiles), finance (stockbroking and commodities trading), professionals (a river pilot and a statistician for the China Customs Service) and others, including the manager of the Columbia Country Club, of which many of the residents were probably members.

The Tumultuous 1930s

The relative stability that resulted from Chiang Kai-shek's successful military reunification of much of China in 1927 produced a rapid period of economic growth and social change in Shanghai.

Exposure to foreign trends through new moving-picture theatres drove a craze for Western-style dancing – and drinking – and as well as Western clothing and Jazz music. Dance halls and cabarets sprang up all over the city. One of the most famous was the Paramount, a futuristic, neon-lit Art Deco club located near the eastern end of Yuyuan Road:

"Unlike these earlier ballrooms, the Paramount occupied a far more complex space, encompassing antechambers, separate lounges and bars, banquet halls, a balcony and two dance floors.... A Chinese architect, Yang Xiliu... used Art Deco elements and building materials popular in the construction of movie theaters in Europe and America at the time, suggesting that the cabaret not only compete with other ballrooms, but also with the new crop of Art Deco cinemas that had arisen in the city during the late 1920s and early 1930s. While the name Bailemen (百乐门) could be translated as 'gate of a hundred pleasures,' the name of the ballroom in English brought to mind one of America's most powerful film companies, Paramount Pictures. Indeed, its entrance and lobby strongly resembled that of a cinema, giving patrons the feeling of walking into a Hollywood movie." (Field, *Shanghai's Dancing World*, p. 99).

The economic recession that followed the Japanese Army's bombing of northern Shanghai in February 1932 (in retribution for an incident they manufactured in order to station more troops in the area) led to the demise of some of the fancier ballrooms and the appearance of less extravagant cabarets and nightclubs that more obviously offered sex services from an almost inexhaustible supply of young women eager to make it in the big city. A mixture of bons vivants, gangsters, officials and journalists frequented these seedier nightspots,

many of which located just outside of the International Settlement's boundary on the western end of Yuyuan Road. By the time that the Japanese military struck south from Manchuria and occupied most of eastern China in the fall of 1937, the dangerous, mysterious western Yuyuan Road area had become part of what was now called "The Badlands."

World War II and the Chinese Civil War

After Japan occupied Shanghai in December 1941 and chased the Chiang Kai-shek government out of its capital in Nanjing all the way to Chungking (today's Chongqing) in the western province of Sichuan, they set up a "puppet government" headed by Chiang Kai-shek's fiercest rival, Wang Jingwei. Many of Chiang's officials, and businessmen associated with the Nationalist regime, fled Shanghai to the Nationalist area in the west, leaving many of their assets behind. Wang Jingwei chose as his home in Shanghai an imposing house in Lane 1136 Yuyuan Road, recently abandoned by Wang Boqun, a leading administrator of the Kuomintang government and at one time Chiang Kai-shek's Minister

of Transportation. This castle-like mansion, complete with crenelated parapets, can still be viewed (and sometimes visited), as it now houses the Changning District Children's Palace, an after-school activities center for the district's youth.

Lined as it was with homes of collaborationist officials as well as gangster-filled nightclubs, it should come as no surprise that during World War II Yuyuan Road was a center of espionage, intrigue and not a few assassinations. Unfortunately, the end of the conflict was followed soon after by civil war in China, and Yuyuan Road continued to be the site of many intrigues.

Post-Liberation

The Communist victory in 1949 brought great change to Yuyuan Road, as many of the civic buildings and residences were taken over by the new government and its military. Gambling, drugs and prostitution were outlawed and rapidly eliminated, with many of the former workers in these industries retrained for life in "New China." Following the revolution, 753 Yuyuan Road became property of the Chinese military, serving for much of the period between 1950 and 2010 as the headquarters of the Shanghai

Garrison Support Group (上海警备区后勤部).

After several generations in Shanghai, different members of the Toeg family emigrated to Canada, Israel and Europe following the 1949 revolution. With such deep roots in the city, it should come as no surprise that some of the Toegs were among the last foreigners to leave. The January 1951 marriage of Flori Isaac Cohen, daughter of Mozelle Toeg Isaac was the last marriage to be held at the Ohel Rachel Synagogue. In March 1952, the Torah scrolls were removed from the synagogue and sent to Israel. Flori wrote, "Our family had no option but to leave Shanghai, the only home we knew."

Today, 753 Yuyuan Road has a new role as part of a multi-purpose development that includes a new hotel built along the architectural lines of the old Rivers Court Apartments, which has been reconfigured into offices for a number of companies, many of which look out into its quiet, green courtyard – and much Shanghai history.

Patrick Cranley – Historic Shanghai - 2015

Map of Yu Yuan Road Shanghai

The Official Organ of the Shanghai Zionist Federation was established by Nissim Ezra, a "Baghdadi Jew" in 1904. Ezra remained its publisher and editor until 1934 – he died in 1936.

Israel's Messenger was the world's first Zionist publication. Its goal was mainly to inform its readers

of the activities of the Sephardic communities in China, Hong Kong, Manila, Singapore and also of other Jewish communities in China, and from time to time world news were also featured.

The publication opens a unique window on a fascinating period of life in China at the turn of the 20th

Century.

Almost all of the copies of the "Israel's Messenger" the Official Organ of the Shanghai Zionist Federation were microfilmed and scanned, they can be viewed at the following link:

<http://www.jews ofchina.org>

44

I
q
u
d
Y
o
t
z
e
i
S
i
n

White Stars Football Team of Shanghai

In Memoriam

JUDY

Daughter of Flori and Isaiah Cohen of Shanghai
5 April 1956 - 28 April 2016

Born in the month of April, she was my April flower and this was my song for her.

**When April showers will come your way
They'll bring the flowers that bloom in May
When it's raining have no regrets
Because it isn't raining rain, you know
It's raining violets
And when you see clouds up on a hill
You soon will see crowds of daffodils
So keep on looking for a bluebird
And listening for his song
Whenever April showers come along**

I thank G-d for giving me a jewel like you in my life. You were a beautiful gift and it was my privilege to have you for a daughter. We were all blessed to have you in our lives; a wonderful daughter, wife, mother and grandmother. I miss our morning talks, which always brightened my days. There is so much I want to say but trying to compress a beautiful life into a few minutes is impossible.

For over 40 years Judy lived with her family in Moshav Ma'ale Gamla, Ramat Hagolan.

She loved the beautiful scenery surrounding their home, the view of Lake Kinneret and especially the serenity of the region. She was an expert in Tai Chi which she taught at some time in her life and devoted herself to the teachings of Family Physics, a language of thought development highlighting the importance of the family system in relation to all other systems.

Her heritage is her beautiful family, her husband Danny who treasured her from the first moment they met. Her

three beautiful children, their partners and her four grandchildren are missing the mother and grandmother they loved and adored. Judy passed on to them her love and zest for life. She guided and supported them with her vast knowledge and stressed the importance of family unity and how to live life to the fullest, loving and supporting each other always.

Her brothers David, Yoel, sister Bess and their families are missing their sister Judy who they loved and treasured. Everyone who touched her life is going to miss their very dear friend.

My heart aches for you. You are forever in our thoughts and we will treasure your memory always.

We are a strong and united family and will always be there for Danny, your children Maayan, Tal, Tom their partners, and your precious grandchildren Mika, Yahli, Noam and Omer. You are now with your father and grandmother who treasured you. Rest in peace my darling.

*When someone you love
becomes a memory,
the memory becomes
a treasure.*

Shanghai Synagogue: The House of Rachel

Jacob Sassoon built an empire in old Shanghai, but his sweetest legacy is the temple he built for his wife.

The Sassoon family made their fortune in Shanghai: everyone knows that. It was Sassoon money that built so many of Shanghai's landmarks: the Peace Hotel; Grosvenor House; the Metropole – everyone knows that, too. But what everyone maybe does not know is that the fabulously wealthy Sassoons also gave generously back to their community, and their most significant gift was the Ohel Rachel synagogue.

Ohel Rachel (“house of Rachel”) stands quietly on North Shaanxi Road, a stately Greek Revival temple whose grandeur is enhanced by the patina of age. Today, it is part of the Shanghai Education Commission compound, (and used only occasionally by the Jewish community), but when it was first built, in 1921, it was the religious center of Shanghai Sephardic Jewish life.

*Ohel Rachel Synagogue, 1921.
Photo: Patrick Cranley*

The Sephardic Jews are of Spanish/Middle-Eastern descent (the word is Hebrew for “Spain”), dating from the period when King Ferdinand and Queen Isabella of Spain expelled all those practicing the Jewish faith. This was a direct result of the Spanish Inquisition: the concern was that the Jews who had been converted to Catholicism would be swayed by the Jewish faithful. The Spanish Jews left for the Middle East, where, says Rebecca Weiner of the American-Israeli Cooperative Enterprise, “they were treated as elites among Jews. Many times they had a secular education and often had great wealth.”

Certainly that held true in old Shanghai, where Sephardic Jews from Bombay and Baghdad were among the first to arrive, and made the greatest fortunes. (The wealthiest families in old Shanghai were all Sephardic Jews: the Sassoons from Bombay and the Hardoons and Kadoories from Baghdad.) Patriarch David Sassoon opened a branch of the Sassoon Trading Company in Shanghai in 1845, hoping to get a piece of the lucrative opium trade, and both Silas Hardoon and Ellis Kadoorie – future Shanghai millionaires - first worked for the Sassoon Company when they arrived in Shanghai.

Oppression from the Governor and Wali of Baghdad had caused the Sassoons to flee Baghdad for Bombay, where they grew to become the wealthiest family in India. There,

*David Sassoon, patriarch of the
Sassoon Trading Company*

they were great benefactors: David Sassoon established the Ohel David synagogue in Pune (formerly Poona), India and the Sassoon hospitals; Jacob Sassoon, his grandson, established the Magen David synagogue in Bombay and an elementary school that later became the Sir Jacob Sassoon Free High School.

Their generosity was not limited to India: in Hong Kong, where David Sassoon first set up a branch in 1844, Jacob Sassoon built the Ohel Leah synagogue, today the oldest surviving synagogue in Asia, in memory of his mother, Leah Sassoon. In Shanghai, he built Ohel Rachel, in memory of his wife, Rachel. (Sir Jacob himself died a few months before construction was completed, and the Sephardic Jewish community dedicated the temple to both Sir Jacob and Rachel.)

David Sassoon established Ohel David synagogue in Pune, India, in 1861

The imposing Ohel Rachel Synagogue, which faces Jerusalem, was the largest synagogue in Asia, with the capacity to hold a congregation of 700 – not coincidentally, the number of the Sephardic Jewish population in Shanghai at the time. The Greek Revival style seems unusual – most synagogues took their cues from Middle Eastern tradition – but Sassoon wanted to commemorate the history of the Sephardic Jews, and the architectural inspiration came from London’s Bevis Marks synagogue, the 1701 temple built by Spanish Jews, and the 1890s Spanish & Portuguese Lauderdale Road Synagogue with an imposing domed roof, also in London.

Bevis Marks synagogue in London was the inspiration for Ohel Rachel

The interior, say contemporary accounts, was as grand as you might expect of a synagogue attended by

the wealthiest in Shanghai: grand crystal chandeliers; highly polished wooden pews; 30 19th century Torahs (scriptures used in Jewish services) from Baghdad; gorgeous marble pillars that frame the entrance to the Ark, the Jerusalem-facing sanctuary set into the wall of the synagogue where the Torah is stored. (In fact, it may have been too luxurious for some: Rabbi Hirsch, who consecrated the synagogue, is said to have left after some time, unhappy with all the wealth at Ohel Rachel.)

*The Ark, flanked by marble columns, once held 30 19th century Torah scrolls.
Photo: Tina Kanagaratnam*

Shanghai-born Flori Enid Isaac, of the prominent Toeg family, worshipped at Ohel Rachel; her wedding to Meyer Cohen in 1951 was the very last one to be held at the synagogue. Her family left Shanghai soon after, and on a return visit, she wanted to visit Ohel Rachel: “I wanted to show my children and grandchildren the beautiful synagogue we used to go to every Sabbath and on all Jewish holidays. [While visiting the synagogue] we also reminisced about the High Holidays at Ohel Rachel and we were remembering all the beautiful Sephardic prayers and tunes. I kept hearing my husband’s beautiful

voice, which could be heard way above the other members of the congregation.”

January 23, 1951: Flori Enid Isaac’s wedding to Meyer Cohen at Ohel Rachel. Photo: Flori Cohen

Ohel Rachel, like many synagogues worldwide, was not merely a place of worship, but also a center for the community. Within its grounds were also a mikveh, or ritual bath – now gone – and the Shanghai Jewish School, now occupied by the Shanghai Education Commission. Founded by D.E. J. Abraham in 1900, it was endowed by Horace Kadoorie in 1932, and became Shanghai’s premier Jewish school.

Betty Grebenschikoff (formerly Ilse Kohn, a refugee from Berlin), author of the memoir *Once My Name Was Sara*, remembers: “My sister and I were transferred to the Shanghai Jewish School on Seymour Road, even though it would mean some financial hardship for my parents to pay the school fees [\$5.00 per month]... Many nationalities were represented at the school. As Hongkew (Hongkou) refugees, we felt properly intimidated at first by so many different children, who took their time making friends with us and often made fun of our German accents. The girls’ serge school uniforms were always perfectly pressed, all the pleats in their skirts hung razor straight.”

Ohel Rachel suffered during the Japanese occupation of Shanghai, when a Japanese garrison used it as a stable. Aba Toeg’s family, who attended Ohel Rachel, stored the Torahs and pews – and helped clean up the synagogue after the Japanese

The Shanghai Jewish School still stands in the Ohel Rachel compound.

Photo: Patrick Cranley

Torahs and pews – and helped clean up the synagogue after the Japanese left. In 1952, Toeg’s family sent Ohel Rachel’s 30 19th century Torahs to Israel – never to be seen again – and handed over the synagogue to the government. A portrait of Chairman Mao was already hanging over the Ark.

The synagogue was used primarily as a warehouse and office space in the intervening years, but in 1998, U.S. Rabbi Arthur Schneier met with then-Shanghai Mayor Xu Kuangdi as part of a religious delegation put together by U.S. President Bill Clinton, and an agreement was made to restore, protect, and reopen the historic synagogue. It was done, in part, by using the memories of Aba Toeg, who was invited back by the Jewish community to help with the restoration. The synagogue was re-dedicated during President Clinton’s 1998 visit, with then-Secretary of State Madeline Albright and First Lady Hilary Clinton in attendance.

Despite the fact that the building

From left: Rabbi Arthur Schneier shows the Torah that was used to re-dedicate Ohel Rachel to (from left): then -Secretary of State Madeleine Albright, Chelsea Clinton, and then-First Lady Hillary Rodham Clinton at Ohel Rachel Synagogue.

Photo: Sharon Farmer.

has been a municipally protected since 1994, it remains in fragile condition. In 2002 and 2004 it was listed on the World Monuments Watch list of endangered buildings, with the hope of raising awareness for a proper restoration, but that has not happened and it is no longer on that list.

Judaism is not one of China’s five recognized religions, and Ohel Rachel’s location within the Education Commission grounds precludes its regular use as a synagogue, although it was used for regular Shabbat services during the 2010 World Expo. Nonetheless, for

some years now, it has been used regularly for major holidays such as Hanukkah, Passover, and Purim - the continuation of a long and storied tradition within the walls built for Rachel.

An earlier version of this story first appeared in the Shanghai Daily as “The House of Rachel”, May 16, 2005.

Sources:

Cohen, Flori, “A Sentimental Journey Home,” Esra Magazine, accessed 6 December 2015.

Grebenschikoff, Betty I. Once My Name Was Sara, Original Seven Publishing Company, 1993.

Smith, Craig S., “Will Jews Be Able to Worship There, Or Just Visit the Temple As Tourists?,”

Wall Street Journal, June 29 1998, accessed 8 December 2015

By Patrick Cranley – Historic Shanghai - 2015

Editor’s Note to Patrick Cranley of Historic Shanghai:

The Toeg family did not send all the Torah scrolls to Israel.

Isaac Hayim Toeg (my uncle) only brought two scrolls belonging to the family to Israel; one in the name of his father Aboody Toeg and the other in the name of his older brother Aslan Toeg. These two Torah scrolls are in the Binyamin Shamash Synagogue in Tel Aviv.

WE NEED YOUR SUPPORT!

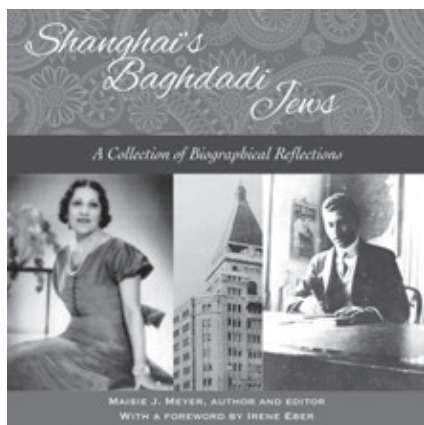
Please, make a donation to the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund.

Your donation enables us to do our community work.

THANK YOU

SHANGHAI'S BAGHDADI JEWS: A COLLECTION OF BIOGRAPHICAL REFLECTION

Dr. Maisie Meyer

Shanghai's Baghdadi Jews: A Collection of Biographical Reflection is a compilation of 26 biographical accounts from the entire spectrum of the Shanghai Baghdadi community, from the strictly observant to the wholly secular, as well as the moneyed, middle-class and poor men and women who made the port of Shanghai their home.

The compilation offers insights into a remarkable community that lived through the crossroads of China's 20th century history. Using previously unseen archival material, Dr. Maisie Meyer documents the

rise and fall of larger-than-life personalities who witnessed the Sino-Japanese War, the Occupation of Shanghai and the Communists' rise to power.

Photographs illustrate the lives of these people and the magnificent, cosmopolitan city they called home.

This ground-breaking book provides the opportunity for genuine self-expression to members of the community who have so far not been heard, and amongst them, those who have since passed away. The narrative offers perspectives of personalities whose lives were shaped by crucial historical events, and fresh insights into the day-to-day lives of this remarkable community.

Using previously unseen diaries and archival material, the editor has written five biographies, unveiling new perspectives and details of the lives of Sir Victor Sassoon and the family of Sir Elly Kadoorie.

Dr Meyer is one of the pioneers of researching the Baghdadi Jewish community of Shanghai, having appreciated over 30 years ago

the unique mix represented by its various components. Over this period, she has forged relationships with many of the illustrious families and individuals who paid a large part in this burgeoning community. Her groundbreaking book From the Rivers of Babylon to the Whangpoo: A Century of Sephardi Jewish Life in Shanghai (Lanham M.D.2003) is widely considered as the definitive history of the Baghdadi Jewish merchants who settled in Shanghai in the mid-19th century.

Dr Meyer's own family roots are in Baghdad, her ancestors having migrated there from Syria and Palestine. In search of better trading opportunities they eventually migrated to Calcutta (Kolkata), where she grew up in a colonial setting.

She now lives in London together with her husband, children and grandchildren. She has a PhD from the London School of Economics and has travelled the world to lecture on Baghdadi Jews in the eastern Diaspora.

Jewish Times Asia – May 2015

CALEF BAND OF SHANGHAI SEPHARDIC YOUNG MEN AND WOMEN

Calef Band. L-R: Philip Sopher, Aaron Jacob, Isaiah Hai Jacob, George Saul, Isaac Abraham, Ezekiel Abraham, Becky Cunio(behind), David Sopher, Evelyn Manashe, Liza Jacob, Renee Dangoor(standing in the rear), Courtesy Leah Jacob Garrick

LIST OF SCHOLARSHIPS

December 2015

Scholarship Grants from the **ALEXANDER M. and JUNE L. MAISIN FOUNDATION**

50

l
q
u
d
y
o
t
z
e
i
S
i
n

ALEXI Ofir	Computer Science	Technion
AMIEL Aviv	Architecture	Tel Aviv University
AMIEL Shahar	Business Administration	The College of Management
ANISFELD Omer	Communication Systems Engineering	Ben-Gurion University of the Negev
AZRAN Niv	Law	Tel Aviv University
BANUSEVITCH Danit	Social Work	Bar-Ilan University
BEN HARUSH Pinchas	Law	Tel Aviv University
BEN SHMUEL Egda	Behavioral Sciences	The Open University of Israel
BEN TAL Yonatan	Industrial Engineering & Management	Ben-Gurion University of the Negev
BORSZTEIN Rona-Ganit	Dancing & Movement	Kibbutzim College of Education
BURSHTEIN Itay	Humanities and Social Sciences	Ben-Gurion University of the Negev
COHEN Chen	Industrial Engineering & Management	Ariel University
COHEN Sapir	Law & Government	IDC Herzeliya
DAN Inbal	Social Work	Bar-Ilan University
DAVIDOVICH Ayala	Psychology	Ben-Gurion University of the Negev
DEAN Yuval	Psychology & Philosophy	The Open University of Israel
DRUCK Hadas	Social Work	Tel-Hai College
GAN-OR Gill Tom	Social Work	Tel Aviv University
GOLAN Lilach	The History of Art	Tel Aviv University
GREENER Ziv	Agricultural	The Hebrew University of Jerusalem
GUR Tamar	Israel Studies	Kibbutzim College of Education
GUR-DOTAN Rotem	Psychotherapy	Winnicott Space
HACHAMOFF Nethali	Humanities	The Hebrew University of Jerusalem
HALPERN Menachem Mendel	Industrial Engineering & Management	Technion
HELZINGER Eynat	Society & Government	Beit Berl College
HELZINGER Shany	Humanities	Ariel University
HERSCH Anat	Literature	Tel Aviv University
HIRSH Ido	Exact Sciences	Bar-Ilan University
HURI Adi	Civil Engineering	Jerusalem ORT College
ISHAY Yael	Medicine	Tel Aviv University
KALFUS Shira	Bioinformatics	Lev Academic Center
KEDAR Tom	Alternative Medicine	Wingate Institute
KOMBELIS Nevo	Design & Communication	Tiltan College
KOTKIN Lital	Civil Engineering	Technion
LEBOVICH Israel	Humanities	Tel Aviv University
LITVIN Dana	Law	Ono Academic College
LOWE Dana	Humanities	University of Haifa
MATLIN Niv	Industrial Design	Holon Institute of Technology
MATLIN Shani	Law & Business Management	The College of Management
MILSHTEIN Ruven	Communication Systems Engineering	Ben-Gurion University of the Negev
NACHUMSON Noy	Physical Education	Wingate Institute
OLMERT Bar	Law	Tel Aviv University
OLMERT Nadav	Business Administration	IDC Herzlia
OLMERT Nitzan	Behavioral Sciences	Ashkelon Academic College
OZER Koral	Social Science	Bar-Ilan University
PERETZ Michelle	Law & Business Management	Netanya Academic College
SOKOLOVER Itay	Education	Bar-Ilan University
STAVISKY Omer	Law & Government	IDC Herzeliya
TAUB Roy	Teaching English	Kibbutzim College of Education

LIST OF SCHOLARSHIPS

TENDLER Noa	Software Engineering	Shenkar
TSUR Noy	Social Science & Management	Tel Aviv University
TUNIS Karen	Environmental Engineering	Technion
UMANSKY Yam	Social Science	The Hebrew University of Jerusalem
VANDEL Lavi	Preparatory	University of Haifa
VERED Daria	Literature and Philosophy	Tel Aviv University
WEINER Ariel	Psychology	IDC Herzeliya
YAACOBY Hagar	Social & Humanities Sciences	Ben-Gurion University of the Negev
YAHAV Aviel	Insurance	Netanya Academic College
YAHAV Lihi	Computer Science	Technion
ZIV Mor	Social Sciences	Tel Aviv University

Scholarship Fund in memory of FRIDA and MOSHE TRIGUBOFF

KAMA Yair	Social Science	Tel Aviv University
KANTOR Hadas	Social Work	University of Haifa
RABINSKY (STOLIAR) Yulia	Special Education	Kibbutzim College of Education
ROZENFELD Vered	Art Therapies	University of Haifa

Scholarship Fund in memory of TEDDY KAUFMAN

ADAR Noam	Business Administration	The Center for Academic Studies
-----------	-------------------------	---------------------------------

Scholarship Fund in memory of MUSSIA and DANNY BERKOVICH

OWITZ Michal	Education	University of Haifa
--------------	-----------	---------------------

Scholarship Fund in memory of ELLA and SHLOMO LESK

OLLECH Ariella	Design	Holon Institute of Technology
----------------	--------	-------------------------------

Scholarship Fund in memory of NATHAN BACHNOFF

SHLEZINGER Or	Physical Education	Wingate Institute
---------------	--------------------	-------------------

Scholarship Fund in memory of LUCY FRIEDMANN

SCHNEIDER Yaron	Industrial Engineering & Management	Ruppin Academic Center
-----------------	-------------------------------------	------------------------

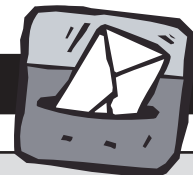
Scholarship Fund in memory of ELLA and LEV PIASTUNOVICH

SHPILBERG Anat	Behavioral Science	The Academic College of Tel Aviv Yaffo
----------------	--------------------	--

ISRAEL-CHINA FRIENDSHIP SOCIETY Scholarship Fund

ANXIA JIANG	Irrigation & Plant Environment	Ben-Gurion University of the Negev
GUODONG GE	Environmental & Aquatic Microbiology	Ben-Gurion University of the Negev
HONGSHAN CHEN	Archaeology & History of the Land of the Bible	Tel Aviv University
JINCHENG LUO	Arts	Tel Aviv University
JIANYU (GALI) SHEN	Jewish Studies	Hebrew University of Jerusalem
LI HUIYANG	Biblical Archaeology	Tel Aviv University
LIU MUDUAN	Archaeology	Tel Aviv University
MENG YANG	Holocaust Studies	University of Haifa
MENGQI ZHANG	Agriculture	Ben-Gurion University of the Negev
YANG ZHE	Desalination & Water Treatment	Ben-Gurion University of the Negev
ZHANG WEI	Holocaust Studies	University of Haifa

SEARCH AND RESEARCH

Dr. Vladimir Khazan
The Hebrew University of Jerusalem
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

I appeal to all who knew and remember Mr. Michael Klyaver. After repatriation to Israel from China Mr. M. Klyaver, apparently, lived in Tel Aviv and was engaged in the book trade. It is known that Mr. M. Klyaver was born in Russia and in his youth belonged to the Socialist-Revolutionary Party. After moving to China he lived in Tianjin, where he possibly worked as an accountant in the financial business of Alexander Ilyich Pogrebetskiy, who also repatriated from China to Israel (1950). Mr. M.Klyaver died in August 5, 1988. If anyone knows something about his fate, I beg you to contact me by phone (0545456488) or by e-mail: vladimirkhazan6@gmail.com. Thank you.

Thomas Latour
E-mail: thomaslatour@comcast.net
November 26, 2015

My name is Thomas Latour.

I am very interested in Olga Pojello, detailed: Bulletin: No. 228 dated February 1978, Obituaries – page 8.

I know that part of the mission is to collect and share details associated with Jewish persons who came from China. I researched Olga's husband and his closest friend Maurice Tillet. I share everything I can find publicly as I very much enjoy the sharing of information. If you wish me to transmit this research and also provide details of Olga for you, it would be my pleasure.

Attached you will see a picture of Olga Marasse-Pojello and her husband Karl Pojello aka Karolis A. Pozela.

I look forward to hearing from you and again if you are interested in receiving information on Olga, it would be my pleasure to assist.

Debbie Rabinowitz
October 20, 2015
Address: 1626 S. Canfield Avenue
Los Angeles, CA 90035
Tel: 310-425-5566
E-mail: debbiepsych@gmail.com

My name is Debbie Rabinowitz. I am researching my family history on my maternal side and I hope you can help me in my quest.

My mother's parents resided in Harbin, China. Her father, Rabbi Yehuda Zelig Slutsker and her mother Dina Schmidt Slutsker married here and raised six children, all of whom have died. Rabbi Yehuda was the principal of the Talmud Torah. Their six children were Miriam, Luba, Yisroel, Kalman, Chana (my mother) and Avrohom Yitzchok. Miriam married Simcha Elberg in Shanghai. Luba married Avram Tsinmam and lived in Haifa. Yisroel married and had two daughters in Sverlovsk, Russia. Kalman resided in Israel and was chief engineer of the railroad. My mother moved to America and the youngest Avrohom Yitzchok died in the Israeli navy.

I am eager to learn about their life in China and any information on Kalman Slutsker and Avrohom Slutsker.

Let me know when I can call you in Israel if you wish to talk to me and at what phone number should I call.

Otherwise if you can email me any information and pictures to me, I would greatly appreciate it. Many thanks.

Yuval Bartov - (Works as a Professional Advisor)
Fahn Kanne Consulting Ltd
Office Tel: 972-3-7111690
Fax: 972-3-7111691
E-mail: Yuval.Bartov@il.gt.com
March 13, 2016

My name is Yuval. I work at the Israeli branch of Grant Thornton, which is an international accounting firm. I got your e-mail address from Professor Dan Ben-Canaan. We hereby advise that the Administrator General of Israel is charged by law with the administration of any abandoned property in Israel, that is, property whose owner (or legal heir/s) is unknown or cannot be located. In addition, the Administrator General is charged with undertaking investigations so as to ascertain the whereabouts of those with rights in such property. In this capacity and according to an Administration Order issued by the District Court in Haifa, the Administrator General is managing money in the name of the absentee Solomon Yurga Ilch (hereinafter – “the absentee”). According to section 15 of the Administrator General Law 1978 money administered for 15 years or more by the Administrator General, whose owner or those with rights therein, are unknown or cannot be located will, subject to certain conditions including a thorough investigation by the Administrator General, be transferred to the State of Israel. The office of Fahn Kanne has been authorized by the Administrator General of Israel to investigate the whereabouts of those with rights in such property on his behalf. As part of our investigation, we are asking for help in locating Solomon Yurga Illich whose last residence was in Harbin China. We would appreciate any assistance you can provide. If you have any further questions, please do not hesitate to contact me through the mail or by phone: 972-77-770-6784

We have moved! Our new office address is: Fahn Kanne House
32 Hamasger Street. Tel Aviv 6721118, Israel my pleasure to assist.

Roman Ravve
E-mail: roman.ravve@gmail.com
October 27, 2015

My name is Roman Ravve, I am looking for any information about Valya Ravve from Harbin – our ancestors were related, but my branch of the tree stayed in Russia (USSR/Ukraine). Valya was born in 1923, graduated at the English Harbin Secondary School and First Harbin Music School. In 1941 she won the All-Manchurian music competition, played piano, and was a student of Gershgorina. In 1948 she was arrested in Dairen and sent to the USSR, presumably to the labor camps. If you can help in the search for any information connected to Valya, I will really appreciate this.

Irina Simon
Lausanne, Switzerland
E-mail: simo@outlook.com
January 30, 2016

I would like first to thank you for your excellent website and for all the information about the Jews in China that you offer. I was extremely happy to find the name of my grandmother’s beloved father, Josef Nisinevich on your list of the HuangShan cemetery in Harbin. I would like to ask you if you organize visits to this cemetery or if you can advise someone who could help me to find the place and the grave in Harbin. Thank you very much.

Anthony McKay
E-mail: r_mckay@hotmail.com
October 19, 2015

I am currently researching the Soskin family's contribution to the British Film Industry, Simon S. H. Soskin (1881) in particular.

Although I have a lot of information about Simon, especially his days in Harbin, I have nothing after 1939.

I was wondering if anyone in your Association knows what became of Simon after 1939. One family source heard that he lived out his days in The Savoy in London, but I cannot find any evidence of a death or a memorial in the UK. Any help would be appreciated.

ZIV SHAFRIR
Tel: 054-5604366
ziv.shafrir@gmail.com
March 29, 2016

I request your assistance in obtaining information about Rahel Lenger, the sister of my grandmother. During my research into my family history, I found the name of Rahel Lenger in the Internet website of the Jewish cemetery in Harbin, in column 23, row 28.

http://www.zegk.uni-heidelberg.de/hist/ausstellungen/harbin/Harbin_Lageplan_New_Cemetery.htm

I saw that the website contained information and photos of the gravestones, but unfortunately there is no information or photo for her (even though there are photos for gravestones very close by).

I contacted Professor Dan Ben-Canaan who told me the complicated story about the transfer of the cemetery to its present location and the loss of some of the gravestones. He himself will continue on his part to search for some thread of information, and will try to find some trace during his next visit to the cemetery.

Professor Ben-Canaan referred me to you because the Chinese had applied to the Harbin community before the transfer and requested \$50 per gravestone, and the community applied to the Igud in Israel which took care of transferring the payments through Hongkong. The problem is that I have no idea who could have paid \$50 to transfer the gravestone. But it is very possible that you have records of this, which could give us some thread of information concerning Rahel Lenger.

I will add a few details:

The Lenger family from Minsk Mazowiecki (40 km from Warsaw) were apparently all killed during the Holocaust, except for my grandmother Sarah-Esther Stillman (née Lenger). I know about her young brother Arie-Leib Lenger who fought in Ghetto Warsaw – he was probably one of the group of yeshiva students who hid in underground bunkers.

The name Lenger is very rare – one of the reasons is that it has a negative meaning in Yiddish, and hardly any Jew in the world still has this name. Also, this was a single gravestone which strengthens my assumption that it was for a refugee who arrived in Harbin during or after the Second World War.

My grandmother, the late Sarah-Esther Stillman, filled out a testimony sheet in Yad Vashem about her sister Rahel Lenger on 26.12.1956. This presupposes that she thought her sister was no longer alive and in the wartime address she noted the city in which she was born – Minsk Mazowiecki.

I suppose that if someone had informed my grandmother at the end of the 1950s that her lost sister has survived the Holocaust in some amazing manner by fleeing eastward, but in the end had died in Harbin, we would have known about it.

My father, the poet and geologist Moshe-David Shafrir-Stillman (born in Israel in 1935) does not recall any such information.

THE CHINESE LADY WHO JOINED THE ASHKENAZI PEOPLE

Chinese & Jewish girl playing in Harbin, China 1922

In recent years, advances in genetics have enabled scientists to pinpoint our origins and relationships to specific geographic regions and ethnic groups with a fairly high degree of accuracy.

Geneticists nowadays examine mitochondrial DNA, which passes from mother to child, Y chromosomal DNA, which passes from father to son, and autosomal DNA, which derives from a multitude of ancestral lines and typically picks up portions of the genetics of all sixteen of an individual's great great-grandparents. By following the trails blazed by all three types of DNA, including patterns of mutations in the uniparental types, one can reconstruct a compelling narrative of migrations related to an individual or an ethnic group.

Jews of all kinds, but especially Eastern European Ashkenazic Jews, have been eager to take DNA tests to learn more about their deep ancestors and relatives, since the paper trail of vital records from the Russian and Austrian empires runs cold for most families before the early-to-mid 19th century and most surnames were adopted relatively recently.

Ashkenazim with ancestors from Eastern and Central Europe make up large portions of the testing pools of the top three American direct-to-consumer DNA testing companies - Family Tree DNA, 23andMe, and AncestryDNA - and have been recruited for numerous genetic studies over the past two decades.

Much of this research has established

that the vast majority of Ashkenazic lineages trace back to Europe and the Middle East 2,000 years ago, with a large portion coming from ancient Israel and its environs. But this research has also turned up traces of unexpected roots.

Many Ashkenazic people living in the West are interested in aspects of Chinese culture like the abacus, tai chi, and Chinese and Chinese-American food. There has also been an increase in recent years in so-called "intermarriage" between Ashkenazim and ethnic Chinese, exemplified by Facebook's co-founder Mark Zuckerberg's marriage to Priscilla Chan and CBS Corporation's CEO Leslie Moonves's marriage to Julie Chen.

Nevertheless, China is understandably perceived by most Ashkenazim in the West as an exotic "other". Except it's not entirely foreign after all.

Six scientists from the Chinese Academy of Sciences teamed up with the British geneticist Martin Richards and the Dutch historian Jits van Straten to research the worldwide distribution of the mitochondrial haplogroup called M33c. The team obtained new genetic samples to supplement samples that had already been collected by others to build the most comprehensive analysis of M33c lineages to date.

The results of their work were published in February in their article A Genetic Contribution from the Far East into Ashkenazi Jews via the Ancient Silk Road in Scientific Reports, an online journal from the

Nature Publishing Group.

The lead author Jiao-Yang Tian and his colleagues confirmed that M33c originates in East Asia. They showed it's mostly found among ethnic groups living in China. Members of the Han, Zhuang, Yao, Miao, Kam-Tai, and Tibetan peoples were found to possess M33c.

Most, but not all, of those who belong to this lineage live in southern regions of China. A few people from Thailand and Vietnam also have it, but it reaches its highest genetic diversity inside China, so that is believed to be where it began after it split off many thousands of years ago from the varieties of M33 that are found in India.

The authors also found a branch of M33c they call M33c2 that's shared in their data pool between a Han Chinese person from the Sichuan province and fourteen Ashkenazim with maternal roots in towns that are now located in Belarus, Russia, western Ukraine, Poland, Romania, and Hungary. They estimate M33c2 entered the Ashkenazic population in medieval times no later than the year 1400.

A Jewish merchant who traversed the trade routes connecting the East and the West is plausibly the man who formed the relationship with the Chinese woman to produce one or more half-Ashkenazi half-Chinese children, including at least one daughter who was raised Jewish, married a Jew, and passed M33c2 along to successive generations.

And he wasn't alone, for there are two other mitochondrial DNA haplogroups from East Asia - called A and N9a3 - that are likewise found in Eastern European Ashkenazic maternal lineages. However, the genetic evidence suggests those women lived in more northern territories, perhaps even in eastern Siberia.

Only about 1.1% of all Ashkenazic

direct maternal lineages stem from these three Asian women, but many more Ashkenazim have indirect maternal lineages descended from them, for example from having a paternal grandmother who was N9a3.

Autosomal studies corroborate the fact that Chinese and Siberian people form part of the ancestral heritage of Ashkenazim from Eastern Europe and that they are much less a part of the heritage of Ashkenazim from further west and not part of the formative heritages of Sephardic Jews, Bukharan Jews, Afghanistani Jews, or any other Jewish group aside from the Jews who stayed for centuries within China including the city of Kaifeng. Sephardim from Turkey bearing traces of this ancestry probably got it from having partial Ashkenazic ancestry rather than from partial Turkish ancestry.

Laboratory research conducted by Doron Behar and his colleagues showed that Eastern European Ashkenazim tend to show around 2.2% of East Asian ancestry autosomally. This ancestry was also detected in the genomes of many Eastern European Ashkenazim who joined National Geographic's Geno 2.0 project, often in the proportion of 2% or 3%. It was more faintly detected by many, but not all, of those who tested through 23andMe, which uses a different analytical technique and explores some different portions of a person's single nucleotide polymorphisms (SNPs).

Notables whose recent ancestry is all East-Central and Eastern European Jewish and carry traces of East Asian ancestry detected by 23andMe include the writer Neil Gaiman, the playwright Tony Kushner, and the attorney Alan Dershowitz. 23andMe reported that only 0.1% of their SNPs as tested by the company's techniques come from East Asia.

Finally, data compiled by Kenneth Kidd, a professor of genetics at the Yale School of Public Health, show that about 1.7% of Ashkenazim carry the East Asian-specific 1540C allele in the Ectodysplasin A Receptor (EDAR). This allele is responsible for increased scalp hair thickness.

Found in large frequencies among modern East Asians like the Japanese and the Qiang of Sichuan province, and in smaller frequencies among peoples of Central Asia and Eastern Europe who have only partial East Asian ancestry like Hazara, Hungarians, Finns, and Russians, it is never found among Sephardic Jews, Yemenite Jews, Samaritans, Israeli Bedouins, or Palestinian Arabs who all carry 1540T instead. This is how we know 1540C didn't come into the Ashkenazic population from the ancient Israelites.

Jews in China whose ancestors had arrived from western lands, including Persia, sometimes married local Chinese women and over time the community became more and more Chinese ethnically and culturally whereas the opposite happened for the descendants of the Chinese woman whose family took root in Eastern Europe. So it was that the Kaifeng Jews and Ashkenazic Jews both ended up being heirs to the ancient civilizations of China and Israel.

Sara Schechter-Schoeman, a proud descendant of a Jewish woman from the Russian Empire whose direct maternal lineage has been confirmed by a relative's DNA sample to be M33c by Family Tree DNA, is delighted by the evidence for her connection to China and possibly to the Silk Road and plans to celebrate each Chinese New Year with her Taiwanese daughter-in-law.

**Supplied by Kevin Alan Brook
(Issue March 2015) Jewish Times
Asia**

CHINESE SILVER-MAKING HAS JEWISH ROOTS

Adrien von Ferscht

Adrien von Ferscht is the only academic in the world who has been actively carrying out in-depth research into the 1,400-year tradition of Chinese silver making. He also happens to have dual Israeli and British citizenship, and is about to settle in Beijing in order to run the newly his newly opened Research Institute at Tsinghua University.

Although at first glance the subject area might appear somewhat niche, it is actually a highly complex subject that straddles many academic disciplines. Some three years ago it was Adrien who discovered that the reason Chinese silver in the early Sung Dynasty was overtly “Persian” in appearance was because the art of silver-making was introduced into China by the Sassanians [Sassania being modern-day Iran and where the city of Susa, of Purim fame, was located].

Many of the Sassanian silversmiths were Jews, but they were highly unusual, given that they were remnants of the first exile and as such were what we know as Pre-Hasmonean Jews – they had no knowledge of a second temple having been built and as a result did

not celebrate the Festival of Chanukah. It is also for this reason that the first synagogue built in Kaifeng loosely followed to footprint of the first temple.

It was these Jews who eventually settled in the Chinese city of Kaifeng. Coinciding with that mass migration to China, the style of silver produced in China became what we would recognise as being “in the Chinese style”. Silversmiths still exist in China who can trace their roots back to Kaifeng; one single operating silversmith still lives there!

Jews, therefore, play an important role in the development of the art of silver-making in China and in developing a definitive Chinese style. They also introduced the

Silver service, Song dynasty (960–1279), 11th–13th century

ancient art of a filigree silver-making to China, examples of which are in a large collection of Chinese filigree silver at the State Hermitage Museum in St Petersburg that originally formed part of Catherine the Great’s personal toilette accoutrements.

The newly established Chinese Silver Research Institute at Tsinghua is part of the International China-

Russia Joint Research Project [ICRSC] and is also an official Think Tank for the Prime Ministerial Dialogue Framework.

The institute is led by Adrien and his Chinese colleague Paul Jun Dong. But the institute is not exclusively all about Chinese silver. Given the crucial part Jews have in this fascinating and often convoluted story, two of the six main research areas are the history of Jews in China and their influence on Chinese and Russian culture and the decorative arts since the Han Dynasty.

Comparative studies in the trading relationship of Jews with China over the past 1,000 years with a focus on the similarities of mindsets and practices of the Jews and the Chinese in the context of mercantile trade.

Adrien is a copious writer of articles on Chinese silver, and his papers are published around the world. What is particularly interesting is that Chinese silversmiths in the early 19th century made silver Judaica items, including some incredibly rare examples of megillot for the Sephardic communities in China, India and Iraq. Adrien also acts as an independent consultant and expert to museums, important private collections and private collectors, academics and enthusiasts around the world.

Adrien plans to stage some public lectures in Hong Kong later this year.

April 2015 Jewish Times Asia

Book Reviews

The Interview

Katya Knyazeva on Shanghai's Old Town

The original Shanghai – the “old town” – is hidden in plain sight, in center of China’s wealthiest city. Yet it is but a shadow, unexplored territory for both foreigners and locals. And it’s vanishing quickly. Journalist, photographer, and tour guide Katya Knyazeva has spent six years painstakingly documenting the Old Town, uncovering the layers of 900 years of history. The result is a remarkable book, the first in-depth resource on the old Chinese city in English: *Shanghai Old Town: Topography of a Phantom City* is a history and a photographic atlas of the former walled city and port of Shanghai. Ahead of her January talk and walk for Historic Shanghai, Katya shared some insights on the

making of this book.

Tell us, why did you decide to focus on the old town for this project?

Since my first day in Shanghai, I was smitten with old neighborhoods. We spent our first week wandering the streets, peeking into gateways and windows, photographing everything. The old city in particular drew me in, with its crooked street pattern, density and diversity. I was so enchanted, I remember following the voice of the cold noodle vendor on his circuit through the lanes.

I kept coming across buildings that seemed to have had finer uses in the past, like a warehouse under an antique roof with upturned eaves, or a some intricately carved courtyard serving as a over-crowded residence. People would sometimes invite me into their houses or show the way to interesting sites, like

the eighteenth-century guildhall converted to a dormitory.

So I began to see traces of early Shanghai – Chinese Shanghai – all over the old town: in the shape of the streets, in the street names. Some old shrines are still standing; sometimes the contour of an old tree will conform to a long-disappeared monastery gateway.

Perhaps, the moment that made me decide to write this book came when I found the house belonging to the original owner of Yuyuan Garden. It stands half a block away from the celebrated garden, hidden inside a lane compound, abandoned after years of use as a basketball gym for a primary school... One afternoon we slipped past the guard and then roamed inside the dark vaults filled with construction debris and basketballs, taking long exposure

shots. The ceiling was carved with gold-leaf ornaments, olive branches and grapevines around the Latin letters of “J.H.S.” Later I found out this building had a fantastic history – from Pan Yunduan’s family home to Shanghai’s first Catholic church, then to a public school, and lastly, to a senior citizens’ activity center...

I started to catalogue what I photographed in a more systematic manner, and began searching archives, books and maps for more information. My Chinese is far from perfect, so it was a struggle, but in the process I found new addresses to check and new (old) buildings to look for. And since not a single book or website offered a complete guide to all the antiquities remaining in the old town in English, I decided to make that book.

Shanghai is a city of layers, and perhaps nowhere more so than in the old city. Tell us about your research process to discover what was beneath the layers.

Foreign settlements are much better documented than the Chinese City, but there some old maps too. The street atlas from 1946 has the names of shops, schools, temples and notable residences. The North-China Desk Hong Lists are unfortunately, not much use

here, because they didn’t deal with Chinese-governed territories.

There are useful websites like shtong.gov.cn, that continue the tradition of local gazetteers, presenting the data in lists and tables, like “Venerable old trees of the Huangpu District,” or “All Taoist temples of Shanghai.” There is some good research on Chinese-language Shanghai history blogs, and there are some good books. Luckily, I live only a couple of blocks away from the Shanghai Library. I have two membership cards, yet sometimes I felt I needed to check out more than ten books at once.

The archive room of the Shanghai Library has a real estate map of the Chinese City from 1933, and I scanned it. But to decipher that map I had to find the index to it, and miraculously, it popped up on the web – hundreds of scanned pages with lines of text and numbers. Coupled with the map, it turned into a treasure trove: complete information on who owned what in the old town and the old docks. This information overlaps with the street map in interesting ways: for example, you can see what clan had the most power in a given neighborhood.

Nineteenth-century American and

British church journals proved unexpectedly useful. Missionaries left wonderfully detailed accounts of living in Shanghai in the early years of the treaty port era. Unlike foreign merchants and diplomats, they wanted to live among the locals, and so they rented houses right in the middle of the walled city, as close to the action as they could get. Those old missionary records are in the common domain and freely available on the web.

Talking to residents revealed some patterns. I’d hear a story of how one family owned the whole row of lane houses and each brother had one house to live in, and then after 1949 the whole clan would be forced move in together in a few rooms and give up everything else. On another occasion, a retired couple took me to the house they once owned, and showed me their small attic room filled to the brim with beautiful carved furniture; everything they owned had to be moved up there in the 1960s.

Sometimes a person working outside of their house would point to the boundary stone in the corner of their hundred-year-old building: “See? It has our last name on it. My father built this house.” They would recall growing up in a rich family, living with many servants: “The garden was huge, but it had snakes in the grass, so we were afraid to go there after dark. But in the daytime we took lots of photos; too bad Red Guards seized and burned them.”

What were some of the highlights you’ve discovered?

In the old town there is an incredible number of unprotected, unrestored, obscure buildings, often with fascinating backstories and historical importance. Sometimes such relics are deliberately kept under the radar. Public scrutiny would expose years of criminal neglect in the midst of unparalleled civic prosperity. The city has an embarrassing record of allowing its heritage sites to decay

– or destroying them outright in the name of “urban renewal” – while exploiting Shanghai nostalgia and building the likes of Xintiandi and Cool Docks.

The most glaring example is Shuyinlou, an eighteenth-century mansion (now the oldest private residence in Shanghai) that the government refuses to restore because it remains in private hands and the government can’t make money off it. Other countries’ NGOs are also not allowed fund any works. So instead it’s being allowed to literally rot in the rain. Give it ten years and it will disappear without a trace. Then I suppose they’ll put the few surviving carved rocks and wooden panels into a museum and close the file.

Shuyinlou, the Hermit's Library.

Studying the old town politicized me. It is more than historic architecture that disappears as a result of neglect and blind redevelopment. Whole communities, sometimes with centuries-old foothold in Shanghai, are dismantled and removed from the city, like they were never there.

In addition to writing the book, you also photographed the book – tell us about that process. What camera(s) did you use? How was access? Is a particular time of day best for shooting the old town?

Simultaneously with “discovering” the old city I “discovered” analog photography. First I used a hipster Holga camera, and then my Russian photographer friend, who had switched to digital technology, passed all of his Soviet cameras to me, and I started using them.

Taobao still trades in 120 and 135 film stock. I like using expired film – it produces unpredictable color shifts and patterns. The pictures might turn out with a strong yellow hue, or very grainy, or looking as if they had been scratched on. Or they might not turn out at all. One Shanghai friend gave me a Chinese medium-format camera, Hongmei, as a gift. The inside of the lens had permanent spots of mold that gave every shot a dreamy, hazy quality.

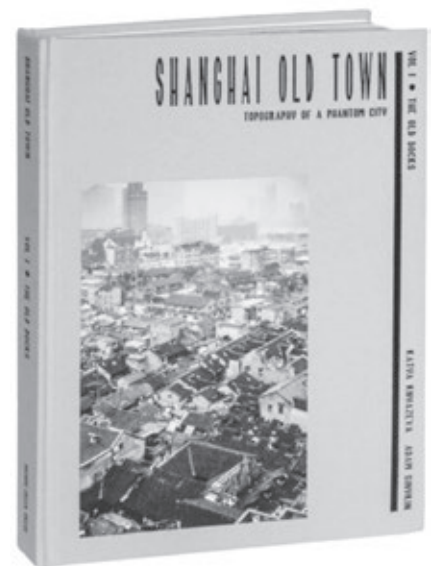
I never had any difficulties getting into the buildings. Old houses are mostly shared, so their common areas are more-or-less public spaces. People who live in there are almost always welcoming and appreciate curiosity about their home. I’m also a sucker for bird’s eye views. I always try to get on the roofs of high-rises. These are usually gated and guarded, but you can always find someone to hold the door open.

Your second book comes out later this year. Tell us more.

The first volume covers the area around Dongjiadu (that mostly got demolished while I was working on it). The second volume, “The Walled City,” covers the area that is now between Renmin Rd and Zhonghua Rd. The chapters revolve around the streets: we follow a given street from end to end and trace its history.

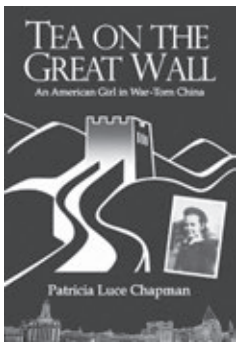
The second volume will be twice as thick because there are more

surviving artifacts, although the walled city is losing ground as well. Most of the northwest quarter has been demolished and built up with high-end properties. The used appliances market on Dong St is being torn down right now. The open-air wet market on Ninghe Road is forced to stick to the curbs and make space for passing cars. More disruption has come to the old town in the last two decades than in the previous seven hundred years. I’m in a hurry to document it before it’s all gone!

*“Shanghai Old Town: Topography of a Phantom City.”
Author Katya Knyazeva*

HISTORIC SHANGHAI - 2015

An American Girl in Wartime Shanghai

by Tina Kanagaratham

The Interview with Patricia Luce Chapman

Patricia Luce Chapman, the author of *Tea on the Great Wall: An American Girl in War-Torn China* was born in Shanghai in 1926 to a journalist mother and businessman father, and grew up here during a time that was both glamorous and difficult. She lived on Columbia Circle in a house designed by Hudec, went to Victor Sassoon's fancy dress parties, and summered in Weihaiwei ~ but, as she documents in her memoir, she also grew up with the fear and uncertainty of a changing world, as Nazi flags went up at school, Japanese warships crowded the harbor and emaciated opium addicts crowded the streets. *Tea on the Great Wall* is available in Shanghai at Garden Books and on Amazon in a Kindle edition.

Historic Shanghai: You've described your girlhood as "Shirley Temple in Wonderland meets Nazis, Japanese bayonets and Chinese opium addicts". Your Shanghai was a complicated one! Glamorous dinner parties on the one hand, threatening soldiers on the other. How did you process it all, as a child?

Patricia Luce Chapman: Knowing no other life, it was my normal everyday life, my home. Visiting elsewhere - Europe, or my grandparents' home in California - seemed foreign to me. There were things that I didn't like in China, such as the inferior position of girls, the poverty of so many Chinese people around us, the damage caused by the Japanese, the Japanese bayonets,

but as there was nothing I could do about them, I accepted them as part of life and sort of worked around them. I was surrounded by so much that was beautiful and good, especially the household staff and my last governess, Erika, and those mattered to me more than the negative experiences. I liked the Chinese courtesy and felt (and often still feel) foreign in the U.S., not knowing what to do or how to respond when an American would flatly contradict or correct me in public, so I just held my tongue and let it be.

We children grew up very quickly in Shanghai, in terms of what we experienced and in what we observed and overheard. We didn't know that we were mature in language and knowledge in contrast to regular American kids in the U.S. I also feel now that the physical beauty of China to which my parents exposed me to at a very young age balanced the horrors of seeing refugees dying in the streets.

HS: Tell us about your parents - how did they come to Shanghai, and what did they do?

Patty Potter, dressed up as a rose for one of Sir Victor Sassoon's children's fancy dress parties

PLC: My father had gone to the Philippines as a Thomasite teacher when he was just 19 years old and established a school in Bacarra, Ilocos Norte. Completing his tour there, he travelled back to the U.S. and onto Europe, finally deciding to move to China. He was in Shanghai before 1917, where he entered the field of business and moved on to become the foremost property appraiser in Shanghai and the Trust Officer of the Bank of China.

My mother came to Shanghai in 1922 to be a teacher at the McTeiye School but finessed that into working as a journalist at the China Press and then a Foreign Correspondent for the International News Service, becoming an ace war correspondent. J.B. Powell wrote of her as the first woman journalist to interview both Marshalls Wu Pei Fu and Chang Tso Lin. She scooped the world press in covering the 1923 Great Kanto Earthquake in Japan before other journalists got there.

My parents were married at the Union Church in Shanghai in 1923.

HS: Your memoir takes place

Patty Potter, standing outside her neighbour, Judge Cornell Franklin's Southern-style mansion (designed by Eliot Hazzard)

primarily between 1932-1940, when you were ages 5-14. Yet there is so much historical detail and context – was this simply a function of the period, that is, that ‘current events’ were what everyone talked about, so even children knew what was happening? Or was it because of the particular work your parents did?

PLC: A combination of both, I think. At the Kaiser Wilhelm Schule there was an emphasis on international events that affected Germany from kindergarten on. At age five we were drawing maps of Germany and China. Later, around 11, I began to learn about World War II and Hitler and the plans to exterminate the Jews. Also, my parents included by brother and me at the dinner table except when they had formal guests. We learned from their conversations about the events that affected us. Further, I know that I had an interest (that I still have) in the news and a curiosity about how and why things happened; I should have gone seriously into journalism myself as I can’t stay away from the news, wanting to be there where things are happening. I remember asking my father about the Sikh officers on horseback.

On trips to Weihaiwei or Beijing or Shanhaiguan, the history we learned was part of being there on the site. The slashes in the Buddha’s arm, for instance, led to the Boxer Rebellion as did the damage to structures at the beach and Mother took the time to tell us about them.

The other children and I didn’t talk about current events specifically; we were living in them and with them, and so the events simply were, and as such were discussed.

I don’t think that it was primarily because of my parents’ work; things happened that my mother wrote about and I did learn in that way; my father’s work became delicate in wartime when he had to protect other people’s lives and property,

and sometimes I heard about those.

HS: How did your life in Shanghai, at that particular time in history, shape who you are now?

PLC: It’s been fascinating to me to find, slowly as the book progressed, how much I am still the same person that I was then, only more solidly so. I can’t tolerate rudeness to others. I am color-blind in the sense that I don’t seem to be aware of, or rather am usually drawn to, a different shape of eyes, a different accent, a shade of skin not like mine. Other kinds of people interest me; I want to get to know them and their lives and am not aware that I might be offending others who don’t feel as I do. I tend to look for what

Patty in the garden of her house on Columbia Circle, wearing the uniform of the Kaiser Wilhelm Schule. Circa 1936

is inside, what is not on the surface, of a person. I am comfortable with all kinds of people, wealthy or poor, well-educated or not, from whatever country. I have exceptionally warm feelings toward Chinese people, Jewish people, and African-Americans, but not so toward Japan and Japanese and anyone whose purpose appears to be to hurt me or anyone else. Today I would have to add the Taliban-ISIS kind of people that any of us would not want to chum up to.

I do still have to struggle against feelings of uncertainty, of inferiority, because of being a girl and then a woman. I think I should add also because of a very strong mother

who corrected me all the time. At that time it didn’t bother me too much because that was just how it was, like turning on a hot water faucet and getting hot water. But it matters now.

I still don’t know how to shop for clothes, or time the elements in cooking a meal, and laundry comes out spotted so I avoid that, too. Growing up with ten live-in servants makes a great difference. I know what I want done but not how to do it. And I don’t want to do it. My entertaining is not frightfully elegant, my dear.

The wars: I know that I am exceptionally skittish around guns of any kind, jump wildly at sudden noises, and can’t stand people who want to hurt other people. But I think most of us are like that.

HS: You left China in 1940, and haven’t been back since. What was returning to that long-ago world as you wrote this book like? Would you like to return? Or would you prefer to remember Shanghai the way it was?

PLC: This book was to be only a light summary of my growing-up in China. When [my daughter] Tina B. asked me one day what someone would say when my grandchildren asked what happened to Grandma when the Japanese came into China, no one would be able to answer because no one knew.

I was afraid to open myself up to the memories. I had shut off my China past after coming to America. The memories were too dark. Also, I found that I had little in common with the other American girls in school. Their fathers were playing golf; mine was in a Japanese prison camp. They knew how to shop for clothes; Tailor had made all of mine. There was so much sorrow hidden within me that I couldn’t express to them. I began to create a past that was extremely vague, and that I could manage to live with. I

didn't open up my China life until beginning to write this book, and then I found that Texans had warm welcoming natures. You may not believe me, but Texans are the most courteous people I've ever met, next to the Chinese. They are the only people I've seen who pull over when they see that the car behind then wants to pass.

I had had two chances to go back to China: once with my son Kit, who wanted to take me with him in the 1980s; I was unwilling to experience a China as rigid as what I'd seen on TV with Nixon's visit. My China was pre-1937. Also, I was scared to open myself up again to

the smells and sights of China. The second time I was on an assignment in Micronesia for the Christian Science Monitor when I could have joined a group of editors taking a boat trip up the Yangtze. I did my job for the CSM instead.

Writing this book was both healing and very painful. I had never really grieved for the loss of my whole life or for the loss of so many tens of thousands of destitute Chinese people who I loved as part of my family. Night after night, after working through a section, I would sob, curled up in an armchair, holding my arms tightly wound around myself, trying to breathe.

The other part of this is that I have found my whole self again that I didn't really recognize I'd buried. The whole past is now an active living part of me, probably greatly romanticized, but it's there, and I love it.

Of course I would like to return but I've missed my chance. I am not physically or financially able to travel back and forth, and I could not stay because it would be too costly for my children and grandchildren to travel to see me. I could not leave them.

Historic Shanghai - 2015

Nightfall Over Shanghai *By Daniel Kalla*

63

Espionage, passion, and battlefield drama: the loves and fears of one remarkable family unfold against the Second World War's Pacific theatre

Gripping and poignant, this is the epic final chapter in Daniel Kalla's wartime trilogy, bringing to an unforgettable conclusion the story begun in *The Far Side of the Sky* and *Rising Sun, Falling Shadow*. "Nightfall over Shanghai", Daniel Kalla's third and final installment of his trilogy on the harrowing history of Jewish refugees in wartime Shanghai has been well worth the wait. We return to the lives of the dedicated Dr. Franz Adler, a secular Austrian Jew; his wife Soon Yi (Sunny, his teen-aged daughter Hannah) and the devastating world their friends and neighbors were forced to endure. Now, against

amazing odds, the doctor ministers to the maimed and burned in understaffed, under-supplied, miserable refugee and military hospitals. He is often separated from his vulnerable family, whose daily life is equally as grim and tenuous.

The three books can stand separately, but it is very gratifying to move through one to the other, watching lives unfold as the characters triumph over adversity. The tale is not complete.

The first novel "The Far Side of the Sky", opened with "Kristallnacht" in 1938 and set the background for what followed. The second "Rising Sun, Falling Shadow", took place in 1943 when the Jews were under full control of the hostile Japanese and the Impetus of Nazi moves to exterminate them. Now, the culminating book, "Night over

Shanghai", lingers in the darkness before the dawn, moving from 1944 to the war's end and a bit beyond.

As the time-line tightens so does the narrative; moving between horror and release as the horror of these people ebbs and flows. Readers move between despair and hope – back and forth and back again. The story is always exciting – and always moving. It is impossible not to care about and agonize of these people, and impossible to put the book down.

Kalla captures the angst of these terrible times in cliff-hanger moments, shaping fiction to mirror the reality of those days as his characters interact with sadistic real villains – most especially the self-proclaimed, "King of the Jews", the Japanese madman, Ghoya.

I
g
u
d
y
o
t
z
e
i
S
i
n

DONATIONS

SOCIAL AID FUND

USA

From	the members of the FAR EASTERN SOCIETY of SAN FRANCISCO (It was sent by the president of the Society Isai KAUFMAN shortly before his death)	US\$	2,450
"	The Charitable Fund of the AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY of NEW YORK for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund	"	5,000
"	The Charitable Fund of the AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY of NEW YORK	"	2,200
"	Aaron BELOKAMEN for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund	"	1,000
"	Ada PIVO for PASSOVER and ROSH HASHANA towards the IYS Social Aid Fund	"	1,000
"	Olga and Isai KAUFMAN in memory of their dear PARENTS and brother TEDDY	"	300
"	Sandra MARGOLIES in memory of her parents Albert and Hanna BENSADOUN	"	36
"	Alexandra RADBIL in memory of her father George RADBIL	"	60
"	Paul AGRAN in memory of his brother Zalman AGRANOVSKY	"	50
"	Dina VINCOW in memory of her parents Sofia Abramovna and Lev Moiseevich LICHOMANOV	"	250
"	Bertha ELKIN in memory of Solomon Joseph OPPENHEIM	"	50
"	Rivka SUE NEWMAN with best wishes for a happy sweet New Year	"	36
"	Malvina LEVITINA in memory of her parents Lidiya Isaevna and Moisey Yakovlevich LEVITIN	"	54

In lieu of flowers for ROSH HASHANA (continued) and PASSOVER

From	Nadia FINKELSTEIN	US\$	100	From	Ilana RICHMOND	US\$	50
"	Lena FRIEDEL FELD	"	60	"	Luba TUCK	"	100
"	Dr. Haim GAMBURG	"	100	"	Sanford WAINER	"	18
"	Theodore LEVIN	"	30	"	Mary WOLFF	"	50
"	Balfoura F.LEVINE	"	25	"	Esther WOLL	"	200
"	Joe MRANTZ	"	100				

PANAMA

From	Victor and Toni HANONO in honor of their dear mother Raissa (Raya) WIZNITZER SCHILDKRAUT	US\$	360
------	---	------	-----

CANADA

From	Nadia OGNISTOFF in memory of her dear husband Frank OGNISTOFF	US\$	225
"	Dr. Natalia WILSON for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund	"	60
"	Sandra SOUCCAR in memory of her mother Vera YAPPO	C\$	18
"	Al RAISON in memory of his mother Fania RESNIKOV	"	50

In lieu of flowers for ROSH HASHANA (continued) and PASSOVER

From	Peter BEM	US\$	75	From	Lilian LIFSHITZ	C\$	236
"	Lessy KIMMEL	C\$	100	"	John VAINSTEIN	"	50

HONG KONG

From Mrs. Mary BLOCH for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund US\$ 5,000

JAPAN

From Izumi SATO, Associate Professor of the Faculty of Humanities at Toyo Gakuen University for the IYS Social Aid Fund US\$ 610

AUSTRALIA

From Lucy RAYHILL in memory of her dearly beloved and sadly missed husband Nathan (Norman) RAYHILL A\$ 400

" Roy and Gloria STEWART in memory of Gloria's dearest parents Solomon Davidovitch and Eugenia ZIMMERMAN " 70

In lieu of flowers for ROSH HASHANA (continued) and PASSOVER

From Vera KARLIKOFF	A\$ 600	From Olga SCHWARTZ	A\$ 100
" Dr. Samuel SAKKER	" 300	" Hannah STERN	" 30
" Mr. & Mrs. Alexander SAMSON	" 200		

DONATION

From Harry TRIGUBOFF
for the IGUD YOTZEI SIN Scholarship Fund

A\$ 30,000

ISRAEL

From Giora and Ilana LESK in memory of Danny and Musia BERKOVITCH towards the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund	NIS 40,000
" Marianna BARLY towards the IYS Social Aid Fund in memory of her parents Dr. Ernst and Gertrude MICHAELIS	" 5,000
" Flora and Bob FREIMAN for the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund	" 2,500
" FREIMAN family in memory of Mark SAKKER	" 300
" Reva FREIMAN in memory of her aunt Sara LEVKOVSKY	" 500
" Orly SHLIFER-SARUSSI towards the IYS Social Aid Fund	" 1,800
" Shmuel MILLER for the Igud Yotzei Sin activity	" 1,000
" Pnina and Yossi KLEIN for Rosh Hashana to the IYS activity	" 1,000
" Pnina and Yossi KLEIN for Passover to the IYS activity	" 1,000
" Rasha KAUFMAN in loving memory of TEDDY	" 500
" Shmuel and Tamar KISLEV in memory of Shmuel's grandfather Rabbi Aaron Moshe KISELEV	" 250
" Yosef BOMASH in memory of his mother Musia BOMASH	" 180
" Genia LEYMANSTEIN in memory of her PARENTS	" 180
" Baruch LEVITIN in memory of his father Alexander (Shura) LEVITIN	" 120

BEST WISHES TO IGUD YOTZEI SIN IN APPRECIATION OF THEIR GREAT WORK OVER THE YEARS

Leo REGEV, Herzlya
(formerly Leva Rogovin, Tientsin, China)

66

In lieu of flowers for ROSH HASHANA (continued) and PASSOVER

From	Olga DIESTEL	C\$	90	From	Boris MATLIN	NIS	380
"	Olga DIESTEL	NIS	180	"	Hannah and Shmuel MULLER	"	500
"	Hezkeyahu DVIR	"	100	"	Isabella NADEL	"	300
"	Shulamit EVEN	"	240	"	Mr. & Mrs. T. PIASTUNOVICH	"	400
"	Flora and Bob FREIMAN	"	500	"	Judith and Israel SANDEL	"	250
"	Rafi GAZAL	"	400	"	Clara SCHWARTZBERG	"	500
"	Daphne GURI BEN GERA	"	100	"	Miriam SHAHAM	"	150
"	Riva HOFFMANN	"	150	"	Tania SHLIFER	"	200
"	Yosef JACOBSON	"	100	"	Orly SHLIFER-SARUSSI	"	200
"	Esther and Yosef KATZ	"	50	"	Yakov SHTOFMAN	"	180
"	Rasha KAUFMAN	"	500	"	Ran (Ronny) VEINERMAN	"	500
"	Genia KAUFMAN	"	180	"	Miriam YAKIR	"	100
"	Tamar and Shmuel KISLEV	"	400	"	Yecheiel YANKLOWICZ	"	250
"	Sima and Abraham KISLEV	"	300	"	Mike YUNGELSON	"	200
"	Timna LILACH	"	200				

SYNAGOGUE FUND

AUSTRALIA

From Ann RAHMAN in memory of her husband Aharon RAHMAN A\$ 50

ISRAEL

From Dr. Asnat HEYMAN-RIESS in memory of her parents Henrietta and Leonfrid HEYMAN NIS 360

" Clara SCHWARTZBERG in memory of her husband Benjamin SCHWARTZBERG " 400

From	Golda TOLEDO in memory of her father Gershon (Grisha) PESELNICK	NIS	100
"	Hezkeyahu DVIR in memory of his father Henry DAVIDOVITCH	"	100
"	Hezkeyahu DVIR in memory of his mother Ida DAVIDOVITCH	"	100
"	Bernard DAREL towards the Synagogue Fund	"	180
"	Leah ALPER in memory of her brother Benjamin LITVIN	"	120
"	Teddy PIASTUNOVICH in memory of his mother Ella PIASTUNOVICH	"	200
"	Teddy PIASTUNOVICH towards the Synagogue Fund	"	180
"	Shulamit EVEN in memory of her father Mark MORGULEV	"	180
"	Miriam SHAHAM in memory of her father Yakov (Yana) BRANDT	"	150
"	Esther YARHO in memory of her parents Iza and Aharon YARHO, and in memory of her grandparents Esther and Abraham YARHO, and Enya (41st Yahrzeit)) and Michael (50th Yahrzeit) KONDAKOFF	"	600
"	Esther YARHO in memory of her uncle Shlomo (Monia) (46th Yahrzeit) YARHO	"	100
"	Israel ROSENBLAT in memory of his father Moshe ROSENBLAT	"	180
"	Raphael LUDIN in memory of his father Haim Shmuel LUDIN	"	180
"	Judith MAROM in memory of her mother Rachel PERSOFF and her aunt Sophie FUCHS	"	250

SCHOLARSHIP FUND

USA

SAN FRANCISCO

THROUGH THE COURTESY OF THE FAR EASTERN SOCIETY OF SAN FRANCISCO

From	The ALEXANDER M. and JUNE L. MAISIN FOUNDATION of the JEWISH COMMUNITY FEDERATION and ENDOWMENT FUND for Igud Yotzei Sin in Israel, the Association of Former Residents of China, to provide the Scholarship Awards in Israel to the grandchildren and other descendants of former residents of China in Israel during 2015/16 (The Scholarship Fund in memory of Alexander and June MAISIN)	US\$	30,000
------	--	------	--------

CHINA

From	The EMBASSY OF P.R. OF CHINA IN ISRAEL for the Scholarship Fund of Igud Yotzei Sin and Israel-China Friendship Society	US\$	10,000
------	--	------	--------

ISRAEL

From	Dr. Niv BACHNOFF for the Scholarship Fund in memory of his father Nathan BACHNOFF	NIS	1,400
"	Daniel FRIEDMANN and Rina BLUMENTHAL for the Scholarship Fund in memory of their mother Lucy FRIEDMANN	"	1,400
"	Teddy PIASTUNOVICH for the Scholarship Fund in memory of his parents Lev and Ella PIASTUNOVICH	"	1,000

**HAPPY HOLIDAYS
AND THANK YOU FOR YOUR DONATIONS**

Hebrew Is Being Taught Today In A Shanghai Primary School

As China-Israel business and cultural cooperation continues to increase, Chinese people are finding they have more knowledge of, and interest in, Israel, and most Chinese people think positively about Israel and Jewish people. Recently, the Shanghai Evergreen School, an outstanding primary school in Shanghai, became the first primary school in Shanghai to launch Hebrew classes there. It is a part of their efforts to boost students' interests in minority languages. and the teachers are from SISU (Shanghai International Studies University). These including Israeli teacher Miri Beck, who is a Professor of Hebrew at the university. Indeed SISU is one of the few Chinese universities which teach Hebrew.

Shanghai Evergreen school decided

to offer Hebrew classes for their grade 4 students, and they will learn it for 4 years until grade 8. The class will be composed of group learning, games, animation watching and culture experiencing. The students are all very much interested in the Hebrew language, and are curious about Jewish culture and history as well. In China, it is fair to say, Israeli people are perceived, generally, as very smart people.

The China-Israel relationship has been getting closer and closer, and today Chinese companies are also undertaking more and more investment activities in Israel. In 2015, Shanghai alone contributed to three of the largest investments projects that took place in Israel. Shanghai was the home for nearly 20,000 European Jewish refugees

during World War Two, and now it is the most dynamic international financial centre in China, so Judaism and Israel aren't unfamiliar to the people of Shanghai.

There will be a big innovation conference in Shanghai at the end of this month, and Israel is the titular "host nation" for the event this year, with lots of Israeli technology delegations coming to Shanghai. And "Israel Plan", an NGO organisation, is going to invite 10 Israeli young people to visit China to experience the Spring Festival and meet with Chinese young people during the coming Chinese New Year in a few month's time.

Jewish Business News

Nov 2015

Grandfather's Music Store once on Central Avenue in Harbin

Mrs. Lily Klebanoff Blake, former President of the Financial Women's Association returns to Harbin to seek her roots.

Hotel Moderne, Harbin welcomed Mrs. Lily Klebanoff Blake who arrived from the United States in June 2015. Mrs. Klebanoff Blake is the former President of the Financial Women's Association; President of the New York Chapter of the Far Eastern Society and CEO of Klebanoff International. On this trip she wanted to reconnect with her family history and find the site of the Lyra Music Store, which her grandfather once owned.

According to Zhihong Hao, a researcher from Heilongjiang Academy of Social Sciences, Lily Blake was born in Shanghai. Her father, paternal grandfather and maternal grandfathers had in the past all lived in Harbin. Her father held a senior position at Hotel Moderne. At the beginning of the 19th Century, her maternal grandfather operated the Lyra Music Store. Mrs. Blake said that in New York, whenever she heard that Harbin has the reputation of being a music city, she felt proud because that was also an honor to her family.

The Lyra Music Store was established in 1906. The owner was Lev Izrailevich Skorokhod, Mrs. Blake's maternal grandfather. It was located in the middle section of a building at the intersection of Central Avenue and Rui Street (No. 42-46 Central Avenue). The building is currently classified as a Type III landmark building. At that time, the first floor was a storefront, and the second floor was a residential unit. In 1931, the shop was transferred and used as the Xingji Clothing Store. The store is presently used as Saint Angelo's flagship store.

The Shanghai KehilaLink

By Eli Rabinowitz

A volunteer usually has a personal connection to a KehilaLink. In my case, I do not, nor have I ever visited Shanghai.

I was attracted by the diverse nature and unusual history of the Jews who lived there. I was also fascinated by the amazing stories of Ellis (Al) and Lea Jacobs, my daughter-in-law's maternal grandparents, both born in Shanghai of Iraqi and Sephardic heritage.

Wikipedia works well as a source of information for my KehilaLinks, generally providing sufficient information for the reader. Further references are in abundance and many useful links are given. Pages can be shared and I now use a live link, so these pages are updated when Wikipedia updates theirs. I include links and messages from other researchers as well as news items. Where they are available, I include some travel photos.

The key pages are about the history of Shanghai and the people who influenced Jewish life there.

Jewish migration to Shanghai

With the arrival of the British, Sephardic Jews came as traders from Iraq via India and Hong Kong in the latter part of the nineteenth century. Ashkenazi Jews arrived from Europe after WWI. Russian

Jews fled the pogroms in the early twentieth century and settled in NE China. They were joined in Harbin, Manchuria by White Russians after the Russian Revolution in 1917. With the invasion of NE China by Japan in 1931, many Jews of Harbin moved to Shanghai.

18,000 Jews from Germany, Austria and Poland escaped the Holocaust to Shanghai at the end of the 1930s and early 1940s. Shanghai was an open city and did not require a visa to enter, but nevertheless it was difficult to travel to from Europe. The standout story is that of Chiune Sugihara, the Japanese consul in Kaunas, the capital of Lithuania at this time, who, against his government's wishes, issued transit visas to Jews, enabling them to get to Shanghai, and therefore saved many Jewish lives.

This only came to light in the 1970s, and is related in my interview with Rabbi Levi Wolff of Sydney Central Synagogue last December (see (<http://kehilalinks.jewishgen.org/shanghai/Australia.html>)).¹ Sugihara's story also appears on my other KehilaLinks: Mir in Belarus, Kedainiai in Lithuania, and Sydney and Melbourne in Australia.)²

Other featured highlights of the Shanghai KehilaLink are:

- The Fugu Plan, the untold story of the Japanese and the Jews during WWII;
- Silas Aaron Haroon, wealthy

businessman and philanthropist in Shanghai;

- Ho Feng-Shan, the Chinese diplomat in Vienna, who issued visas to Austrian Jews;
- Ohel Rachel Synagogue; and
- The Shanghai Jewish Refugee Museum and the Shanghai Ghetto. People are invited to send in their own stories, photos and memoirs. There is no cost in participating in a KehilaLink and it is a great way to share one's family history.

Eli Rabinowitz was born in Cape Town, and migrated to Perth, Australia in 1986. Although an economist by profession, he preferred life in the fashion world! Eli is proactive in a wide range of Jewish community activities: filming events and testimonies, genealogical research, and bringing the Memories of Muizenberg exhibition to Australia. Eli gives talks and presentations on his world Jewish heritage travel and photography, with special attention to cultural yiddishkeit and connections to our roots.

Eli works with a high school in Kedainiai, Lithuania, providing online classes on Jewish life.

Eli Rabinowitz can be contacted at eli@elirab.com

SHEMOT – APRIL 2016

<http://kehilalinks.jewishgen.org/shanghai>

WE NEED YOUR SUPPORT!

**Please, make a donation to the Igud Yotzei Sin Social Aid Fund.
Your donation enables us to do our community work.**

THANK YOU

IN MEMORIAM

Emmanuel Pratt at 90

Emmanuel's story is long and interesting. He was born in Vladivostok, Russia in February 1920. Shortly after his birth, his family was forced to flee to China, to escape the excesses of Russian anti-Semitism and the young Soviet Union. He grew up in China, moving with his family first to Harbin, then to Mukden, Tientsin, and finally, as a young man, to Shanghai. In 1948, he flew from Shanghai to the newly declared State of Israel with a group of like-minded Zionists.

His life was something of a reflection of the country in which he chose to live, and which he loved with all his heart. He was brilliant and talented, even as he could be abrasive and volatile. He was highly political, independent, Quixotic, and with an explosive temper that often erupted when least expected. But his talent was extraordinary. He was a journalist – for English, Hebrew, and Russian language publications. He was an author and a translator. He was an artist. And he was a character!

Emmanuel's career was as colorful as it was long. It began in the Negev, shortly after he arrived, where he went from place to place, following old British maps and identifying water sources for the new state.

Later he became a journalist for a series of Israeli newspapers, including one for whom he covered the 1954 trial of Rudolf Kastner, a Hungarian lawyer and journalist who was accused of collaborating with the Nazis in Hungary during the Holocaust. Emmanuel later collected his notes for a book, written in Hebrew and published in Israel. After serving as a journalist for many years, he landed a job at Israel television, where he spent the remainder of his journalistic career as a film producer. In the course of his years as a journalist, Emmanuel also fell in love with photography. He was a good photographer with an artist's eye. Many of the articles that he wrote for the Jerusalem Post were illustrated with his photographs, and one of the iconic photos showing the entrance of Israeli generals into Jerusalem after the Six Day War was his. His love of cameras was constant, and he was continually looking for a new camera to replace his older one.

Throughout his life in Israel, Emmanuel stayed in touch with his Chinese-Israeli compatriots. Every year, they held a big anniversary party. They were always memorable. For many years Emmanuel also served

on the editorial board of Igud Yotzei Sin - Association of Former Residents of China in Israel, and authored many articles for their bulletin about the Chinese Jews, memories of their lives in China, and news about the community in Israel.

One of the most remarkable periods of his life began when Emmanuel found his muse in drawing and painting, something that he had dabbled in before, but which, in his late sixties, became an obsession. In his drawings, his lines were sharp, his images memorable. His paintings, by contrast, were impressionistic, with soft edges and muted tones. His long friendship with Fima, a painter of note whom he knew from China, and who later lived both in France and Israel, gave him encouragement and momentum.

Emmanuel remained a painter until his vision began to fail at the age of 92, when he could no longer see the canvas before him clearly. What was most remarkable was that his paintings got better and better as he got older. Some of his best work was done in his late eighties and early 90s.

Based on Ilana Freedman's eulogy

IN MEMORIAM

Allan 'Al' Rayson 1919-2015

From Harbin to Montreal

Our father, Elusha Resnikoff, or Allan Rayson as he named himself upon leaving China, passed away peacefully and with quiet dignity after a short illness in Montreal, Canada on December 22, 2015. Fiercely dedicated to life, he would have held on longer, but it was his time and he slipped away at 96 ½ years of age. From Harbin to Tientsin then Shanghai then to Paris on an IRO (International Refugee Organization) visa and then Palestine, he never imagined ending up in Montreal and never fully got used to the idea either. Our mother, Dorothy Task, was his anchor. She somehow made a confirmed bachelor into a family man and for 54 years, the support they gave each other through good times and bad, never wavered. Like many Igud Yotzei Sin members, his life was a fascinating mix of cultures largely unknown to modern generations. Having a father of Russian origin born in Harbin, China still generates amazement amongst friends and acquaintances. His life in

China, experience through the great depression, flight from the Communist Revolution and his years as a refugee before settling in Montreal, largely defined his life.

Over the years, his stories became part of his legacy for us, his children. His days in Harbin and Shanghai became ours. We could walk along the banks of the Sungari (Songhua) river with him and feel the cold Harbin air freeze our skin as we watched him win a speed-skating race. We could see him as a young child at his desk at the Kamersk Utzilitse, and smiled at him as he walked in a white suit in front of the Hotel Moderne with his teenaged buddies. His years in Betar and his work with the North China Trading Company defined him as a young man and his stories still resonate with us.

When he was 80 years old, he recorded a series of 4 tapes describing his life. It is an amazing series of vignettes that describes the highs and lows of his turbulent time as a child

and young man, so far removed from the calm of his later life. Despite the years, so much of China travelled with him to Canada and influenced him every day. He expressed his Judaism very personally and deeply, spending his last years wearing a ragged kippah that somehow fit his head perfectly and never slipped off.

His experiences with political and economic upheaval influenced him greatly and he never forgot the difficulties he faced as a child and then as a refugee. Because of this, he dedicated his life to providing stability and strength of purpose to those he loved. Imagining what our lives would have been like, if lived at all, had he not left China at the right time makes us grateful for his courage, wisdom and strength of character. A quietly proud, compassionate, and fiercely determined man, his spirit continues to influence our lives. He seemed unbreakable, and in many ways we know he is still with us, as we are with him.

IN MEMORIAM

George Semeon Radbil, 98

George Semeon Radbil, 98, passed away peacefully on May 14, 2015, in Seattle after a truly remarkable life.

Born to Semeon Radbil and Alexandra Alexandrovna Shilling in Moscow in May 1917 during WWI and the Russian Revolution, he witnessed many of the events that shaped the 20th Century. In 1918, in the growing chaos of the Russian Civil War, he and his parents fled across Russia, making a slow, tortuous journey through Siberia, finally reaching Harbin, Manchuria in late 1919.

In 1930, as the situation in Manchuria deteriorated, the family moved to Shanghai where George attended the Shanghai Public and Thomas Hanbury School. Although highly intelligent, George was not academic, and his mother reluctantly allowed him to leave school in 1935. He learned to sell and repair cars working for Overland Motors and Shell Oil. He soon developed a taste for the legendary Shanghai nightlife, requiring him to stretch his budget and find additional work. He was forever proud of his

job as civilian driver to the last Head of British Forces in Shanghai, Major-General A. D. Telfer-Smollett. By this time, he had met Sonia Marohovsky, whose family owned a nightclub, the Jessfield Club. In the evenings George often worked as the floor manager in the club. He and Sonia were married in Shanghai in October 1940.

He continued to live in Shanghai throughout WWII and the Japanese occupation. As a stateless person, it was not easy to leave, however it also meant he was not interned, and from time-to-time he was able to get supplies to people in the Camps. With gasoline in short supply, he started a bicycle repair shop and built probably the first battery-powered steerable rickshaw. Throughout WWII, he secretly maintained a highly illegal short-wave radio to listen to the World News from BBC India. Inspired by these broadcasts, he became a lifelong admirer of Winston Churchill. Riding his beloved motorcycle, and at considerable personal risk, George brought news of the Japanese surrender to the inmates of the Camps. His experiences of the period are recorded in an autobiography being edited by his daughter Alexandra.

After the end of the War, he and Sonia

and other family members moved to the United States, first to California and then to Florida. In Miami, George founded 'Art Lite Company' to design and produce lamps for hotels and businesses on the East Coast. Miami provided him with the opportunity to indulge his passion for boating and fishing. In the 1970's the family moved again, this time to San Francisco, where he and Sonia opened 'The Lamp Shop' providing one-of-a-kind lamps to designers in Jackson Square. He took flying lessons and earned a pilot's license.

His final move was to Seattle. For a brief time, he and Sonia had another lamp and antique business, 'West Wind,' in the Seattle Design Center. In his retirement, he continued to maintain contact with many friends locally and with those across the world whom he had known in Shanghai.

George was predeceased by Sonia, his wife of 62 years, his younger daughter Katherine, and his sister-in-law Luba Marsh. He is survived by his daughter Alexandra and her partner Stephen Fitzpatrick in Princeton, New Jersey. A private celebration of George's life will be held in Seattle on May 26th. Friends needing information can call (609) 558-1877.

Bob Freiman (20 March, 1923 - 16 October, 5015)

My father, Bob Freiman, was special to all who knew him. He touched everyone with his wide smile, kindness, gentle sense of humour, wisdom and dignity. He was an innate gentleman, respected for his trustworthiness, and approached by young and old for his advice. He was a loyal and unquestioning supporter of Israel. My father abhorred extremism and could not understand any lack of

consideration for others. Our Bob was mild-mannered, modest and quiet but this only concealed a very sharp observer and a deeply emotional man, especially when it came to family. He was strong, courageous and our rock through difficult times.

My father sacrificed his youth to support his parents and sister, and he worked single-mindedly, with good will and without sharing his

hardships, to take care of all of us, as well. Never did we hear him say he was tired.

We are thankful for the full life that my father lived, but I miss his "Hi darling!" every day, and being able to ask his opinion which I valued above all others. It was a tremendous privilege to be his daughter. His spirit lives on in our hearts.

May he rest in peace.

Reva Freiman

OBITUARIES

With very deep sorrow we announce the death of our dearest

Bob FREIMAN

beloved husband, father and grandfather, on 16 October 2015

May he rest in peace.

Forever in our hearts

FLORA
REVA, MIRIAM and PETER
ELIANA, TAMARA and ARI,
ABIGAIL and KEVIN

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of a member of our association
and our friend of many years

Bob FREIMAN

and extends heartfelt condolences to his wife FLORA,
MIRIAM, REVA and their families

Lika KAGANER, Hannah STERN and Ann RAHMAN are deeply saddened
by the death of their friend

Bob FREIMAN

and extend sincere condolences to FLORA and the entire family

To dear FLORA, MIRIAM, REVA and families

Please accept my sincerest condolences on the passing of
a very dear and good friend

Bob FREIMAN

Rasha KAUFMAN

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
mourns the passing of our friend of many years

Alter ROSENBLUM

and extends deepest sympathy to Tova MERON,
the daughter of the late Ira ROSENBLUM

It is with great sorrow and sadness we mourn the death of
the President of the FAR EASTERN SOCIETY of SAN FRANCISCO

Isai KAUFMAN

Our heartfelt condolences to his wife Olga KAUFMAN,
Rasha KAUFMAN and Fania MINDLIN,
and all the former residents of China in San Francisco

May he rest in peace

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN

We are deeply saddened by the loss
of our beloved brother-in law and uncle

Isai KAUFMAN

and send heartfelt condolences and love to dearest OLGA

Rasha KAUFMAN,
Fania MINDLIN and family

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of our friend of many years,
a former member of the "Bulletin of IYS" Editorial Board

Emanuel PRATT (Monia PIRUTINSKY)

Passed away on April 9th, 2015, in Jerusalem at the age of 94
We extend our deepest sympathy to his friend for over 30 years
Ilana FREEDMAN

May he rest in peace

76

I
g
u
d

y
o
t
z
e
i

S
i
n

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of a long-time friend of our Association

Jacob (Yana) LIBERMAN

Funeral took place on August 31th, 2015 in San Diego, USA
We extend heartfelt condolences to his children TOVIK, RINA, LEORI
and their families

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of

Michael KLEBANOFF

and extends sincere condolences to his wife ANGELICA and family
and Lily KLEBANOFF-BLAKE and family

Angelica, dear,
so sorry to hear of the passing away of dear

Mike KLEBANOFF

With kindest thoughts always, sincerely

Rasha KAUFMAN,
Bella GOLDREICH

With great sorrow we announce the passing of

Ms. Genia OLSHEVSKY

Passed away at a ripe old age of 94, on August 23, 2015
Funeral took place on August 24, 2015 at Kiryat Shaul cemetery

OLSHEVSKY family

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
mourns the passing of

Genia OLSHEVSKY

and extends sincere condolences to OLSHEVSKY family

We are deeply saddened by the passing of our dear friend

Genia OLSHEVSKY

and extend our heartfelt condolences to OLSHEVSKY family

Haya BRACHA
Etie GINANSKY
Itta HOROL
Rasha KAUFMAN
Lily KOROSHI

Zina LANDWEHR
Genia LEYMANSTEIN
Mira PISETSKY
Mary SHWARTZ
Lena YUDIN

With deep sorrow we announce the passing of our beloved
mother and grandmother

Eva LOWE (nee LISSE)

1932 - 2015

May she rest in peace

Harry and Mike LOWE
Shoshi, Dana, Tom and Ben LOWE

We are deeply saddened by the passing of our dear friend

Eva LOWE

and extend our heartfelt condolences to HARRY, MIKE and family

Haya BRACHA
Etie GINANSKY
Itta HOROL
Rasha KAUFMAN
Lily KOROSHI

Zina LANDWEHR
Mira PISETSKY
Mary SHWARTZ
Lena YUDIN

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN mourns the passing of a
long-time member of our Association, native of Shanghai

Eva LOWE (nee LISSE)

and extends sincere condolences to her sons HARRY, MIKE and family

It is with deep sadness that we mourn the passing of

Leah Mineevna ONIKUL

on the 5th of November, 2015

Dearly loved wife of JACOB (dec.) and partner of Isaak ROGOVOY.

Devoted mother and mother-in-law of NAUM and RITA,
BOB and MICHELLE, ELLA and ROBERT.

Adored grandmother and great-grandmother.

A loving and gentle lady who will be remembered for her kindness and
generosity of spirit.

We are deeply saddened by the passing of our dear

Leah ONIKUL

and extend our heartfelt condolences to
ISAAK, NAUM, BOB, ELLA and their families

Inna and Alec MOUSTAFINE
Mara MOUSTAFINE and Andrew JAKUBOWICZ

Lika KAGANER and Zelda FRIEDMAN are deeply saddened on the passing of
our dear lifelong friend

Leah (Lika) ONIKUL

and extend our heartfelt condolences to ISAAK, NAUM, BOB, ELLA
and their families
May her kind soul rest in peace

Cecilia and Leonid LYUBMAN are deeply saddened by the passing of

Leah ONIKUL

and extend sincere condolences to Isaak ROGOVOY,
NAUM, BOB, ELLA and their families

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of

Leah ONIKUL (nee Meerovich)

and extends sincere condolences to Isaak ROGOVOY,
NAUM, BOB and ELLA and their families

Our deepest regret to have lost our wonderful-always cheerful cousin

Jana POLOTSKY

in Montreal, aged 98

Mary SAMSON,
Leo VILENSKY, Ilia VILENSKY,
Alan HASANOFF, Thelia HASANOFF
and our families

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
mourns the passing of a friend for many years

Jeannette (Jana) POLOTSKY

sister of our former honorary representative in Canada Evsey Polotsky (dec.),
and extends deepest sympathy to the entire family

It is with great sadness I announce the passing of my dear father

George S.RADBIL

on May 14th, 2015 in Seattle, USA, at the age of 98
May his soul rest in peace

Alexandra RADBIL

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
mourns the passing of

George S.RADBIL

and extends deepest sympathy to her daughter Alexandra RADBIL

It is with great sorrow and sadness I announce the passing of my dear husband

Leonid KORCHEMSKY

Passed away on December 10th, 2014 in California, USA
Ann PERLSTRAUSS-KORCHEMSKY

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN deeply mourns
the passing of a member of the Far Eastern Society of San Francisco

Leonid KORCHEMSKY

and extends heartfelt condolences to his wife
Ann PERLSTRAUSS-KORCHEMSKY

We are very sad to announce the passing of

Allan 'AI' RAYSON
(nee Resnikoff)

our strong and loving husband, father and grandfather.

We will always miss him deeply.

DOROTHY, DANIEL, EMILY, MONICA, LEV, MIRA, ALEC,
SAM, JONATHAN and MICHAEL

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of our member and friend of many years

Allan RAYSON

and extends heartfelt sympathy to his wife DOROTHY,
children and their families

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN mourns the passing of
our dear friend

Esfir (Fira) GOBERNIK

on February 19th, 2016 in Moscow, Russia

and extends deepest sympathy to her brother Grigory GOBERNIK (Moscow),
cousin Ester YARHO (Kfar Tavor), cousin Ester YARHO (Haifa) and the entire family

It is with great sadness that we share the passing of
our dear husband, father and father-in-law

Alec MOUSTAFINE

Born in Harbin, China on 22 April 1929

Passed away on 13 February 2016 in Sydney, Australia after a long illness.

He remains forever in our hearts
May he rest in peace

Inna MOUSTAFINE (nee Zaretsky)
Mara MOUSTAFINE and Andrew JAKUBOWICZ

We deeply mourn the passing of our relative and dear friend

Alec MOUSTAFINE

and extend our heartfelt condolences to INNA, MARA and ANDREW

Cecilia and Leonid LYUBMAN and family
Stella and Yakov LEVINSKY and family

We are deeply saddened by the passing of

Alec MOUSTAFINE

and extend our heartfelt condolences to INNA, MARA and ANDREW

Rita and Naum ONIKUL with family
Ronia ONIKUL
Bob and Michelle ONIKUL and family
Ella and Rob LINDEMAN and family

We are deeply saddened by the passing of our very dear friend

Alec MOUSTAFINE

and extend our heartfelt condolences to INNA, MARA and ANDREW

Lika KAGANER and Zelda FRIEDMAN

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of

Alec MOUSTAFINE

and extends sincere condolences to his wife INNA,
Mara MOUSTAFINE and Andrew JAKUBOWICZ

DEATH

With deep sorrow we announce the passing of

Enta SHERELL DE FLORANCE

On Friday, 26th February 2016

Devoted wife of LEO ז"ל

Beloved sister of DAVID LEVITAN, BORIS ז"ל, ISIDOR ז"ל, BEBA ז"ל

Adored mother of ELLEN, JUDY and ANNABEL

Respected mother-in-law of HAROLD and PETER

Cherished grandmother of

AVI, ILANA, LAUREN, AMELIA, LAURENCE, JAMES and EDWARD

Much loved great-grandmother of WILLOW, ISABELLA, LIEF, MARLON,

KOBI, RAFAEL, LEVEN, BRONTE and GEMMA

Forever loved and always remembered

We are deeply saddened by the passing of our beloved

Enta SHERELL DE FLORANCE

and extend our heartfelt condolences to the entire family
May her gentle soul rest in peace

Lika KAGANER and Zelda FRIEDMAN

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of our member of many years

Enta SHERELL DE FLORANSE

and extends heartfelt sympathy to her entire family

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
mourns the passing of

Hanna BENSADOUN (Selma KIEWE)

in California, USA,

and extends deepest sympathy to her daughter SANDRA and family

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN

share with RONNY, AYMAN and the entire RAHAMIM family
in their great loss – the death of their father

DANIEL דניאל

It is with great sorrow I announce the passing of my dear mother

Ester VEINERMAN (nee Shmulevsky)

on November the 4th, 2015 in Haifa
May she rest in peace

Ran (Ronny) VEINERMAN

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
deeply mourns the passing of

Ester VEINERMAN

and extends sincere condolences to her son RAN (RONNY) and family

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
mourns the passing of

Bella CHERNOMORSKY (nee Vainer)

and extends heartfelt condolences to her family

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
mourns the passing of

Luba KATZ

and extends heartfelt sympathy to her husband YAKOV and family

We are very sad to announce our precious daughter

JUDY

left us on April 28, 2016

Flori Cohen and the late Isaiah Meyer Cohen of Shanghai, China

Sister: Elizabeth Sharon & Motti Talmor and family

Brothers: David & Jenny Cohen and family

Yoel & Michal Cohen and family

Husband: Danny Lahav

Children: Maayan & Yohai Telsch and grandchildren Mika and Yahli

Tal & Shiran Lahav and grandchildren Noam and Omer

Tom & Li Lahav

The BOARD of DIRECTORS and MEMBERS of IGUD YOTZEI SIN,
the BOARD and MEMBERS of the ISRAEL-CHINA FRIENDSHIP SOCIETY
and the EDITORIAL BOARD of the IYS BULLETIN
deeply mourn the passing of

Judy LAHAV

and extend deepest condolences to our dear friend and member of the
Boards, Judy's mother Flori COHEN and the entire family

Flori, dear,
please accept my sincerest condolences
on the very untimely and tragic passing of your beloved daughter

JUDY

All my love, RASHA

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
mourns the passing of

Itzhak Haim ELBAUM

and extends sincere condolences to his brother KOPEL and family

The BOARD of DIRECTORS of IGUD YOTZEI SIN
mourns the passing of

Aviva BEN-YACOV

and extends sincere condolences to her husband Moshe BEN-YACOV

New Wave in Jewish Migration to China Since the Reform and Opening-up

By Panguan, Wang Jian, Wang Shuming,

Translated and adapted to English Tiberiu Weisz

China opened her doors to the world after the Reforms and Opening-up. Chinese society underwent previously unheard changes that gradually influenced the political and economic landscape of the world. The economic development of the Reform and the Opening-up movement focused the eyes of the world on China for future opportunities. The Jews, as the world most internationalized people, have also been watching intensely China's peaceful development and opportunities. In Nov. 2004 Prof. Yaode Lomen of "The Jewish Policy Institute" said in his report *China and the Jews: Old Cultures in Modern Times* that the world Jewry is paying close attention to China's peaceful development. The report pointed out China's development could have an impact on Jewish interests in the future and Jewish policy makers must have a Jewish policy towards China. Apart from these broad policies and economic recognition of the Chinese market, the Jews came to China from all over the world and they had extensively and deeply influenced the development of the Eastern Seaboard of China. More and more Jews live in various places in China, and new Jewish communities are being developed and established in the Eastern Seaboard.

1. Jewish life in early China

Since the 1970's, Jews came to China in three waves: The first wave was in the 1980's. The opening of China attracted some Jewish merchants and travelers, but there were not many long time residents, very few

workers and even less long-term investors. The second wave was in the 1990's. With the establishment of diplomatic relations between China and Israel and the exchange of diplomats in 1992, entrepreneurs and scholars came to China. The number of Israelis who came to China increased steadily compared to the Jews from other places. A new period had started and the number of Jews in China increased rapidly. This was the beginning of the third wave. Two reasons: one was the rapid development of China, and, both countries joined the World Trade Organization. The other reason was that after 9/11 international terrorism was rampant. Obviously, many countries in the world were unsafe, and in contrast, China was safe and prospered. With this wave, the Jewish population of Shanghai increased faster than in Beijing or other places.

Available material about the Jews living in China is very limited and statistics is extremely difficult to gather. Apart from those Jews coming from Israel, Jews from other countries are affiliated with their country and they come not as Jews. The experiences and lessons the Jews have learned from living in different places, is that they do not want to be neither discriminated, nor rejected or singled out as Jews. Therefore the Jews in China are sensitive and resist being the target of a survey about their activities. The original [material for] this survey comes from reports and interviews from leaders of Jewish communities and the Israeli Consulate.

Analyzing the material mentioned, initially, the Jews concentrated in

economic and developing cities in the Eastern Seaboard of China. There were about 8000-9000 people and those who worked in China stayed for longer period of time. Their distribution is as follows: Hong Kong 5000-6000 people, in addition to the 3000-3500 people in Jewish communities (or put it differently 600 households). Shanghai: in 1998 there were 200 Jews, and in 2002 it increased to 500; 1000 in 2005 and to 1500 in 2006. Shenzhen (Guanzhou) there are about 1000 Jews. In Beijing, in 1998 there were 200 Jews (Mostly from the US) in 2005 it increased to 1000 (mostly from the US, Israel, Azerbaijan, Russia and from Europe). In the cities of Taipei and Gaoxiung in Taiwan there were 150 Jews (50 households). In addition, there were Jewish merchants who lived in other Eastern Seaboard cities, like Tianjin, Dalian, Qingdao, Suzhou, Nanjing, Kangzhou, Fuzhou, Xiamen. Currently, the number of Jews has been increasing steadily in each place. According to the Shanghai community director Mao Duansi, four Jewish families come to Shanghai every week. Most of them come from the US and Israel, fewer from Europe, Australia and Canada. According to our information from the Shanghai Jewish registry, there are also Jews from South Africa, Mexico and Turkey. Among these Jews some are with dual citizenship, like US-Israel, France, Israel, and England Israel. As far as visitors, service people or exchange programs and others who come for shorter period of time, the number of Jews is hard to estimate. Like in Beijing there

are 20000-30000 Jewish visitors or businessmen. According to the Jewish Community Center of Shanghai and some travel agencies, the number of tourists and short-term visitors has reached 50000 a year.

The Jews come to China today for three reasons: Trade, work and study. They come mainly for trade and for economic reasons to Shenzhen and Guangzhou. Since Shenzhen and Guangzhou are not political and cultural centers in China, Jews travel between Hong Kong and Shenzhen and Guangzhou. In contrast, the number of scholars, foreign students is higher in Beijing because there is a high concentration of embassies and higher education schools. Shanghai is positioned in between, more traders than in Beijing but less than in Shenzhen and Guangzhou. But there are less diplomats, scholars and foreign students [in Shanghai] than in Beijing but more than in Shenzhen and Guangzhou.

2. Jews and Jewish communities in Today Shanghai, Beijing etc..

Traditionally, Jews are scattered all over the world but they congregate naturally in communities where they are able to practice their religion, culture, education and live together.

The world Jewry can be divided into Orthodox, Conservative and Reform movements and within each movement there are smaller religious branches. As was earlier mentioned, the Jews left China after 1945, their number decreased gradually and by 1966 and 1967, the Jewish communities of Harbin and Shanghai had dispersed. Mainland China had no Jewish community left. But after the 1990's more and more Jews came to live in China and they established new communities in Shanghai, Beijing, Shenzhen, Guangzhou etc. Because of the lack of anti-Semitism in China these communities mutually benefited

from the Chinese friendship and the government. Consequently their presence expanded rapidly.

The B'nai Yisrael in Shanghai was established in 1998 with about 200 members from 15 countries. Set up at Beijing Street #1277 19th floor. Chairman was Elan Oved, President Albert Sassoon, Vice President Jonathan Eisenberg and Seth Kaplan. In Aug. of that year, Rabbi Shalom Greenberg and his wife Dina came to Shanghai. The residing Rabbi became the spiritual leader of the community. In 2002 the Center moved to Hong Qiao street # 1720 with beautiful garden. The Chairman was a French businessman Maurice Ohana and its member were over 500. Recently the community set up a new activity center at Pudong Street #1168 lead by Avraham Greenberg and his wife Nechamie. Most of the members are from the Pudong area. Besides offering "kosher" food, and servicing the Jews at holidays, the center also serves as a companion to the Israeli Embassy.

The Kehillat Beijing was established in 1995 in Xinyuan Nanli #6 and belonged to the Reform/ Reconstructionist Judaism movement of "The United Community of Advancement of Judaism in the World". Earlier, in the 1980's, some Jews congregated regularly in addition to the holidays and Elyse Silverberg and Roberta Lipson established a community where they become the leaders. Silverberg was an exchange student in 1979 in Beijing then she married to a Chinese businessman and they opened their medical instrument business and home based hospital. It can be said that she connected with China and became the leader of a stable community. She said: "We live in a strange place and keep busy during the week but want to integrate/interact with the surrounding environment. Consequently we feel that there is

a strong need to unite with Jews for Shabbath and Yom Kippur/holidays She establish the community, with a Jewish temple, but she could not offer "kosher" food though she offered formal religious (services) and education. Since she had a close relation with the Hong Kong United Community, she often received support from them. The community used the Reconstructionist prayer books. According to the 1998 records, [the community] consisted of about 200 members, mostly came from the US and were of different denominations. It is estimated that its members have not exceeded this number.

In August 2001 the Lubavitch Rabbi Shimon Freunlich and his wife arrived and they transformed the structure of the community. Shimon and his wife came from the Lubavitch center in Hong Kong and they brought with them the overburdened Lubavitch rules. They strictly observed the kashrut [dietary laws] and they invited orthodox ritual slaughterer [shochet] from Australia and other places, who went to Inner Mongolia to slaughtered animals and birds to serve kosher meat in Beijing and Shanghai. He also instituted the observance of Shabbat , the holidays and offered educational services in Beijing.

The Jewish Communities of Shenzhen and Guangzhou are branches of the Hong Kong Community center. The Guangzhou center was established in 2003 during the spread of SARS and it was led by Rabbi Eli Rozenberg. The Shenzhen Community center was established in 2006 in Luohu district led by Sholem Chazan and his wife Henny. These two centers served mostly in the economic zone of Zhu Sanjiao and catered to Jewish travelers.

The relationship between the Lubavitch and the non-orthodox community in Beijing is precarious. On the one hand, they had

celebrated the most important Jewish holidays together, they set up early education centers together, and in 2003 they even talked about establishing a community center together. Rabbi Freunlich had also stated that he did not come to Beijing to replace the independence of the Jewish community, but rather to complement it. On the other hand, each side had maintained their differences and competitiveness, such as the issue of equal status of women in the community. The Jewish New Year holidays of 2003 divided the celebration among three events: The non orthodox event was attended by about 100 people, the Lubavitch was attended by about 150 people, and about 130 Israelis attended the evening celebration at the Israeli Embassy. Lipson, the leader of the non-orthodox community said "even if both branches would celebrate the most important holidays together just for the sake of the Beijing Jewish community, the parties disagree on faith and [religious] practice."

In Shanghai, Guangzhou and Shenzhen the leaders and rabbis belong to the orthodox Lubavitch branch so there is no similar conflict to the one in Beijing. Nevertheless, there are many non-orthodox Jews who do not like the nit pickiness of the Lubavitch and they do not attend their services, instead they go their own ways or they attend the services at cultural centers but do not attend religious services.

3 The Jewish Communities of Hong Kong and Taiwan

Under the leadership of Deng Xiaoping, China walked on the road to reform and opening up. The Jews of Hong Kong were delighted and encouraged, they positively supported and participated in the tide that swept China's reform and Opening-up. In 1978, Lawrence Khadoorie visited China after a long 30 year of absence. After he returned he wrote: "I can gladly say that the

relationship between the Chinese government and us is very good. They know that we are generous by nature for our small producing country. We are not resentful for the troubles and political issues, it made us realize that : in order to make the world better, we must go an extra step. He added excitedly: Following the leads of the Four Modernizations, Hong Kong has already embraced the changes more than ever before. In 1985 he met with Deng Xiaoping on his visit to China. He is inseparable from the establishment of the Great Asia TV station.

At the same time, the Jews of Hong Kong advanced the relationship between China and the West, recommended that China and Israel should benefit from the establishing diplomatic relations. Before the establishment of diplomatic relations, Hong Kong served as the go-between between Israel and China trade that had reached almost 1 billion dollar annually. Very instrumental to the Israel China trade was Shaul Eisenberg, a refugee from Germany who came to Shanghai, and later became an official and wealthy industrialist.

In January 1992 Israel and China celebrated the fortune of 14 years of diplomatic relations for which the Hong Kong Jews had taken credit. Most of the Jews in Hong Kong today are those who came to China in the early 1980's to participate in the reform and opening up. According to the 1989 data on foreigners, 63.8% of the Jewish population in Hong Kong had lived there for 10 years (include 10 years) and only 14.1% lived there for 20 years (included 20 years). Another statistics from the same year showed that over 70% of the Jews were Ashkenazim, which meant the Sepharadi Jewish population had declined significantly. Even the religious liturgy and rituals at Ohel Leah synagogue adopted the

Ashkenazi tradition to reflect the changing membership.

After 1978 the Hong Kong Jewish community developed quickly and benefited from the reforms and opening up of China, and from the improved relations with the West and Israel. The community fortunes were tied to the development of China.

In the 1990's the Hong Kong Jewish community started a new plan of development, including renovation of the Ohel Leah synagogue, the building of a new cultural center, expanding and building new schools and entertainment facilities. After a complete facelift, of Ohel Leah , the synagogue looks like new and she is celebrating her 100 year birthday.

Just in time, on the eve of 1997 Hong Kong returned to China.

The new Jewish community center was officially open, the building renovated complete with Chinese décor. It was a place where the Jews kept their tradition. Inside there is a richly decorated library. Dennis Leventhal, the Hong Kong Jewish historian thinks that: "The mutual concern of the formal return of Hong Kong to the Peoples' Republic of China in 1997, obviously shows that the Hong Kong Jews have faith in the future, and they believe that China will preserve the freedom of religion. After the return of Hong Kong to China on July 1, 1997, Jewish community prospered within the borders of the People's Republic of China. In his book China and the Jews published in 1999, Leventhal commented: "Today the Jewish community feels optimistic about the future, its membership has increased, and they rely on their natural ability to adapt. The community has expanded more than at any other time in the history of Hong Kong".

Talking about religion, the Jews of Hong Kong belong to one of the [four] congregations:

orthodox, conservative, the largest congregation is reform and a formal multi faith Jewish community. Since Jacob Sassoon financed the renovation of Ohel Leah synagogue in 1901, [the synagogue] is still the oldest moderate orthodox community center. Rabbi Yaakov Kermaier is the long-term spiritual leader. According to several year old statistics, Ohel Leah has a membership of 256 households (about 600 people).

Because [Ohel Leah] is Orthodox, the Conservatives and Reform Jews established the United Jewish Congregation of Hong Kong in 1990. They publish the Shofar [magazine], the influence of which is rising in Hong Kong. Michael Schwartz serves as Rabbi of Hong Kong largest Jewish community organization with 320 households. The organization is under the umbrella of The World United Jewish Congregation for the Advancement of Judaism (part of the Reform Branch), caters mostly to the Reform Jews, Independent, Conservatives and any other non conventional Jewish households and individual members. Its members come mostly from North America. The majority are business people, reporters, teachers, scholars etc. includes a wide range of households. This warmhearted and philanthropic community established the Tikkun Olam Committee in October 2000 to enhance the charitable activities in Hong Kong.

Besides these two large denominations, there are three orthodox organizations, the most popular one is the Lubavitch established in 1987 and has 105 households. Mordechai Avtzon and his wife came to Hong Kong in 1987 and established the first Lubavitch center. Initially it started at Hua Yuan Street #51, and then moved to Macdonnel #7-9. Within a few years he set up other smaller branches but there were not much

activities. Among their activities, they offered daily minyan, children and adult education, daily holiday services, and counseling services. To maintain the daily services, they hired traveling rabbis in Asia, to help them to support [themselves]. In 2006 he set up another new branch in Jiulong.

Another orthodox community is the Shuva Israel, which the Isreali Darwish household established in 1991 in the Sepharadi synagogue of Hong Kong. It caters mostly to Sepharadi businessmen, travelers. The center has a good library.

Then there is another denomination established by a Syrian orthodox Jew, it has its own rabbi.

The above mentioned communities utilize community centers, with executive committees and caretakers and offer several services to its members and travelers such as Shabbath and holiday prayer services, Jewish education, Kosher food, entertainment, travel. Most of communities have their own library. Obviously, there are Jews in Hong Kong who do not participate in the religious activities and communities, and the above story does not include them. Some scholars estimate that the numbers [of independents] is between 2000-4000 people.

Generally speaking, there are 3000-3500 Jews in Hong Kong today, most of them belong to one of the five communities covered in this article. If we add the number of those who do not participate in these activities, the number of Jews in Hong Kong could reach 5000-6000 Jews.

The Jews of Hong Kong are mostly businessmen, teacher, lawyers, officials, diplomats, students, doctors and laymen. They come from 30 different countries, and speak over 15 languages. Among them Americans, (39%), British (27%), Israelis. Quite a lot are also coming from Canada, India, Australia, South Africa and other

English speaking countries.

It is worth mentioning that the Jewish communities of Hong Kong publish the monthly, Hong Kong Jewish Chronicle.

The Jewish Historical Society of Hong Kong was established in 1984. It has a positive impact on the study of the history of the Jewish communities in Hong Kong and China.

In summary, the quality of cultural life of Hong Kong Jews is high; they are relatively prosperous and made significant contribution to Hong Kong. It is believed that as China continues with the reforms and opening up policies, the Jews of Hong Kong will flourish and they will have an even more positive impact on the future development of Hong Kong.

Taiwan also has a small Jewish community, established in the 1950's. Initially, they were European businessmen, and US and then US soldiers and their descendants stationed in Taiwan. The community was registered as a non-profit organization in 1975. Recently, since Israel set up a trading office in Taiwan, more and more Israelis go to Taiwan for business or to study Chinese. Most of them live around Taibei and there are about 50 households, or about 200 people who attend community events. Most of these people came to Taiwan in the mid 1970's as businessmen and with multinational companies. In addition there are a few scholars, students and diplomats. The leader of the community is rabbi E. F. Eihorn, an orthodox Jew, the chairman is Don Shapiro a graduate of Columbia University in New York and an American Jewish businessman.

4. Economic Activity of the Jews in China

China opened her doors to the world with rapid development and globalization that included opportunities for Jews in the world.

The more China developed, the more she became inseparable from the world. More and more Jews saw the development and changes in China positively and they were successful in China.

Anlie Enterprise is a model of a small enterprise in China that expanded successfully and became big. The company started officially in 1995 and by 1997 its business volume grew to 15 billion Renminbi. After 1998 and the reorganization in 2005, Anlie's business in China reached 175 billion Renminbi. In 2003 it had the businesses volumes equal of both US and Japan to become number one in the world. Her name recognition and revenues increased rapidly and became a respected business in China. Anlie Co. had positively helped China enter word markets. Besides Anlie, [other] companies like Morgan Stanely and Lehman Brothers have expanded in China and they have very strong Jewish presence. Former World Bank Chairman, the Canadian Jew Edgar Bronfman had visited China several times [where he] set up a beverage company in Shanghai. M. an American President of an international company not only invested in China he is also the Chairman of the Advisory Board of the city of Shanghai. He had many good ideas about opening up.

A few Jewish industrialists who previously lived in Shanghai took advantage of the opening up of China and came here to invest and trade. They "pulled strings and built bridges" to expand the culture of international trade in China, and they also hastened the attractiveness of China modernization. For example, Albert Sassoon of the Sassoon family who was Chairman of the Jewish Community comes to invest in China.

Jews have also established the diamond industry in China. Eisenberg was part of the Putong diamond stock exchange that he

was up in 2001. After the reform and opening up, he built a plastic factory Shanghai. The Khadoorie family built the electric industry. They contributed to the building of the Great Asia nuclear plant and were praised by Prime Minister Li Peng for "reclaiming [conserving] land in Hong Kong." Michael Khadoori also visited Shanghai many times and opened an office there and prepared further plans.

The case of Maurice, Chairman of the Jewish Community of Shanghai clarified this issue. He was born in France, he dealt in the textile industry and established joint ventures with Chinese companies. Once he saw the Chinese economic landscape, he moved to Shanghai with his family, bought a 5000 square meter office space in Jiangsu Beilu and founded the Longfield Trading Company. His business flourished. He introduced the transit trade to the Jews of Shanghai. His business volume reached 20-30 million US Dollars.

Other smaller ventures are in the electric, high tech and rental property. Business ventures in consulting, law and medicine operate on a smaller scale. Like the Jewish Medical Association has an exchange program with the Duanjin Hospital in Shanghai. Individual Jews are also scattered in the city but it is difficult to paint a picture of their economic condition

Comparatively speaking, it easier to trace the investments and manufacturing conditions of Israeli companies in China than those of individuals. Perhaps that is reflective of the growing influence and conditions of Jewish economic activity in today's China.

Before the establishment of diplomatic relations, Israel and China had successfully cooperated in military, economic and transfer of technology. After the establishment of relations in 1992, Israeli enterprises and individuals

introduced the diamond industry to China. China's entrance into the World Trade Organization and rapid development made the Chinese market hot.

Israel and China mutually complement each other. Israel's advanced technology and management are highly respected in China. Branches of Israeli enterprises in China mostly reflect their distinct technology and dominant position. Irrigation, breeding and greenhouse [technology] have already occupied a dominant position in China. Now Israel has opened agricultural product stores in desert areas of Beijing and Xinjinag with a variety of flower seeds and plants, milking and agricultural products. Hot house [methods], breeding techniques, fertilizers and plantation are wide spread in China. There are also plans to cooperate with the Moshav agriculture.

Israeli IT, medical instruments and diamonds companies have penetrated the China market with considerable equity. IT products are the most competitive products internationally and Israeli export to China have practically build "half of Jianghan.." The fast growth of the China market is very important to Israel. Witness to this amazing growth is Ilan Manor, the Israeli Consul General to China who said that "Israel cannot ignore the China market, she cannot afford to lose it either".

Israeli enterprises like Scitex Vision and Check Points are well known in China. There have been research conferences, cooperative negotiations between China and Israel about IT products with the aim to attract other important Israeli businesses to join. Zim Integrated Shipping Services LTD has an important status in China. Formerly known as Zim Israel Navigation Co. LTD, it has established a branch in China 1995. Zim Israel Navigation Co. LTD started to ship Chinese containers in the Far East,

and with the increase in Chinese containers business; the company gradually became one of the most important shipping companies in the world. It developed close to one hundred maritime lines. In addition the scope of its business has constantly expanded and extended to storage, wharf/dock, transport of goods, and air-freight. It changed its name to Consolidated Transportation Corporation. In 2001 it established a sibling shipping company headquartered in Shanghai with branches in many other cities. She represents the main air transportation of Israel in China with two flights a week to Israel and Europe. In April 2006 she bought a 25% stake in the Ningpo Aviation Company for 2 billion Renminbi. Recently investing in risk management [brokerage houses] has been on the rise. The entire Chinese market does not surpass the Israeli [market] of risk management. Lately Israeli brokerage houses have attracted the attention of China. In September 2002, the CEO of Giza brokerage firm, Zee Holzman visited Shanghai. The year 2004 became China's "risk investment year". In April, Shenzhen hosted a "risk investment forum" that was attended by many US and Israeli brokerage houses. Then in May-June, representatives of Infinity, Gillete, Yangfeng, PNV etc. brokerage houses visited their partners the Shanghai Development Corporation. In June, Israeli brokerage houses held a conference in Shanghai attended by high Israeli level investment managers. They further promoted the penetration of Israeli risk investment into China. The Shanghai Development Corporation hosted the "US- China high tech and risk management" [conference], attended by 29 US representatives among them were 19 well-known brokerage houses. Among these experts there were many Jews. By the end of the

year, the Israeli risk management firm Infinity and the Chinese firm IDB had established the first risk management firm in China. The establishment of the Israeli- Chinese investment firm assisted small and middle size Chinese businesses. On January 5, 2006, the Chinese and Israeli CHF Corporation had established the first joint venture risk management firm- The Chenelong Development Corporation. Each invested 1 Billion US dollars to help develop new organic drugs.

In addition there are some young Jews who find the China market attractive. They look at China as an opportunity especially for those who lost their jobs of simply cannot climb any higher in Israel. Avrum Ehrich, PHD, an Israeli who worked for Bar Ilan University, came to China in 2004 to look for a teaching job. He was eventually hired as professor by the Religious Department at the Shandong University. Professor Ben Cannan of the Hei Longjinag University became the only permanent resident in Harbing after the reform and opening-up.

Moreover, changes occurred in the profession of Jews who came to China. Initially they were businessmen, now they are more and more managing departments and middle level managers. Like former Israeli foreign service officer in charge of foreign studies. Arie Schreier, moved to China with his wife and works for a private foreign brokerage firm. Or like Lanzeji (?), a graduate of Tel Aviv University, East Asian Studies. After graduating he came to Shanghai and works for a law firm. As a result of the expansion of the service industry in China, there are quite a few Jews experienced in foreign affairs who look for opportunities in China.

To return to the survey of Jews in Shanghai, we discovered that most of them are "satisfied" or "very satisfied " with their work in

Shanghai. Only one item [on the survey] was marked as "partial". The economic activity of Jews in China has raised a few acute problems: like engaging in widespread illegal and profiteering marketing activities. Like, Anli Corporation operated a large scale marketing scheme that the government ordered closed down. But on the other hand, the lack of intellectual property protection in China is an important obstacle to the exchange and cooperation with foreign technology and talent.

5. The Development of Jewish Education in China

Previously the Jews in China maintained their Jewish tradition and culture and strengthened their Jewish identity. In addition to observing Shabbat and other Jewish Holidays, obviously education was the most important issue.

The Jews of Hong Kong, Shanghai and Beijing heavily emphasized education. On the one hand they organized activities within the community, like organized traditional and culture activities, including Hebrew lessons. For example in Beijing they set up Ahavat Yizchak Sunday School for children age 5-12. Every weekend they went to Hebrew Language classes and every Wednesday the Rabbi taught an advanced religion class for adults for an hour starting at 8 PM. In addition they had Bar and Bat Mitzvah classes for children and a one on one session on Judaism. The Shanghai community curriculum had a list of topics such as: A Cup of Torah for Women Studies, The Role of Women in Contemporary Society- they met once a week in the evening at Xingbake coffeehouse, organized Lunch Learn Study Group met every Tuesday between 12:15-1 PM at Shanghai Dongfang Community Center. In Tanya classes they studied the literature of the orthodox tradition; Hebrew lessons for children ages 2-10, and

the most important topic in adult education was Jewish philosophy and mysticism.

In Hong Kong each community had their own curriculum. The conservative and reform movement organized Shabbath, and Torah studies and established the religious school (Shorashim) for early education to middle school children and special Jewish education classes to other age children. They also operated an adult Torah and Hebrew lessons including Torah for women. In Taibei [Taiwan] the Jewish community operates a Hebrew class mostly for children.

As was mentioned above, in the 1920'2 of the 20th century, Shanghai, Tianjin and other places operated Jewish schools to foster the talent in the Jewish community. In recent years, the Jews in China had also operated new all day Jewish schools.

In 1991, The Ohel Leah synagogue in Hong Kong had established the Carmel School, the first Jewish school in East Asia. Initially, it was for early education and later it expanded to classes for Middle School students. The school had 70 students in 1994 and now it had expanded to 250 students. The school offered courses at international standards and Jewish education. The most important courses were of Jewish studies and acculturation. The curriculum leaned towards contemporary Orthodox Judaism. The school had a very energetic principal, a teacher union and scholarship and operating funds.

The Shanghai community established the Shanghai International Jewish School. It comprised of the Kid Zone (3-5 years old), Youth Club (6-9 years old), Club Ed (10-13 years old), and Teen Club (14-16 years old). These four age groups had different curriculum. The school had their own libraries with book collections

on Religion, Jewish history and literature.

The Beijing community had also established its own school; It was an international school for early education to elementary school serving the entire Jewish population of Beijing and unique Jewish school in Northern China. The curriculum included: Mommy & Me for 1 year olds and met once a week the children with their the mothers; Nursery for 3 year olds, met every day from Sunday to Thursday afternoon; The all-day Kindergarten for 3-6 year old, Lower Elementary for 1-3 grades and Upper Elementary for 4-5 grades.

6. Jewish views and impression of China

Many Westerns come to China with a preconceived notions and opinions often-demonizing China, causing the readers to form negative impressions of China. But one picture is worth one thousand words: Jews who come to China see the changes in China with their own eyes and get a feeling of real China that are more objective and more positive. Then they can heatedly debate [about what they felt and received] [their experience] in China and they are full of praise and satisfaction. Actually China became a hot topic in Israel recently. Israeli parents wanted their children to study French, and German as foreign language, now more and more parents let their children learn Chinese. Some American Jews often change their perception of China after they come to China. One American in our survey who had lived in China for 15 years pointed out that China is changing daily. A female librarian with a tour a group of librarians visited Shanghai in 2006 was asked by a reporter about her feeling of this visit. She said: What she had seen and heard in China are completely different from her previous information.

Or, as the author Robert Lawrence

Kuhn's: " The Man who Changed China: The life and Legacy of Jiang Zemin" expressed: China is a nation that underwent enormous changes and "enjoy previously unknown freedom". She [China] was unfairly treated and now her economy is growing rapidly, she has started to conform to international rules and conventions. He [Kuhn] is eyewitness to China's development and is deeply concerned about her long-term prospects. He [Kuhn] is an American Jew who is confident in his friendship with China. He is also a famous International investment banker and industrialist and in addition, a TV broadcaster. His view is that the brilliant success of the Chinese economy is the second change. The first change, and the most important one is the [open] spirit and the mind of the Chinese people- their opinions and views, and their faith in their country and people. They are marching towards the world stage expressing that kind of enthusiasm, in addition to their individual freedom.

Many Jews who come to China have a keen interest in Chinese culture. They hope to retain/ preserve their own tradition and culture and at the same time make efforts to understand and enjoy the Chinese culture, make friends with Chinese people and be [live] in mutual harmony. Many people make an effort to study Chinese, like the wife of Rabbi Freulich who is fluent in Chinese, while the Rabbi's Chinese is fairly proper. In Shanghai Maurice two daughters enrolled in Fudan University to study Chinese and his wife has a keen interest in Chinese culture. She is studying the tea ceremony, Chinese medicine and massage. Maurice is interested in Sizhuan vegetable dishes, and he likes spring rolls, dumplings.

From the answers to our survey, we have also learned that the Jews have special affection towards the Great Wall and other famous Chinese

historical sites. Some over 100 orthodox Jews in Beijing celebrated Shabbath at the Great Wall. In the Shanghai survey about ¾ of the respondents indicated they have a good Chinese friend and some have married Chinese wife. Most [surveyed] indicated that they like the rich variety of Chinese foods. Their impression of China is largely positive. When asked to enumerate 5-6 impressions, the most common words were: "friendly", "safe" "old culture" "change" etc. The safe conditions in Shanghai and other cities received good criticism. But the answers [in the survey] highlighted some problems that need to be resolved in the large cities in China. Foremost is pollution (including air and noise) next is transportation (including

drivers), during rainy days cars are unattainable, crowding and problems with city people (including spitting, not obeying traffic laws, dress, speaking loudly in public); Then there is a lack of appropriate/adequate entertainment places for foreigners, Medical insurance and medical care is difficult to obtain, not enough signs in English, beggars etc. In addition the Shanghai rabbi expressed his hope to hold regular religious services in the synagogue. He thinks that this will attract even more Jews to come to live in Shanghai.

About the authors: Pan Guang, Dean of CJSS; Wang Jian, Associate Dean of CJSS; Wang Shuming, Assistant Professor & Deputy Secretary-General of CJSS.

About the translation: I translated

this article with the Western reader in mind yet stayed as close to the original Chinese text as I dared. The Chinese text is written to the Chinese audiences not necessarily following the Western train of thought. I made some adaptations, eliminated some redundancies and tried keep the flavor of the original Chinese text. - Tiberiu Weisz

Background note: Two years after the death of Mao Zedong in 1976, China has initiated the Four Modernizations – Agriculture, Industry, National Defense and Science and Technology that evolved in what later they called Reform and Opening-up. This article was written by Chinese scholars and reflects their views].

Chinese-Jewish Solidarity during WWII

By Yang Zhiwang, Xinhua

"During the Second World War, the Chinese people were wonderful to us, I will never forget them! Never!" said Ruth Zimmermann, a Jewish refugee during the WWII, in a shaking voice. Zimmerman, 85, was visiting a painting exhibition, which opened Sunday in the International Convention Center in Jerusalem marking the history of Jews seeking shelter in Shanghai...

Zimmermann recalled that although Hongkou was then a poor section of the city, Chinese people, poor or rich, were all very nice to Jewish refugees, and that a Chinese gentleman whose surname was Wu assisted her family and her father a lot.

"Mr. Wu helped us - unbelievable! He (my father) got himself on to his feet because of Mr. Wu," she said. Zimmermann, who now lives in the northern Israeli city of Ramat Hasharon, wrote a book on Jewish

refugees in Shanghai five years ago when she was 80 years old.

Speaking at the opening ceremony, Jerusalem Mayor Nir Barkat said that he was deeply honored that the exhibition was being held in the heart of Jerusalem...Barkat hoped that the rest of the world can learn from the Chinese people, help people in their toughest times and together build a safer and better world.

In his speech, Councilor of the Chinese Embassy in Israel Lu Kun said both the Chinese people and Jewish people had experienced great suffering during the WWII and commemorating what happened 70 years ago reflected the common aspiration of the two peoples to seek a lasting peace.

The 16-day painting exhibition, titled "Love without Boundaries," is sponsored by the Shanghai Chinese-Jewish Cultural Foundation,

Shanghai Jewish Refugees Museum and the Jerusalem International Convention Center.

On display are 40 pieces of oil paintings, 20 pieces of traditional Chinese paintings and 10 photos, which illustrated how Jews fled to Shanghai during the Second World War as well as different scenes of their life in Shanghai.

Many of the paintings are created on the basis of true stories, with one dedicated on Dr. He Feng Shan, Chinese consul general in Vienna from 1938 to 1940, who risked his life to issue thousands of visas to Jewish refugees. Another painting, titled "Learning Painting in the Alley," is based on the story of Peter Max, a U.S. artist, who learned drawing from a Chinese girl in a small alley of Shanghai during his childhood.

**Points East – Sino Judaic Institute –
Sept 2015**

АССОЦИАЦИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ КИТАЯ В ИЗРАИЛЕ

основана в 1951 году

БЮЛЛЕТЕНЬ ИГУД ИОЦЕЙ СИН

М а й 2 0 1 6 ♦ 6 3 - й г о д и з д а н и я ♦ Н о . 4 1 4

ИГУД ИОЦЕЙ СИН - 65
1951 - 2016

СОДЕРЖАНИЕ

К землякам	3	Е.Терлецкий. Слаженный оркестр	
Т.Кауфман. Евреи Харбина в моем сердце	5	Поднебесной	30
В.Радущкий. Живописец, философ, человек	17	В Обществе дружбы Израиль-Китай	34
Н.Крук. Я пишу по-английски о русском Китае	24	Китайская опера	36
Хао Тан. Китай «позеленел»	26	Почтовый ящик 13139	38
Б.Френд Левайн. Какое мороженое вы предпочитаете	27	Ушедшие	41
М.Ринский. Ханукальная встреча земляков	28	Д.Шехтер. Чудесное спасение евреев Шанхая	46

Старейший в Израиле журнал на русском языке
1-й номер «Бюллетеня ИИС» вышел в свет 6 мая 1954 г.

1

И
Г
У
Д

Й
О
Ц
Е
Й

С
И
Н

Руководство Игуд Иоцей Син в Израиле

Почетные представители ИИС в диаспоре

ИГУД ИОЦЕЙ СИН

Председатели ИИС со дня основания:

Лев Пястунович (1951–1952)
Борис Коц (1953–1971)
Тедди Кауфман (1972–2012)

Правление ИИС (с 2012):

Иоси Клейн – председатель ИИС
и казначей
Ран Вейнерман – зам.председателя
Тедди Пястунович – вице-председатель

Члены правления ИИС:

Эстер Вандель
Эти Гинански
Бернард Дарэль
Эфи Эйтам
Раша Кауфман
Флори Коэн
Ави Подольский
Рафи Рашинский
Юдит Сандел
Авраам Фрадкин

Контрольная комиссия:

Моше Лихоманов

Почетный юрисконсульт:

адвокат Дэниел Фридман

Почетные представители ИИС:

Эстер Вандель –
в Хайфе и на севере
Ави Подольский –
в Иерусалиме и на юге

The AMERICAN FAR
EASTERN SOCIETY,
New York, USA

Board of Directors:

Lily Klebanoff-Blake – President
Eric Hasser – Vice-president
Luba Tuck – Vice-president
Joseph Wainer – Vice-president
Rose Britanisky-Peiser – Treasurer
Leona Shluger-Forman – Secretary
Sally Berman
Lilly Langotsky
Robert Materman
Odette Rector-Petersen

Address:

The American Far Eastern
Society, Inc.

Lilly Langotsky
160 West 66th Str. # 55B
New York, NY 10023, USA

Hon. Representative

Rose Peiser
7400 SW 170, Terrace
Miami, Florida 33157, USA
E-mail: rpeiser@aol.com

The FAR EASTERN SOCIETY
of SAN FRANCISCO, USA

Board of Directors:

Isai Kaufman – President

Mrs. A. Korchemsky – VP
Mrs. V.Loewer – Second VP
Mrs. V.Loewer – Honorary secretary
Mrs. N.Juelich – Honorary treasurer
Mrs. O.Kaufman – Director
Mr. L.Ostroff – Director
Mrs. B.Berkovitch
Mrs. R.Ionis

SYDNEY, AUSTRALIA

Hon. Representatives

Jesse and Naomi Tracton
2 Oaks Place
North Bondi 2006, Australia
Tel. 61-2-91302575

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL Association of the former residents of China

31, Habarzel Str., Tel Aviv

Address: P.O.Box 13139

Tel Aviv, 6113101, ISRAEL

Tel.: 972-3-5171997 Fax. 972-3-5161631

E-Mail: igud-sin@013.net www.jewsofchina.org

РЕДАКЦИОННЫЙ КОЛЛЕКТИВ:

Т.Кауфман (редактор) И.Клейн, Ц.Любман, И.Бакшеева

Дорогие друзья-земляки!

Рады сообщить вам, что после длительного перерыва мы вновь возвращаемся к нашей работе и выпускаем очередной номер журнала «Бюллетень ИИС».

Последние несколько лет для Игуд Иоцей Син оказались самыми трудными за все время существования нашей ассоциации, основанной в 1951 году нашими отцами, которые приехали из Китая в только что созданное Государство Израиль.

В 2011 году тяжело заболела Ася Коган, главная благотворительница, спонсор основных направлений деятельности Игуд Иоцей Син в течение многих лет. Спустя два года, в 2013-ом, так и не преодолев свой недуг, Ася Коган ушла из жизни. В июле 2012 года скоропостижно скончался Тедди Кауфман, человек-легенда, председатель ИИС, сорок лет бесценно возглавлявший нашу ассоциацию. Два таких несчастья, постигших ИИС одно за другим, явились сильнейшим ударом для всех и поставили под угрозу существование ассоциации.

Помимо того, что мы лишились финансовой поддержки Аси Коган, число благотворителей снизилось естественным путем, а молодое поколение не проявляет интереса к нашему сообществу. Сложившиеся обстоятельства заставили нас бороться за выживание, за возможность продолжать общественную деятельность, иными словами, за спасение Игуд Иоцей Син.

Наши многочисленные обращения к выходцам из Китая частично компенсировали потери, а средства, которые мы получали в течение последних четырех лет, позволяли продолжать нашу работу, но при этом потребовалось сократить расходы на выпуск журнала путем уменьшения количества страниц и объединения трех секций на

английском, русском и иврите под одной обложкой. Тем не менее, год назад, после праздника Песах в 2015 году, мы были вынуждены приостановить выпуск «Бюллетеня». Пришлось пересмотреть количество и размер стипендий (в рамках первой академической степени), а также сократить ежемесячные пособия для нуждающихся и фонд заработной платы, которые и без того всегда в ИИС были минимальными. Трудно переоценить важность сохранения Игуд Иоцей Син как связующего звена между выходцами из Китая в Израиле и проживающими в других странах. Игуд Иоцей Син выполняет важную роль информационного центра, где собраны данные о прошлом еврейства в Китае и о наших земляках. Земляческие связи поддерживаются через журнал «Бюллетень», который выходит два раза в год (кроме прошлого года, когда вышел лишь один номер), а также через сайт ассоциации в интернете. Очень важное значение имеют ежегодные встречи на Хануку и вручение стипендий студентам, желающим получить академическое образование в израильских университетах и колледжах.

Когда в прошлом году остро встал вопрос, сохранить ли нашу ассоциацию или закрыть ее, мы выбрали первое – сохранить, потому что она попрежнему нужна всем нам. Было совершенно очевидно, что осуществить этот вариант можно только путем продажи помещения офиса на улице Грузенберга в Тель-Авиве. Сделка состоялась в декабре 2015 года, согласно оценке стоимости имущества сертифицированным оценщиком и профессиональными посредниками, и сопровождалась квалифицированными юридическими консультациями.

В феврале 2016 года мы пере-

ехали в арендуемое служебное помещение, уютное и удобное для работы офиса, которое находится в том же районе Тель-Авива, что и наша Синагога памяти еврейских общин Китая, но на другой улице: ха-Барзел, 31.

IGUD YOTZEI SIN

31, Habarzel str.

POB 13139,

Tel Aviv 6113101

Телефон, факс и адрес электронной почты и веб-сайта **без изменений:**

тел. 972-3-5171997,

факс: 972-3-5161631

e-mail: igud-sin@013.net,

www.jewsofchina.org

Доход от продажи недвижимости, а также ваши пожертвования обеспечат возможность существования ассоциации в ближайшие годы. При этом мы учитываем возраст членов ИИС и очень надеемся на присоединение к нам более молодого поколения.

Приглашаем всех желающих посетить новое помещение офиса Игуд Иоцей Син и надеемся, что найдутся желающие участвовать в волонтерской деятельности !!!

Напоминаем:

Уже несколько лет Игуд Иоцей Син официально зарегистрирован в Реестре Министерства юстиции как общественная организация, и текущая финансовая деятельность ИИС контролируется бухгалтером и аудитором, имеющими сертификаты.

Пожертвования в Игуд Иоцей Син освобождаются от уплаты налога в соответствии со статьей 46 налогового кодекса.

ПРАВЛЕНИЕ ИГУД ИОЦЕЙ СИН

В ХАРБИНЕ ВЕЧНА

* * *

4 Возникают озонные дыры,
Изменяется климат планеты,
Наступают на сушу тайфуны,
А Харбин продолжает жить!

И Человечество буйствует в войнах,
Гибнут и образуются страны,
С ними – заговоры и крамолы,
А Харбин продолжает жить!

Г Появляются новые жизни,
Окрыляют и меркнут надежды,
Разбегаются по миру люди,
А Харбин остаётся жить!

Й Обновились названия улиц,
Исчезают знакомые здания,
Уничтожены кладбища, храмы,
А Харбин остаётся жить!

Ц Всё уйдёт в непонятные неги –
В кривотолки и мифы столетий.
Мы уйдём, лишь останутся дети,
А Харбин будет вечно жить!

С Коротка жизнь и даже мгновенна,
И всему уготована смена.
Память только навечно нетленна,
И Харбин в ней не может не жить!

Н Александр СВИСТУНОВ
Россия, «НСМ», 2016

Фото Наталии КОДНЕР (Израиль)

ЕВРЕИ ХАРБИНА В МОЕМ СЕРДЦЕ

Теодор (Тедди) КАУФМАН

(Продолжение. Начало в № 410)

Период японской оккупации (1931 - 1945)

О японцах, антисемитизме и друзьях

В 1938 году Япония подверглась значительному давлению со стороны гитлеровской Германии с целью заставить ее принять расистские Нюрнбергские законы. И действительно, в отношении расположенного между Дайреном и Шанхаем портового города Циндао и окрестных дачных мест было принято постановление, согласно которому на документах каждого еврея, следовавшего через порт, должна была стоять буква “J”. Однако это положение было отменено благодаря вмешательству представителей высших кругов японской администрации, дружески расположенных к евреям.

Вскоре после этого в один из главных японских портов - город Кобе, прибыла из Германии антисемитская выставка под названием «Евреи правят миром», где в качестве экспонатов были представлены фотографии и документы, переведенные на многие языки, в том числе, на японский. Немцы показывали выставку во многих странах мира. Моему отцу и другим еврейским лидерам удалось оказать влияние на японцев, и выставка была закрыта. Хотя это можно было считать некоторым достижением, однако еврейская община все же потерпела неудачу в борьбе против антисемитизма. Мой отец написал две книги на русском языке: одна из них, «Библия - Вечная Книга», в которой автор проповедовал мир и братство, приводя доказательства в подтверждение огромной роли Библии в развитии всего человечества; во второй книге, «Еврейский народ - Вечный народ», была изложена вся трагедия евреев. В 1941 и 1942 гг. книги были переведены на японский язык. Переводчиком обеих книг был японец Ояма, православный, изучавший теологию в Московском университете и в совершенстве владевший русским языком.

Первая книга была выпущена тиражом пять тысяч экземпляров, и мы сами стали рассылать их разным лицам, способным оказывать влияние на процесс формирования общественного мнения в Японии и Китае. Едва мы успели отправить около пятисот экземпляров, как японские власти под действием нацистской

идеологии распорядились конфисковать книги. Единственный экземпляр первой книги, который мне тогда удалось спрятать и сохранить, я впоследствии передал в Центральный Сионистский архив в Иерусалиме, однако все остальные экземпляры были конфискованы. После вмешательства германского посла в Токио, большого антисемита, тираж второй книги тоже был конфискован.

Одним из друзей отца был полковник Ясуи, знавший русский язык и проявлявший интерес к сионистскому движению. Ему было поручено перевести с русского на японский «Протоколы сионских мудрецов». В 1929 году он приехал в Палестину и встретился с Хаимом Вейцманом, Усышкиным, Дизенгофом и другими лидерами еврейского поселения (ишува) в Эрец Исраэль. Они посоветовали ему по возвращении на Дальний Восток непременно встретиться с доктором Кауфманом. Когда Япония оккупировала Маньчжурию, полковник Ясуи был назначен главой Японской военной миссии в Дайрене. Приехав в Харбин по долгу службы, он встретился с моим отцом, и между ними установились тесные дружеские отношения. Полковнику Ясуи удалось убедить японские власти не публиковать «Протоколы сионских мудрецов», и их публикация была запрещена. Кстати, запрет оставался в силе лишь несколько лет: в конце 1930-х годов, с наступлением «золотого века» японо-германских отношений, «Протоколы» были опубликованы. В высших кругах японской администрации такие сторонники евреев, как полковник Ясуи, составляли меньшинство. Генерал Хидэки Тодзио (Тодзэ), ставший впоследствии премьер-министром, и другие высокопоставленные чиновники находились под влиянием нацистских идей, которые, начиная с 1933 года, когда власть в Германии перешла в руки Гитлера, стали просачиваться в верхние эшелоны власти в Японии. Среди японских облеченных властью людей все же нашлись противники нацистской идеологии, которые использовали свое влияние, чтобы обеспечить справедливое отношение к еврейским общинам, находившимся на оккупированной японцами террито-

рии. Одним из них был епископ Накада, основатель и глава церкви «Холлинес» («Очищение») «Киоме Киокай». Его паству составляли проиудейски настроенные японские христиане, подобно секте «Макоя» в наши дни (следует отметить, что правнук епископа Накады приезжал в Израиль и связался тогда с нашей ассоциацией Игуд Иоцей Син). Благодаря вмешательству влиятельных лиц в процесс принятия решений японскими властями в Харбине жизнь харбинской еврейской общины протекала в терпимых условиях. Профессор Коцуджи, используя свою возможность оказывать влияние на японскую администрацию, также способствовал тому, что у высокопоставленных чиновников сложилось благожелательное отношение к еврейской общине. В юности он работал в Южно-Маньчжурской железнодорожной компании, или «Mantetsu», которая управляла японской частью Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), связывавшей Чанчунь с Дайреном (Дальним). Следует заметить, что эта область, административным центром которой был Дайрен, находилась под управлением японцев еще до 1931 года, до того, как Япония оккупировала всю территорию Маньчжурии. Президентом ЮМЖД был тогда Ёсуге Мацуока, впоследствии министр иностранных дел Японии, а Коцуджи служил у него секретарем. Жил Коцуджи в Дайрене, в Харбин приезжал по делам службы, и во время таких визитов у него сложились дружеские отношения с еврейской общиной.

Впервые профессор Коцуджи познакомился с евреями в детстве, в 1904 году, во время Русско-японской войны. Это были военнопленные, и Коцуджи был удивлен, когда узнал, что они не ходят в церковь. Заинтересовавшись их миром и образом жизни, он углубился в книги, стал изучать историю еврейского народа, даже посещал специальные курсы в Университете Иешива в Нью-Йорке. Профессор Коцуджи стал верным другом евреев, а Мацуока испытал на себе его благотворное влияние. Когда во время Второй мировой войны Мацуока был назначен министром иностранных дел, он заявил, что Япония, несмотря на договор с Германией, не примет и не будет следовать Нюрнбергским законам.

Немцы потребовали изгнать профессора Коцуджи из его дома и даже из страны за то, что он глубоко симпатизировал евреям. Коцуджи был выслан из Японии и приехал в Харбин. Он прибыл с женой и двумя дочерьми, без средств к существованию, и еврейская община всеми силами старалась оказывать ему и его семье помощь и поддержку. В течение трех или четырех лет община оплачивала аренду их квартиры, выделяла средства на их содержание и проявляла заботу о семье Коцуджи, удовлетворяя их потребности. Когда в Харбин вошла Красная Армия, все японцы, в том

числе и профессор Коцуджи с семьей, были высланы обратно в Японию. Вот так профессор Коцуджи, друг евреев, один из праведников народов мира, вернулся на родину.

Профессор Коцуджи написал книгу по грамматике иврита на японском языке и еще одну книгу на английском, очень увлекательную, «Из Токио в Иерусалим». В 1950 году он приехал в Израиль, навестил меня и других своих харбинских друзей, которых помнил. По возвращении его в Японию мы с ним продолжали переписываться на иврите. Впоследствии профессор Коцуджи перешел в иудаизм, изменил свое имя, став Авраамом Коцуджи, и превратился в правоверного еврея «Гер-Цедек».

Скончался профессор Авраам Коцуджи в Токио в 1973 году, во время Войны Судного дня. Согласно последней воле покойного, тело его было доставлено в Израиль и захоронено в Иерусалиме. Когда обе его дочери приехали с визитом в Израиль, наша ассоциация Игуд Иоцей Син устроила в их честь официальный прием.

В 1945 году, незадолго до советской оккупации, положение евреев в Харбине вновь ухудшилось. Один из старших должностных лиц жандармерии, сумасшедший японец, стал ходить повсюду с самурайским мечом. При этом он имел обыкновение арестовывать евреев на двенадцать, а то и на двадцать четыре часа. Объятые страхом люди не спали ночами. Иногда аресты проводились с целью вымогательства, но предугадать, что у него на уме, не представлялось возможным, и потому было очень страшно. Этот сумасшедший переправлялся на другой берег реки, в дачное место, где евреи на лето обычно снимали дачи. Он приказывал людям войти в реку, угрожая обнаженным мечом, и требовал признаться в том, что они американские агенты и что их целью является развал Японской империи.

Однажды этот японец явился на нашу дачу. Мой отец не испугался и сказал ему: «Вы поступаете неподобающе, вопреки приказам вашего начальства, и я подам на вас жалобу». В этот момент появилась моя мачеха и стала уговаривать отца не нервничать, не волноваться. Когда же японец позволил себе грубый окрик, обращенный к ней, отец не смолчал и резко оборвал его: «Не смейте повышать голос на мою жену!», проявив таким образом смелость и мужество. После обращения отца с жалобой к японскому командованию выходки сумасшедшего японца прекратились.

В начале 1940-х годов стали завязываться драки в ночных клубах. Как-то раз в одном очень известном в городе ночном клубе «Фантазия» вспыхнула драка между русскими и немцами. Все началось с того, что оркестр заиграл знакомую всем мелодию песни о реке Волге. Русские стали с воодушевлением

подпевать: «Волга, Волга, мать родная, Волга, русская река», и тут немцы, подстрекаемые пастором Розиным, запели: «Волга, немецкая река». Молодой лютеранский пастор Розин, ярый антисемит, один из руководителей фашистской партии и основатель молодежного нацистского движения в Харбине, предложил изменить слова известной русской песни. Этого было достаточно для того, чтобы все присутствующие начали безжалостно избивать друг друга. Бывало, что евреи тоже ввязывались в драку. Особенно запомнилась драка, вспыхнувшая в ночном клубе «Американский бар», хозяином которого был немецкий еврей. Однажды ночью русские посетители бара напились и стали выкрикивать проклятья в адрес евреев, обзывая их «жидами». Находившиеся в клубе члены «Бейтара» не могли не отреагировать на оскорбления, и завязалась драка. Хозяин бара вызвал полицию. Полицейские арестовали участников беспорядка, среди которых оказались несколько членов «Бейтара». Арестованные потребовали, чтобы в полицейский участок был вызван доктор Кауфман. В то время в Харбине проживали три человека по фамилии Кауфман: один из них страдал косоглазием, другой заикался, а третий был врачом. Первый, косоглазый, Кауфман перешел в христианство, был владельцем и редактором одной из главных харбинских газет. Второй, заика, Владимир Кауфман работал секретарем у Скидельских, владельцев угольных копей. Третьим был мой отец. Сначала японцы привели косоглазого, на что задержанные заявили: «Нет, это не тот Кауфман». Тогда привели другого, который заикался, и вновь выяснилось, что это не тот Кауфман. Наконец на рассвете к нам в дом постучали несколько женщин, матери арестованных, и стали просить разбудить моего отца, потому что их сыновья, задержанные полицией, подвергаются большой опасности. Отцу пришлось дожидаться наступления утра, чтобы, придя в полицию в восемь часов утра, было с кем разговаривать. Утром он отправился в полицейский участок и сумел освободить всех под залог.

На меня самого было совершено нападение на почве антисемитизма. Это случилось в 1943 году. Мы вчетвером с друзьями отправились на вечеринку, а как раз в тот день у русских был какой-то праздник. Выйдя на улицу после вечеринки, мы заметили, что нас преследуют. Мы сели в такси, но машина внезапно остановилась, неизвестно почему. Двое моих друзей выскочили из такси и разбежались по домам. Девушка, которая была с нами, тоже вышла из машины. Я, в тревоге за ее безопасность, последовал за ней и... очутился в логове зверей. Четверо или пятеро русских парней набросились на меня и стали избивать. К счастью, дело было зимой и на мне было толстое зимнее пальто. Прохожие

тщетно пытались унять их. Наконец, кто-то крикнул: «Полиция!», и нападавшие бросились бежать. Когда я вернулся домой, весь в синяках, родители уже спали. Утром следующего дня девушка из нашей компании позвонила, чтобы выяснить, что со мной. Мои родители, узнав, что случилось, были очень обеспокоены. Отец обратился с жалобой в полицию, и русские, напавшие на меня, были арестованы. В местной газете появилось сообщение о происшествии: «Сын доктора Кауфмана подвергся нападению со стороны хулиганов». В городе только и говорили о случившемся. Японский режим, несомненно, был военным, тоталитарным, жестким, проявлявшим ужасную жестокость. Тот, кто был арестован японцами и подвергался пыткам, сталкивался с беспощадным насилием, не поддающемся описанию. Но все же следует отметить, что японцы, хотя и были союзниками нацистской Германии, не соглашались принять Нюрнбергские законы, не предпринимали каких-либо шагов против еврейской общины в целом и не уничтожали евреев так, как это делали нацисты и их союзники в большинстве европейских стран. Евреи в Харбине продолжали в полной мере вести не только еврейский образ жизни, но и сионистскую деятельность, насыщенную и оживленную.

Окончание японского правления

В период с мая по август 1945 года мы чувствовали себя счастливыми, потому что германский флаг над консульством Германии был спущен, а консульство закрыто. Германский флаг со свастикой над зданием немецкой школы Гинденбурга (на 4-й Линии) тоже был спущен, однако немцы все еще оставались в городе. Тем не менее жизнь в городе постепенно входила в колею.

В Харбине было довольно большое немецкое сообщество. В большинстве своем это были бизнесмены, приехавшие по делам и оставшиеся в городе. Немецкая школа занимала красивое здание, в котором размещались также детский сад и клуб. Среди членов клуба было много евреев. Школа и детский сад зарекомендовали себя с самой лучшей стороны, и многие еврейские дети учились здесь.

В общественном клубе в здании школы Гинденбурга собирались любители карточных игр, проводились спортивные мероприятия, устраивались празднества по случаю различных событий. Моя мачеха тоже была членом немецкого клуба, три раза в неделю посещала тренировки в гимнастическом кружке. Она свободно говорила по-немецки, поскольку несколько лет училась в университете в Германии.

Некоторые члены еврейской общины получили высшее образование в немецкоязычных странах, другие поддерживали деловые связи с немецкими фирмами. Поэтому нет ничего удивительного в том,

что между евреями и немцами существовали нормальные коммерческие отношения. Хорошо помню, например, Моше Флейшмана, который был представителем большой немецкой фармацевтической фирмы «Байер» (“Bayer”). Поскольку китайские любители аспирина и подобных препаратов привозили их из Германии в больших количествах, у Флейшмана всегда было много дел, связанных с крупным импортом этого лекарственного средства.

Однако, когда в 1933 году в Германии к власти пришел Гитлер, все евреи были лишены членства в клубе, а еврейские учащиеся изгнаны из школы. Какое-то время в школе размещалась штаб-квартира немецко-фашистской партии. В городе Дайрене находился центр нацистской пропаганды, возглавляемый нацистом Киршенбаумом, лидером нацистов в Китае. После поражения немцев в Европе нацистская пропаганда прекратилась и, насколько мне известно, немецкие компании приостановили свою деятельность в Маньчжурии.

В августе 1945 года на японские города Хиросиму (6 августа) и Нагасаки (9 августа) были сброшены две американские атомные бомбы; в тот же день, 9 августа 1945 г., Советский Союз вступил в войну с Японией.

Большинство проживавших в Харбине русских и евреев были лицами без гражданства, т.е. физическими лицами, не имевшими гражданства какой-либо страны. Всех их называли «российскими эмигрантами». Однако были тысячи русских, включая несколько сотен евреев, которые являлись гражданами Советского Союза. Когда СССР объявил войну Японии, японцы тут же арестовали всех мужчин, имевших советское гражданство (женщин они не трогали).

Арестованных привезли в здание советской Розовой школы на Казачьей улице, превратив помещение во временный концлагерь. Среди множества арестованных был и мой отец. Всю ночь мы хлопотали об его освобождении и, наконец, утром отца освободили. В его освобождении очень помог профессор Коцуджи, о котором говорилось выше как о большом друге евреев. Позднее освободили всех арестованных. Японцы, вероятно, поняли, что война подходит к концу и что им не суждено стать победителями.

Красная Армия в Харбине

Красная Армия находилась в Харбине всего восемь с половиной месяцев, с 17 августа 1945 года по 30 апреля 1946 года, но эти месяцы, к сожалению, имели трагические последствия для всего европейского населения города, в том числе и для еврейской общины.

Сталин назначил одного из героев Второй мировой войны маршала Василевского командующим Восточным фронтом. Сухопутная наступательная опе-

рация осуществлялась через горный хребет Большой Хинган. Из Хабаровска речным путем по Амуру и Сунгари советские боевые корабли подошли к Харбину. В распоряжении Красной Армии находились корабли военно-морского флота, сухопутная техника и авиация. В сущности, битва за Маньчжурию продолжалась всего семь дней. 16 августа японцы капитулировали. Несмотря на то, что главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада и начальник штаба генерал Хата, который в прежние годы возглавлял военную миссию в Харбине, объявили о капитуляции, боевые действия продолжались еще несколько дней.

Примерно через месяц в Харбине состоялся военный Парад Победы. 16 сентября было объявлено Днем Победы в Азии. Как известно, советская сторона не согласилась с датами, объявленными американцами, которые считают Днем Победы в Азии 2 сентября, а в Европе - 8 мая 1945 года, и объявили свои собственные даты. Мы с друзьями вместе стояли на улице и видели, как проходил парад.

Сталин лично принял решение провести большой военный парад в честь победы над Японией в Харбине, который рассматривался советскими как цитадель белых русских в Китае. Парад начался на Соборной площади в Новом городе (Нанган). Колонна проследовала через Новый город на Пристань (Даоли), а затем по главной - Китайской улице до набережной Сунгари. Командующий Восточным фронтом маршал Василевский не смог присутствовать на параде, и вместо него парад принимал командующий армией, начальник гарнизона и военный комендант города Харбина генерал-полковник Белобородов. Он ехал на белом коне, а за ним шла пехота, двигались «Катюши», танки, пушки и другие орудия, а также грузовые автомобили ГМС, которые Красная Армия получала от американцев в годы войны. Парад продолжался три или четыре часа и произвел на всех огромное впечатление.

Вне всякого сомнения, военный парад в Харбине стал свидетельством реванша СССР за поражение в Русско-японской войне. В 1904 году, проиграв войну, Россия вынуждена была отдать японцам Порт-Артур, Квантунский (Ляодунский) полуостров и другие территории, а теперь русские отвоевали больше, чем в свое время уступили. Это действительно была огромная победа, и теперь, в 1945-ом, спустя 41 год, японцы заплатили им вдвойне. Для русских это была великая победа.

Не знаю, как было в других городах, но должен сказать, что в Харбине японцы поддерживали образцовый порядок. Они оставались на своих постах вплоть до прихода Красной Армии, и передача полномочий по охране города прошла гладко, очень организованно. Подъехал советский грузовик, из кабины

вышел советский солдат, японский солдат сдал советскому оружие и залез в грузовик, а советский солдат продолжил нести службу. Так было в Харбине почти повсеместно. Впоследствии всех японских военнослужащих отправили в Россию, в тюрьмы и лагеря для военнопленных в Сибири.

Отъезд японских граждан из города тоже проходил очень организованно. Они ехали поездом в Южную Корею, а оттуда пароходом в Японию. При этом им разрешалось взять с собой только один мешок или узел с вещами. Повсюду можно было видеть японцев, размахивавших флагами, но не национальными, а флажками своих групп - всю дорогу до вокзала они шли пешком.

В Харбине осталось всего около трех тысяч японцев, среди них был врач-офтальмолог, который работал в Еврейской больнице. Все специалисты, оставшиеся в городе, получили право на работу по своей специальности как от советских, так и от китайских властей.

В годы советского режима

С приходом в Харбин частей Красной Армии в городе было введено военное положение. Начальник гарнизона и военный комендант, Герой Советского Союза генерал Белобородов издал целый ряд приказов и запретов: ввел комендантский час, приказал жителям сдать властям все имевшиеся у них радиоприемники, и т.д. Страх и ужас охватили все население. Тысячи людей были вызваны в полицейские участки для допроса, среди них было много евреев. Власти ввели указы, ограничившие свободу граждан, ужесточили позицию в отношении политической активности, запретив любые акции.

Сначала все подумали, что Советский Союз изменился, что это уже не страна концлагерей. Ведь СССР был союзником западных держав и воевал против нацистов вместе с США и Великобританией. Однако оказалось, что такое мнение было глубоко ошибочным с нашей стороны, и через два-три дня празднованию пришел конец.

Китайцы сначала восторженно встречали советские воинские части, видя в них своих освободителей от японского ига. Они бросали солдатам цветы, совали в руки сигареты, яблоки, сладости - такое поведение было нехарактерно для обычно сдержанных китайцев. Русское население, составлявшее около ста тысяч человек, из которых около трех тысяч были евреи, тоже радостно приветствовало советских солдат. Однако спустя несколько дней все изменилось. Освобождение Харбина от японцев Красной Армией обернулось мучениями и страданиями для всего населения города и вызвало отрицательное отношение ко всему, что было связано с Россией.

Все электрические подстанции были вывезены в Советский Союз, вследствие чего более года Харбин

оставался без электричества, поскольку единственная оставшаяся в городе подстанция снабжала электричеством советские воинские части, больницы, кинотеатры и некоторые другие общественные места. В домах не было электричества, да, к тому же, целыми днями мы оставались без воды.

Красная Армия вовсе не была похожа на японскую, организованную и дисциплинированную. Никто никогда не видел, чтобы японский солдат был пьяницей или грабителем. Более того, японская администрация поддерживала дисциплину, наделив полномочиями жандармерию, и японских военнослужащих почти не видно было на улицах города. Советские солдаты, наоборот, встречались повсюду. Это были не закаленные в боях ветераны, сражавшиеся против немцев, а солдаты, служившие на Дальнем Востоке, которые почти не воевали и прямым путем, без единого выстрела, попали в Харбин. Советские военнослужащие чувствовали себя на улицах города в полной безопасности, и японцы их не трогали. Хотя единичные случаи нападения японских «камикадзе» на советских солдат имели место, однако это было крайне редко. Но несмотря на это, Красная Армия вела себя как неуправляемая толпа. Помимо арестов и депортации в Советский Союз десятков тысяч мирных жителей, советские солдаты совершали грабежи и насилие.

Ограбления и мародерство продолжались, а власти игнорировали происходящее. Советские солдаты не довольствовались тем, что грабили японцев, которые были врагами, они грабили также русских и китайцев. Можно было наблюдать, как подъезжает военный грузовик, солдаты входят в дом и затем выносят вещи из ограбленной квартиры. Когда соседи вызвали военную полицию, те приезжали, стояли в стороне и ждали, когда все будет кончено, и тогда делали вид, что приступают к расследованию: «Кто это был? Какой номер автомобиля?» Все население Харбина очень страдало, а китайцы обзывали их обидным словом «ламоза».

В течение переходного периода между японским и советским правлением при советском консульстве было создано Общество граждан СССР, одна из функций которого заключалась в сохранении собственности. Членами общества становились русские, имевшие советское гражданство.

Они носили черные кожаные куртки и сапоги, однако им тоже не удавалось справиться с волной грабежей.

Частная экономика

Для жителей Харбина советское правление обернулось глубоким экономическим спадом. До прихода в Харбин Красной Армии в городе имели хождение три валюты: юань государства Маньчжоу-го (кит. «гоби»), стоивший немного меньше, чем японская иена, а также японская иена и корейская иена. Сто-

имость японской иены составляла половину доллара США. Советский режим объявил все валюты не имеющими хождение и ввел свою, т.е. рубль.

Все жители в одночасье потеряли все свои сбережения, в том числе и моя семья. Из-за ограничений в области валютного законодательства мы не хранили деньги в банке, а прятали дома. После ареста отца остались мы с братом - два молодых парня - и мама, а в тайнике лежали пятьдесят тысяч иен (около 25 тысяч долларов). Внезапно деньги обесценились и уровень инфляции стал резко возрастать, а мы не успели обменять иены на доллары. Тогда мы с братом пошли в универсальный магазин «Чурин»²⁰ и купили на эти деньги две пары обуви. Это была самая дорогая обувь, которую я когда-либо покупал.

Люди жили на деньги, вырученные от продажи своего имущества, если удавалось что-то продать, а экономическое положение становилось все хуже и хуже. В Харбине процветал новый вид торговли под названием «трофейный товар». В Старом Харбине на железнодорожном вокзале у японцев на складах хранилось множество различных товаров для военных нужд, предназначенных для использования в военное время, которых хватало бы на сотню лет. Огромные складские помещения, растянувшиеся на многие километры, были забиты углем, электрическими лампочками фирмы «Philips», продуктами питания и множеством других самых разнообразных товаров. Запасов угля на складах было бы достаточно для отопления всего города Харбина в течение нескольких зим. В период японской оккупации никто не имел права даже приближаться к складам, но с приходом советских войск и устранением японцев от власти положение изменилось.

У ворот склада стоял советский солдат, люди подъезжали к воротам на грузовике и спрашивали его, что он хочет, на что солдат неизменно отвечал: «Бутылку водки». За одну или две бутылки водки «охранник» разрешал приехавшим загрузить грузовик углем или другими товарами. Так было положено начало торговле «трофейным товаром», и многие харбинцы этим занимались.

Не следует забывать, что Харбин в то время был отрезан от всего мира. В Китае шла гражданская война между коммунистами, вождем которых был

20 Универсальный магазин «Чурин». В начале 20-го века еврейский коммерсант Самсонович открыл первый в Харбине универсальный магазин. Впоследствии он продал его русской фирме «Чурин», которая в свою очередь открыла большую сеть магазинов - ее филиалы были разбросаны по всей Маньчжурии.

Мао Цзедун²¹, и националистами под предводительством Чан Кайши²². Экономическое положение все более ухудшалось. Китайцы запретили свободную торговлю, и Маньчжурия оказалась в полной изоляции. Столкновения между двумя силами происходили по обе стороны реки Сунгари (крупнейшим ее притоком является река Нэньцзян, или Нонни, которую в Китае называли «Вторая река Сунгари»). Армия Чан Кайши пользовалась покровительством американцев, а его солдаты, получавшие все необходимое из Америки, торговали консервами, сигаретами, одеждой и прочими вещами. Так в Харбине появились американские товары.

В 1946 году после вывода советских войск из Харбина я получил зарплату в сумме пять миллионов юаней²³, или пять американских долларов. Экономическое положение оставалось тяжелым до начала 1950-х годов, когда мы стали покидать Маньчжурию. Этим объясняется тот факт, что харбинские евреи приехали в Израиль обедневшими. Предприниматели, державшие свои капиталы за пределами Харбина - в Шанхае, Швейцарии или США, находились в лучшем экономическом положении, однако большинство евреев приехали в Израиль без средств к существованию. По приезду в Израиль наша семья имела триста американских долларов в кармане, и я тогда чувствовал себя богачом и счастливчиком, вспоминая, как в Харбине мы прекрасно обходились десятью долларами в месяц.

Сионисты в условиях террора

С приходом Красной Армии в Харбин в жизни еврей-

21 Мао Цзедун (1893 - 1976) - один из основателей Коммунистической партии Китая, председатель КНР. С момента вторжения японской армии в Китай и до конца Второй мировой войны Мао Цзедун боролся против иностранных оккупантов вместе с Чан Кайши. Однако после поражения японцев в 1945 году продолжил внутреннюю борьбу против сил Чан-Кайши, что привело к началу гражданской войны в Китае. Гражданская война закончилась в 1949 году победой коммунистов на всей территории Китая и созданием Китайской Народной Республики. Мао Цзедун стал председателем партии, а затем и президентом страны. Он был также публицистом и поэтом; сборник высказываний «Красная книга» наиболее часто издавался в Китае и приобрел широчайшую известность во всем мире.

22 Чан Кайши (1887 - 1975) считался символом Китая во время войны с Японией. По окончании Второй мировой войны он возобновил войну против коммунистов и выиграл президентские выборы в 1948 году. После поражения, нанесенного коммунистами в 1949 году, Чан Кайши, собрав остатки своей армии, отступил на остров Тайвань (Формоза), основал Национальную Республику Китай и до конца жизни оставался ее президентом.

23 Юань - валюта КНР.

ской общины наступил новый, тяжелый период. Немедленно была прекращена деятельность молодежных сионистских движений. Под строгим запретом оказались «Маккаби» и «Бейтар», а их члены ушли в подполье, поскольку любая политическая деятельность тоже была запрещена. В действиях каждой такой организации советская администрация усматривала выступление против советского режима, предательство и сотрудничество с врагом.

Мы сожгли архивы сионистского движения, поскольку было ясно, что если наши документы попадут в руки советских властей, они обвинят нас в предательстве и сотрудничестве с сионистскими империалистическими центрами. Поэтому глубокой ночью Мося Гальперин и Боря Миркин сожгли архив «Бейтара», а мы с моим другом Шломо Спиваком, который был секретарем сионистского движения, сжигали архивы «Маккаби» и сионистской организации. С тяжелым сердцем мы бросали в огонь всю переписку, которую вели с Эрец Израэль и сионистскими организациями в Лондоне и Иерусалиме.

Теперь следует упомянуть некоторых евреев, которые верили в коммунизм в России и являлись противниками сионизма. Одним из них был доктор Монозон, который портил нам жизнь с момента вступления в Харбин Красной Армии вплоть до последних дней существования харбинской еврейской общины.

В 1948 году, еще до провозглашения Государства Израиль, советское консульство потребовало устроить встречу и созвать всю еврейскую молодежь, большинство которой составляли члены «Бейтара» и «Маккаби». На призыв откликнулись около трехсот человек, и зал оказался набит битком. Открывая встречу, первый (политический) секретарь Генерального консульства СССР Осипов выступил с длинной речью, в которой обвинил еврейскую молодежь в антисоветских настроениях, отсутствии преданности «своей родине» и сочувствии сионистской идее. Вслед за ним выступил доктор Монозон с нападениями на всех, кто, по его мнению, предавал советскую родину. В зале нашлись люди, которые стремились возражать против выдвинутых обвинений, среди них Израэль Брунер, Мира Левинская и я. Мы пытались опровергнуть все обвинения, подчеркивая тот факт, что сам Советский Союз выступил в поддержку создания еврейского государства, и потому у нас тоже есть право отстаивать свою позицию в этом вопросе. Однако Осипов отверг все наши аргументы, назвав нас «политическими хулиганами». Он обратился к еврейской молодежи с призывом вступать в молодежную организацию «Союз советской молодежи (ССМ)», а еврейские молодежные организации распустить.

Вместо «Маккаби» и «Бейтара» Осипов потребовал создать организацию «Союз еврейской молодежи».

Его целью было объединить наше молодежное движение с Союзом советской молодежи, похожим на комсомол. Мы предложили ему назначить Семю Лейманштейна председателем, Мосю Гальперина и меня - его заместителями, а Бориса Миркина - секретарем. Осипов отверг наши предложения, но вместо этого разрешил лишь организовать кружок еврейской литературы.

Нам ничего не оставалось делать, как принять его предложение. Мы провели несколько встреч в помещении Советского клуба, посвятив их творчеству таких еврейских писателей, как Шалом-Алейхем, И.-Л.Перец, и еще некоторым безобидным, на наш взгляд, темам. А затем мы совершили тактическую ошибку, предложив Союзу советской молодежи провести волейбольный матч между двумя командами - ССМ и нашего кружка. У нас была отличная команда бывших игроков «Маккаби» и «Бейтара», и мы выиграли. Когда весть о нашей победе дошла до советских властей, еврейский литературный кружок был немедленно закрыт.

Коммунисты продолжали оказывать на нас давление, чтобы заставить присоединиться к ССМ, но это ни к чему не привело. Лишь единицы согласились перейти в их лагерь, остальные отказались. В конце концов нас оставили в покое, но сначала конфисковали все спортивное оборудование «Маккаби» и «Бейтара» и передали его в пользование ССМ. В последний момент нам все же удалось спасти две яхты, «Кадиму», которая была куплена Скидельскими для «Маккаби», и «Пруссию», принадлежавшую «Бейтару», и оформить их как частную собственность. Таким образом, это имущество не было конфисковано советскими и осталось у нас.

Недалеко от Главной синагоги, в которой располагался секретариат общины, находились школа «Талмуд-Тора» и Еврейская библиотека, богатый книжный фонд которой насчитывал тысячи книг, в основном, на русском языке, но также на иврите, идиш и других языках. С приходом в Харбин Красной Армии мы убрали с библиотечных полок книги антисоветского содержания, а остальные оставили. У нас были книги на разные еврейские темы, а также много литературы, в том числе русской классики, изданной за пределами Советского Союза, в Белграде, Париже, Риге, Праге, Берлине и других городах.

В то время я работал в секретариате общины и отвечал за состояние библиотеки. Однажды мне сообщили, что прибыл советский офицер в военной форме, с погонами зеленого цвета, что указывало на его службу в НКВД²⁴. Он прибыл в библиотеку на

24 НКВД - советская тайная полиция, впоследствии переименованная в КГБ.

грузовике, чтобы конфисковать книги. «Пожалуйста, - сказал я, - можете посмотреть, у нас все открыто, мы не имеем антиправительственных материалов».

Три дня, с утра до вечера, этот офицер проводил время в библиотеке, повышая уровень своего образования, а затем объявил, что собирается конфисковать три тысячи книг. В нашей библиотеке было много произведений художественной литературы, переведенных с французского и итальянского, причем некоторые из них в то время отличались новизной и оригинальностью. Большой популярностью пользовались книги итальянского писателя и журналиста Питигрилли, считавшиеся лучшими порнографическими сочинениями того времени, а также романы французского писателя Мориса Декобра и некоторых других авторов. Офицер отчитал нас за хранение таких «непристойных» книг и, чтобы защитить наши нежные души от такой «мерзости», забрал их себе.

Я сказал офицеру, что следует подписать документ о конфискации общественной собственности, и офицер, привыкший к советской бюрократии, разумеется, подписал документ. Нас удивило, что книги по иудаизму и сионизму не были конфискованы. Вероятно, этот офицер знал только русских авторов и поэтому даже не взглянул на сочинения Рамбама, священные книги и архив местной еврейской газеты. Впоследствии мне удалось вывезти в Израиль полный комплект газеты «Еврейская Жизнь», издававшейся в Харбине. Не были конфискованы также книги иностранных авторов: произведения Жюль Верна, Эмиля Золя и других писателей не пострадали от прихода Красной Армии. Однако книги на русском языке, написанные русскими авторами и изданные за пределами СССР, даже если в них были собраны кулинарные рецепты, объявлялись богохульными и подлежали запрету. Логика никогда не была сильной стороной представителей советского режима.

Аресты, депортации и убийства

Как обычно бывает в таких случаях, с момента вступления в Харбин советских войск в городе был введен комендантский час. Новая администрация, объявив о введении запретного времени, заверила мирное население, что при этом никто не пострадает, но мало кто поверил их обещаниям.

21 августа 1945 года представители всех этнических групп и общин должны были явиться в 3 часа дня в японский отель «Ямато», в котором находилась штаб-квартира советских войск. Среди нескольких сотен приглашенных были руководители татарского, армянского и грузинского сообществ, а также литовский консул и многие другие, в том числе четыре представителя еврейской общины: почетный секретарь Моше Зимин, почетный казначей Анатолий

Орловский²⁵, раввин Арон Моше Киселев и лидер общины доктор Абрам Кауфман, мой отец.

Раввину Киселеву в то время было уже за восемьдесят, к тому же, он был очень болен, и потому его быстро отпустили. Всех остальных, а это были сотни людей, известные, занимавшие высокое положение в городе, - держали до девяти часов вечера. Потом каждого по очереди стали заводить в полутемную комнату, как оказалось, на допрос к старшему офицеру, после чего, приказав сдать все имевшиеся при себе вещи: галстук, пояс, бумажник и т.д., проводили всех в подвал здания бывшего японского консульства, находившегося напротив отеля «Ямато».

Примерно через две недели после того как они оказались в подвале, где их держали в ужасных условиях, заключенных перевели в харбинскую тюрьму на Коммерческой улице, а оттуда всех отправили в Советский Союз в вагонах для перевозки скота. Первый лагерь находился на железнодорожной станции Гродково на границе между Маньчжурией и Россией, а оттуда заключенные были отправлены в исправительно-трудовые лагеря в Сибири и другие отдаленные районы Советского Союза.

Из двухсот пятидесяти тысяч русских, проживавших в то время на территории Маньчжурии, тысячи людей, в том числе десятки харбинских евреев, были арестованы и отправлены в исправительно-трудовые лагеря. В своей книге мой отец пишет, что у коммунистов для любого человека всегда находилось место в тюрьме или лагере для депортированных: «В Советском Союзе, можно сказать, самое главное - найти человека, а статья найдется сама собой»²⁶.

Среди арестованных евреев были люди, задержанные совершенно случайно, прямо на улице. Например, человека могли остановить на улице и спросить, в каком году он приехал в Маньчжурию. Если следовал

25 Моше Зимин - почетный секретарь общины, был также генеральным директором отеля «Модерн», отстояв право занять эту должность в борьбе с японской администрацией, которая выдвигала своего кандидата. Зимин умер в советском лагере. Его жена, дочь и внучка уехали в Израиль. Анатолий Орловский - почетный казначей общины, был ученым человеком, получившим степень раввина и ставшим одним из советников раввина Киселева. Он принял на себя обязанности казначея в то время, когда многие отказывались, не желая быть членами руководства общины. После смерти Сталина Орловский был реабилитирован и в конце 1950-х годов приехал в Израиль к жене, сыну и дочери. Умер в Израиле.

26 Д-р А.И.Кауфман. «Лагерный врач». Изд-во «Ам Овед», Тель-Авив, 1971, с.10.

ответ: «В 1929-ом», человека хватили прямо на месте. Дело в том, что еще до 1926 года из Советского Союза можно было уехать легально, а в последующие годы выезд из страны был запрещен, т.е. если кто-то приехал позднее, означало, что он пересек границу нелегально и тем самым нарушил закон. В те годы шла так называемая война против шпионов, с которыми боролась советская контрразведка Смерш (сокращение от «Смерть шпионам!»). Смерш был отделом НКВД - организации, которая, кроме всего прочего, занималась обнаружением и разоблачением шпионских сетей.

Такие случайные аресты проводились советскими военными силами всех родов войск, в том числе Военно-воздушных сил и Военно-морского флота, поскольку в каждом из них был свой отдел Смерш. Однако не только идеология и забота о благе страны были поставлены во главу угла. Это был еще и легкий способ наживы: многим арестованным удалось освободиться с помощью подкупа тех, кто их арестовал. В Харбине такие арестованные содержались под стражей в особняке инженера Ицхакина на 3-ей Линии, в котором находилась контрразведка Военно-морского флота, и в соседнем здании немецкой школы Гинденбурга, где располагалась контрразведка Военно-воздушных сил.

К великому сожалению, среди евреев нашлись такие, кто сотрудничал с советской контрразведкой и занимался доносами на членов еврейской общины. Мы называли их стукачами. Они передавали информацию о тех евреях, у которых имелись средства, чтобы заплатить за свое освобождение. Десятки членов еврейской общины были арестованы, их семьи передавали деньги стукачам, а те в свою очередь - в карман посредникам за их услуги. Задержанные, которым повезло, были освобождены спустя несколько дней после ареста.

Однажды меня тоже пришли арестовывать, но моя мачеха, увидев мое имя в списке подлежащих аресту, быстро пришла в себя и сказала им, что Кауфмана давно уже арестовали, 21-го августа. Солдаты ушли, и я был спасен. Все же из-за боязни оказаться под арестом я решил исчезнуть из дома на некоторое время и не возвращаться, пока не станет ясно, что опасность миновала.

Еврей Файман бежал из Советского Союза в конце 1920-х годов. Когда в Харбин вошла Красная Армия, он оставил в городе жену и сына, а сам скрывался в одном из пригородов, просидев долгих восемь месяцев в чулане, в подвале какого-то дома, пока советские не вывели свои войска из Харбина, и только тогда он решил вернуться к своей семье (его сын сейчас живет в Лондоне).

Не только евреи пострадали, но и сами русские, плоть

от плоти русских солдат, были арестованы по разным причинам и под разными предлогами. Каждый русский, который работал у японцев, мгновенно становился врагом народа и, следовательно, подлежал аресту. Так был арестован русский журналист, работавший в официальной японской газете на русском языке «Харбинское время», и именно так были арестованы люди, которые работали продавцами в японских магазинах, и еще многие другие.

Такова была судьба Бориса Бринера, отца знаменитого киноактера Юла Бриннера. Юл Бриннер родился в России, рос в Харбине, учился в нашей школе - в Коммерческом училище, а потом уехал в Америку. Многим он запомнился в роли короля Сиам в фильме «Король и я». Мы лично не были с ним знакомы, но я знал семью Бринер и его мать, известную в Харбине актрису. Братья Бринеры были владельцами крупной страховой компании, среди их клиентов значились многие фирмы. Борис Бринер был почетным консулом нейтральной страны - Швейцарии, поэтому он вывешивал швейцарские флаги над входом в каждую фирму, над каждым складом, с которыми он имел дело как владелец страховой компании, надеясь на то, что флаг нейтральной страны спасет его и всех его клиентов. Солдаты Красной Армии быстро сняли все швейцарские флаги, и Бринер был отправлен в Москву. Правительству Швейцарии потребовалось много времени и усилий, прежде чем удалось освободить его.

Моя личная история - арест отца

Никогда не забуду Судный день (Йом Кипур) в сентябре 1945 года. Как уже говорилось выше, моего отца арестовали 21-го августа, и все это время он находился в харбинской тюрьме на Коммерческой улице. В Йом Кипур, когда я был в синагоге, где проходила служба, прибежали люди и сообщили, что арестованных вывозят на грузовиках за пределы Харбина. Я побежал на главную улицу и увидел среди арестованных своего отца на открытом красноармейском грузовике под охраной людей из НКВД.

Мы помахали друг другу рукой, не зная, что пройдет много лет, прежде чем снова увидимся.

Мой отец был сильным, негнибачимым человеком, о чем впоследствии свидетельствовали многие люди из числа тех, кто находился рядом с ним в советских исправительно-трудовых лагерях. Когда отца в числе многих других арестовали без предъявления какого-либо обвинения, ему было уже шестьдесят лет, но он по-прежнему обладал огромной силой духа.

В конце сентября молодой русский парень, который обычно доставлял нам домой молоко и молочные продукты, сообщил, что арестованных увезли в Старый Харбин, а там, на железнодорожном вокзале, их грузят в вагоны. Я немедленно поехал на старохар-

бинский вокзал и увидел огромное число вагонов, тридцать или сорок. День выдался очень жаркий, вагоны были открыты, в дверях стояли люди. Я стал искать отца, но не нашел. Правда, я увидел братьев Скидельских, о которых будет сказано далее, а отца мне так и не удалось найти.

Мы остались втроем: моя мачеха, младший брат Давид и я. Однажды - дело было примерно месяца через четыре после ареста отца - темной ночью неожиданно в дверь постучали. У нас в квартире не было тогда электричества, мы пользовались свечами и керосиновой лампой с фитилем, но даже их приходилось экономить. Жили мы на втором этаже, в центре города, но такой стук в дверь даже при свете дня вызывал испуг.

- Откройте дверь! - сказал кто-то за дверью.

- Кто там? - спросили мы.

- Не бойтесь, у меня есть кое-что для вас.

Мы очень испугались, но все же открыли дверь. На пороге стоял молодой солдат Красной Армии. Войдя в квартиру, он спросил: «Кто дома?» Мы ответили: «Только мы».

Он осмотрел все комнаты, задернул шторы, сел и сказал: «Я пришел передать вам привет от вашего отца». Мы понятия не имели, куда отправили отца и жив ли он вообще. Конечно, мы не поверили ему, но предложили поесть и выпить, зная, что русские любят спиртные напитки. Солдата звали Петя. Он служил в Дальневосточной Армии, но не участвовал в боевых действиях. Родом он был из маленькой сибирской деревни, в которой лишь недавно появилось электричество. Петя стал рассказывать нам о своей семье, в частности, о сестре, которая мечтала выйти замуж, но у нее не было приданого. Он хотел бы достать где-нибудь наручные часы для сестры, и тогда, возможно, ей бы удалось найти достойного жениха. Я пообещал достать ему часы. После нескольких стаканов водки Петя уже называл меня Федей, говорил, что мы с ним, как братья. Затем он стащил с ноги сапог и достал из него крохотную записку размером со спичечный коробок, написанную карандашом рукой отца, без обращения и без подписи: «Я здоров, шлю привет, подаю о себе знать». Мы понимали, что отец узнает наш почерк, и написали ему в ответ несколько слов. Листок бумаги, который он послал нам, мы сожгли, а нашу записку отдали солдату, который сунул ее обратно в сапог. Уходя, он надел свои погоны, которые, по-видимому, снял перед тем как зайти к нам, и тогда мы увидели, что он - офицер.

Молодой офицер рассказал нам, что мой отец д-р Кауфман находится в поселке Гродеково - в то время это была первая железнодорожная станция КВЖД на границе между Россией (СССР) и Маньчжурией, служившая первым перевалочным пунктом на рос-

сийской (советской) территории, куда прибывали арестованные из Китая. В Гродекове была построена большая пересыльная тюрьма, оттуда заключенных отправляли в исправительно-трудовые лагеря в различные отдаленные районы Сибири. Приближалась зима, а у отца не было теплой одежды. Условия содержания заключенных в тюрьме были бесчеловечными. В небольших камерах в антисанитарных условиях держали по пятьдесят-шестьдесят человек, которые вынуждены были пить некипяченую воду. В результате вспыхнула эпидемия тифа. Медицинский персонал, состоявший из нескольких фельдшеров, но не имевший ни одного врача, не мог справиться с эпидемией. Среди заключенных было много случаев заболевания со смертельным исходом. Когда стало известно, что мой отец - врач, к тому же, эпидемиолог, специалист по азиатскому тифу, его перевели из камеры в тюремную больницу и велели заняться лечением больных.

- Ваш отец, - рассказывал нам Петя, - требовал, чтобы больные принимали лекарства, и ему удалось спасти много людей, в том числе меня. Хорошо, что он этим занимается.

- Что значит, хорошо? - спросили мы. - Его отправят в лагерь?

- Да, - ответил Петя, - но он выживет.

И действительно, лишний кусок хлеба, стакан горячей воды и работа в клинике, а не за воротами лагеря - все это давало возможность заключенному выжить. Петя выздоровел и в благодарность за то, что отец спас ему жизнь, обратился к нему со словами: «Я в долгу перед вами. Скажите, что бы вы хотели, чтобы я для вас сделал?» И тогда отец попросил, чтобы Петя каким-то образом известил его семью в Харбине о том, что он, доктор Кауфман, жив и здоров.

Вообще Петя служил в НКВД и по долгу службы сопровождал заключенных из Харбина в Гродеково. Возвращаясь обратно в Харбин, он приходил к нам еще три раза и приносил записки от отца. Кроме наручных часов для сестры, он ничего больше не просил, и я, как и обещал, купил их и передал ему. Когда пришел конец советской оккупации Маньчжурии, наша связь с отцом прервалась. Все наши письма и запросы об отце оставались без ответа, и долгие годы мы ничего не знали о его судьбе. Много лет спустя, в 1961 году, мы снова увиделись с ним, но уже в Израиле. (История выживания отца коротко рассказана в предпоследней главе «Свеча в память о моих родителях»).

История Ольги Аркус

В Харбине жила Ольга Аркус, еврейка, состоятельная женщина. Она занимала пост председателя харбинского комитета ВИЦО (Всемирной сионистской женской организации) и имела свою аптеку с лабораторией, где изготавливали парфюмерию. Жила она

одна - единственная дочь проживала в Циндао. Квартира Ольги Аркус находилась в одном из лучших домов Харбина, в доме Антипаса на Конной улице, который сохранился до наших дней. В том же доме по соседству жил со своей семьей господин Кул, директор немецкой школы Гинденбурга. Советские власти, конечно, немедленно его арестовали, а семью выселили из квартиры. Вместо них освободившуюся квартиру занял полковник Красной Армии с ординарцем по имени Сашка. Будучи соседями, Ольга Аркус и полковник поддерживали дружеские отношения. Он и его ординарец бывали у Аркус в гостях и при этом вели себя вежливо и учтиво.

Однажды утром полковник зашел к Аркус и, поинтересовавшись, что она собирается делать днем, попросил никуда не ходить, оставаться дома. Спустя некоторое время пришли солдаты, погрузили все, что имелось в квартире, на грузовики и забрали с собой хозяйку, Ольгу Аркус. Ее взяли под стражу, а затем отправили по железной дороге в Гродеково. Там ее поместили в какой-то амбар, где, кроме нее, единственной женщины, еврейки, находились еще человек сорок мужчин-китайцев. Эту историю Ольга Аркус рассказала мне сама. В один прекрасный день в амбаре началась уборка, и Ольга Аркус поняла, что ожидается визит делегации высокого ранга. Когда дверь открылась и вошли старшие офицеры Красной Армии, Аркус стала кричать: «Я здесь одна русская женщина среди сорока китайцев мужчин! Как такое может быть!?» Ее немедленно перевели в другое место, изучили дело, а затем освободили и выдали пропуск. Ольга Аркус вернулась в Харбин товарным поездом и ночью пришла в дом к Цукерманам, владельцам шоколадной фабрики. Потом она стала квартиранткой семьи Карлик, в том же доме Антипаса, где жила прежде. Многие предупреждали ее об опасности жить в этом доме и настойчиво советовали подыскать квартиру где-нибудь подальше, в другом месте, но она и слышать ничего не хотела, не обращала никакого внимания на предостережения.

Ольга Аркус рассказала мне, что, находясь в тюрьме в Гродекове до того как ее поместили в амбар, она заболела и ей понадобился врач. Так она встретила моего отца, который находился в той же тюрьме вместе с другими врачами. Он подошел и осмотрел ее, кажется, даже дал ей аспирин и теплую воду, тихо сказав при этом: «Ни слова, вы меня не знаете...». Когда она по возвращении в Харбин рассказала нам о встрече с отцом, ее слова явились еще одним подтверждением того, что нам уже было известно - мы знали, где он находится, и свидетельством того, что он жив и здоров.

Пока Ольга Аркус находилась в тюрьме, советские заняли ее квартиру и прибрали к рукам аптеку. Еврей

по фамилии Шустер, известный продавец, «старый советский» подданный, был назначен опекуном ее недвижимого имущества. Вернувшись из заключения, Ольга Аркус обратилась в советское консульство, утверждая, что случился явный грабеж, поскольку ей не предъявили никакого обвинения и ее ни разу не допрашивали. Как-то она пришла к нам и горячо заявила: «Я это так не оставлю, я разошлю письма и до Сталина дойду». Она действительно послала письма в консульство, в военную прокуратуру и в Москву, в правительственные органы.

Однажды ее вызвали на допрос к военному прокурору полковнику Гинзбургу, еврею, который специально приехал в Харбин из Москвы. На вопрос, в чем заключается ее требование, Ольга Аркус ответила: «Я требую, чтобы мне вернули квартиру и возместили причиненный ущерб, поскольку это обычный грабеж и незаконный арест». Следует отметить, что ранее советское консульство вернуло ей аптеку. «Не беспокойтесь, мы займемся этим делом», - пообещал прокурор и уехал обратно в Москву.

Между тем, был получен приказ о выводе всех частей Красной Армии из Маньчжурии, и в один из последних дней апреля 1946 года советские войска покинули Харбин. Неожиданно к Ольге Аркус явился Сашка, ординарец полковника, до вывода войск проживавшего в ее квартире. Он без труда нашел ее, потому что, как уже говорилось, она вернулась в тот же дом Антипаса, в котором жила раньше, но теперь как квартирантка семьи Карлик. Сашка арестовал ее на месте, на глазах у прохожих провел по центральным улицам города на вокзал и посадил в военный эшелон, груженный вывозимым из Харбина оборудованием. Красная Армия ушла из Харбина, а вместе с ней исчезла и Ольга Аркус.

Вскоре после этого появилось сообщение о том, что рядом с железнодорожным полотном найдено тело женщины. Для опознания на место выехал Шура Дубсон, живший в Харбине и работавший в Управлении железной дороги. В результате было установлено, что погибшая - не кто иной, как Ольга Аркус: ей перерезали горло и тело сбросили с поезда.

Еврейская община была в шоке. Это был редкий случай, исключительный по своей жестокости, однако в период советской оккупации случались и другие шокирующие события.

История семьи Скидельских

Любой харбинец знал, что состояние семьи Скидельских, владельцев угольных копей, было сравнимо с богатством семьи Рокфеллеров. У них был огромный особняк на главной улице города - Большом проспекте. На первом этаже находились апартаменты старшего брата, Соломона, на втором - младшего, Симона (Семёна), а во флигеле жила прислуга. Оба

*Особняк братьев Скидельских.
Построенный в 1914 году, он и сегодня,
находясь под охраной городских
властей, выглядит ухоженным и
как прежде производит большое
впечатление.*

брата были в разводе, их бывшие жены с детьми жили в Лондоне, а в Харбине у братьев были любовницы - русские красавицы. Дом был обставлен итальянской мебелью, стены украшали полотна знаменитых художников, в гараже стоял роскошный автомобиль, а в подвале хранилась коллекция выдержанных вин.

Харбинский особняк являлся всего лишь вершиной их богатства. Раз в году, когда мы приходили к братьям Скидельским за ежегодным пожертвованием в годовой бюджет молодежного движения «Маккаби», у нас была возможность заглянуть в мир роскоши и великолепия. Однажды мы даже попросили разрешения осмотреть дом, и управляющий устроил нам настоящую экскурсию.

В сентябре 1945 года, когда я искал отца на вокзале среди заключенных в битком набитых людьми вагонах и не нашел его, вдруг увидел Соломона и Семёна Скидельских. Они оба стояли в дверном проеме вагона. Вокруг собрались люди и русские женщины пытались бросать куски хлеба заключенным. Я был единственным евреем среди них. Вдруг подошел сержант грузин и сказал: «Если вы не разойдетесь, мы закроем двери вагонов и они задохнутся», а потом добавил: «А вообще, что здесь делают мужчины? Еще немного, и мы вас тоже втолкнем туда». Толпа медленно подалась немного назад, и я попробовал подать знак рукой братьям Скидельским. Никогда не забуду, как Соломон и Семён стояли в проеме двери вагона. Это врезалось в память на всю жизнь. Женщины снова попробовали бросить хлеб, и тогда солдаты закрыли двери. Толпа попятилась, и охранники, увидев, что люди отступили назад, снова открыли двери. Толпа вновь подалась вперед, но тут охранники сделали несколько выстрелов в воздух.

Так были арестованы братья Скидельские и их дальнейшая судьба долгое время оставалась неизвестной. Племянница Скидельских, с которой я поддерживаю связь, живет в США, имеет американское гражданство. Когда появилась возможность поехать в Москву, она отправилась туда и потребовала отмены

обвинительного приговора, вынесенного ее дядям. Ей сообщили, что один из братьев скончался по дороге в поезде, а другой - в исправительно-трудовом лагере. После ареста братьев Скидельских советские солдаты целую неделю грабили их дом. Некогда величественный, теперь особняк выглядел так, будто в него попала бомба и уничтожила все целиком. В нем не осталось ничего. Разворовали все продукты и вина, находившиеся в подвале, сорвали и растащили весь паркет, снимали с петель двери и оконные рамы, картины, мебель - все было вывезено из дома и отправлено в СССР. Многие жители Харбина приходили к особняку, чтобы собственными глазами увидеть разоренный и разрушенный дом.

Моисей Скидельский, самый старший брат, проживал по соседству с нами и поддерживал дружеские отношения с нашей семьей. В отличие от своих братьев, Моисей Скидельский до конца дней оставался в Харбине. Его дочь в 1930-е годы уехала в Палестину (Эрец Исраэль) и вышла замуж за Акиву Персица, который впоследствии стал генеральным директором канцелярии первого премьер-министра Израиля.

30-го апреля 1946 года части Красной Армии ушли из Маньчжурии, а спустя несколько часов в город вошла знаменитая 8-я Армия Мао Цзедуна. У китайских солдат не было армейской обуви, они были одеты в рваную форму и вооружены устаревшими винтовками образца 1905 года, но они были идеалистами и в высшей степени дисциплинированными. Они не грабили, не убивали и не заставляли страдать население. Правда, противников режима они предавали суду и приговаривали к смертной казни, но не причиняли вред невинным гражданским лицам. Китайская армия коренным образом отличалась от Красной Армии. Ее солдаты, голодные, в плохом обмундировании, вели себя прилично, соблюдали закон и поддерживали порядок в городе.

(Окончание следует)

Перевод с иврита Ц.Любман

ЖИВОПИСЕЦ, ФИЛОСОФ, ЧЕЛОВЕК

Виктор РАДУЦКИЙ

Рассказать о Фиме - задача почти невыполнимая. Фима прожил хорошую, долгую жизнь, и она - не «сюжет для небольшого рассказа», - и в десять захватывающих романов она не вместится.

Аарон Апрель, замечательный современный израильский художник, родившийся в Литве и с 1972 года живущий в Иерусалиме, с которым я знаком не один десяток лет и чьим мнением очень дорожу, пишет: «Его биография кинематографична, основное время творчества Фимы пришлось на ту часть 20-го века, которая была не особенно милостива к живописи и художникам. Но для Фимы - Эфраима (Ефима) Ройтенберга - его «возвращение к себе» как художника состоялось довольно своевременно и, пожалуй, удачно. Ярko проступают основные ипостаси творчества Фимы: русский характер, язык, литература, пресловутая «душа»; китайские символы и знаки, культура, способы обустройства изобразительной плоскости, оригинальная каллиграфия; израильский свет и цвет, средиземноморская горячность; и, наконец, парижская (французская) изысканность».

А.Апреля я цитирую по книге «Фима в воспоминаниях родных и друзей», увидевшей свет в 2006 году: вдова и дочь художника,

Каарина и Аннина Ройтенберг, попытались создать - наряду с множеством автопортретов Фимы - еще один его портрет.

Сотни вариаций автопортрета выполнены в разной технике. Здесь и карандаш, и пастель, и акварель, и акрилик, и масло... Есть даже автопортрет с закрытыми глазами, - а никто из общавшихся с Фимой никогда не забудет его удивительные глаза, словно ведавшие и хранившие некую тайну, недоступную простым смертным. Взгляд Фимы, казалось, был всеохватным, панорамическим, Фима как бы видел «широкоформатную» картину мира, но вместе с тем своим взглядом Фима проникал в суть вещей, ему открывались тончайшие детали, глюины и смыслы. От этого ощущения лично я, не так уж часто общаясь с Фимой, никогда не мог избавиться. Я не помню праздных разговоров, хотя Фима и задавал простые вопросы о жизни, об израильском бытии собеседника, но мне всегда слышался в его вопросах, в его высказываниях некий глубинный смысл, какой-то подтекст, даже если речь шла о вещах обыденных. Короче, простым человеком Фима не был, все в нем выглядело необычно - и внешность, и жизнь, и художественные принципы.

Но сначала - о внешности. Вот как пишет о Фиме мой давний близкий друг, прекрасный иерусалимский художник Эдуард Левин, знавший Фиму около тридцати лет: «Стариком Фима так и не стал, хотя прожил долго. В одну из наших последних встреч он сказал мне удивленно своим высоким как всегда голосом: «А ведь мне уже вот-вот девяносто!» А был он высок и строен, кисти его рук были красивы и сильны, очень живой и по-европейски вежливый».

Умен, отзывчив, обидчив, амбициозен, скромнен, бескомпромиссен и дипломатичен, скрытен и беззащитно открыт, самолюбив и способен на искреннюю дружбу и понимание, добр и колюч.

Все это и многое другое - это и есть Фима, Эфраим Ройтенберг, эстет, философ, мастер, и бесконечно - художник, художник, художник и художник.

Эстетика в его работах занимает главенствующее место. Его художественное мировоззрение и серьезнейшая профессиональная подготовка базируются на китайской школе рисунка и каллиграфии, включая и их философские основы, и их виртуозную технику. Вместе с тем Фима, безусловно, воспринял русско-европейскую школу рисунка, в частности,

французский рисунок конца 19-го - середины 20-го века.

Разным своим друзьям Фима открывался самыми неожиданными гранями своей личности. Шмуэль Аккерман, израильский художник, родившийся на Украине, ныне проживающий в Париже, вспоминает, как в 1974 году Фима, придя к ним в дом в канун субботы и принеся ароматную субботнюю халу, заговорил с его родителями на великолепном идиш. А разговаривал Фима лишь с теми, с кем он мог разговаривать по склонности душевной. Языки он знал блистательно - русский, английский, французский, иврит, китайский, но собеседников выбирал острый глаз Фимы и какое-то его внутреннее чутье человека прямого, честного, лишённого предубеждений и предрассудков. Вспоминает мой друг детства, известный израильский художник Ян Райхваргер: «Фима, хотя и говорил на великолепном русском, был чужим среди израильских русскоговорящих художников. Но в то же время Фима, прекрасно владея ивритом, был чужим и в среде израильских ивритоговорящих художников. Причина этого отчуждения - язык его искусства, китайская каллиграфия».

Доктор Чонг Чаочу в своем очерке под названием «Фима - еврейский художник, любящий Китай», пишет: «Когда я впервые увидел работы Фимы, то почувствовал некую близость, нечно, нас соединяющее. Позднее, ближе познакомившись с художником и с его творчеством, я понял: нас объединяет привязанность к Китаю».

Итак, Китай. Вот с Китая и начнем.

Фима - Эфраим (Ефим) Ройтенберг - родился в 1916 году в Харбине, где затем учился в русской гимназии, вынеся прекрасное знание и русского, и китайского языков. Отец Фимы, инженер Александр Ройтенберг вместе с женой Алек-

сандрой Фишман оставил Россию в 1904 году и прибыл в Китай, где работал на строительстве Китайско-Восточной железной дороги. Когда в России произошла революция, Александр Ройтенберг решил остаться в Китае, но, увы, профессиональная карьера его не сложилась. Став предпринимателем, он не достиг финансового благополучия, и Фиме с 14 лет пришлось заботиться о хлебе насущном.

В 1934 году, закончив гимназию, Фима переехал в Шанхай, куда ранее перебралась его семья. Днём Фима работал, а вечерами учился в Школе архитектуры, но вскоре архитектуру оставил, целиком сосредоточившись на живописи. Он брал частные уроки у русского художника М. Домрачева и художника из Вены Эрнста Генделя, чья портретная живопись глубоко поразила Фиму, начинавшего свой творческий путь. В том же 1934 году Фима поступает в русскую академию художеств в Шанхае (ИЗО). Здесь его учителем был художник Кичигин. Вскоре директор Академии профессор Анастасьев (сохранился его карандашный портрет, сделанный рукой Фимы) предложил ему место преподавателя по классу рисунка. Сам Фима начал изучать китайскую каллиграфию, углубился в китайскую философию.

В 1946 году Фима открывает в Шанхае на улице Корнель собственную студию живописи, проясняет себя и как театральный художник, подготовив декорации к постановкам «На дне» и «Борис Годунов». В 1947 году в Еврейском клубе Шанхая открылась первая персональная выставка художника. И студия Фимы на улице Корнель, и Еврейский клуб Шанхая, который еще в 1932 году учредил российский еврей-предприниматель Блох, находились на территории французского сэттльмента. Там же, в здании

«Французского альянса», Фима принял участие в выставке «Пять русских художников Шанхая» (1948 год). Потом количество его выставок будет исчисляться десятками. Последняя прижизненная выставка, в которой участвовал Фима, состоялась в Гонконге в 2004 году. Еврейская община Гонконга организовала экспозицию «100 лет израильской живописи». Фима, отметивший свое 90-летие, удивил всех, совершив нелегкий перелет из Израиля и явившись на открытие экспозиции. Так замкнулся круг: первая выставка была в Китае и последняя - там же.

Последняя по времени посмертная выставка Фимы в галерее «Бинет» в 2006 году называлась «Автопортрет». Мы с этого (с автопортретов художника) и начали рассказ о Фиме. Эта выставка подвела итог почти сорокалетнему сотрудничеству художника с галереей, которая открыла еще в 1966 году в Иерусалиме персональную выставку Фимы, имевшую большой успех. География персональных выставок художника весьма разнообразна: его картины видели в лучших музеях и галереях Израиля, Финляндии, США, Лондона, Парижа, Гонконга, Швеции, Дании, Канады. А если учесть и групповые выставки, в которых принимал участие художник, то перечень городов, где побывали картины Фимы, займет немало места.

Итак, в 1947 году состоялась первая персональная выставка, открывшаяся в Шанхае, в Еврейском клубе, а следующая персональная выставка картин Фимы состоялась в 1953 году в Еврейском государстве: музей города Беэр-Шевы, столицы Негева, предоставил свои стены художнику. В 1949 году Фима репатрировался в Израиль.

В 1945 году закончилась не только японская оккупация Шанхая. Рус-

скоговорящей еврейской общине было абсолютно понятно, что та разнообразная культурная жизнь 1920- 40-х годов, которую поддерживали более чем 30 тысяч обосновавшихся в Шанхае евреев из разных стран, с их десятками газет и журналов на немецком, русском, польском, идиш, с выставками, концертами, спортивными соревнованиями, библиотеками и клубами, навсегда ушла в прошлое. Евреи уезжали на постоянное жительство в США, Канаду, Австралию, Израиль, и в 1948 году общее число шанхайских евреев сократилось до 10 тысяч. А после октября 1949 года, с образованием КНР, китайское правительство начало предпринимать меры по депортации евреев, поначалу настойчиво предлагая им вернуться на родину. После окончания Второй мировой войны СССР разрешил эмигрантам из России получать советское гражданство, и значительное число российских эмигрантов, включая и евреев, переехали в СССР. Фима не стал дожидаться провозглашения КНР. Он выбрал Израиль, куда и прибыл 3 февраля 1949 года. Для него это был единственный выбор. Он мог бы найти себе место во многих странах мира, но после Второй мировой войны, после страшной трагедии еврейского народа, после провозглашения в 1948 году Государства Израиль для Фимы выбор был однозначным.

Нет, Фима не был записным патриотом, его любовь к Израилю отнюдь не исключала самого критического отношения к неприглядным сторонам израильской жизни. Многие из нас, общавшихся с Фимой, помнят его горящие глаза, орлиные брови и гневные возгласы: «Пкидим! Пкидим!» (на иврите - «чиновники»). Для Фимы, как и для многих, прибывших в Израиль из мест иных, болезненным было

столкновение национальной идеи с национальной реальностью. Встречи с бюрократией, с чиновниками разных типов и рангов, в том числе и с чиновниками от искусства, еще впереди, а пока, в 1949 году - реальные трудности молодого государства, выигравшего свою первую кровопролитную войну за Независимость, в которой погибло более десятой части населения. В стране была явная нехватка продовольствия, предметов первой необходимости, страна принимала огромные массы беженцев, была введена карточная система.

О первом десятилетии Фимы в Израиле рассказывает Ривка Элиав, интереснейшая иерусалимская художница, моя давняя приятельница: «Мы встретились с Фимой в начале 1950-х годов в Беэр-Шеве¹. Кто-то рассказал мне, что тут есть новый репатриант из Китая, он работает инженером-строителем. Это была героическая эпоха. В пустыне строился город. Фима тяжело работал, около десяти лет он возводил дома для новых репатриантов. И он гордился своим вкладом в строительство, видел огромный смысл в своей работе строителя. Я приехала к нему, нашла его в крохотной тесной комнатухе, в бараке из асбеста (такое жилье в Израиле называли «асбестон»), а его рисунками были увешаны все стены, от пола до потолка. Вот

¹ После арабских беспорядков 1936 - 1939 годов евреи покинули Беэр-Шеву. Во время войны за независимость Беэр-Шева была взята израильскими войсками (21.11.1948), и на сей раз почти все нееврейское население оставило город. Здесь стали селиться в основном новые репатрианты из стран Северной Африки, Ирака, Индии, Румынии, Польши, Венгрии. Начиналось бурное строительство, город расширялся, стал административным центром. Строительные работы велись круглосуточно, но жилья все равно не хватало. (Примеч. В.Р.)

китайская пара на скамейке, вот пейзаж в черно-белом, каллиграфия в восточном стиле, мне почти не знакомая. Я увидела человека интересного, немного странноватого, который не лезет за словом в карман. Мы подружились. Мне удалось устроить его первую выставку в мечети Беэр-Шевы, где тогда размещался городской музей. Успех был небывалый».

Это было в 1953 году. А спустя 52 года, в самом начале октября 2005 года, Ривка Элиав навестит Фиму, чтобы поздравить его с Новым еврейским годом. «Фима был слаб, лежал в постели, но встал, надел свой любимый красный свитер, смотрелся хорошо, был он, можно сказать, человеком вне возраста, каким он и выглядел всегда, - рассказывает Ривка. - Фима шепнул мне: «Хватит. Довольно. Надоело уже...» А спустя самое короткое время, в ясном уме, все осознавая, он ушел от нас. И мне выпало счастье проститься с дорогим и любимым другом. И я была последней из друзей, с кем он виделся».

Еще один круг замкнулся: Ривка Элиав первой помогла Фиме предстать перед широкой израильской аудиторией и последней из друзей простилась с Фимой.

Летом 1954 года Фима впервые отправляется в Европу, выбрав, разумеется, Италию и Францию. Италия сразу показалась ему «своей», знакомой страной, и его друзья, супруги Медини, которых Фима водил по итальянским музеям, были потрясены его глубокими знаниями итальянского искусства. Они поверить не могли, что человек впервые ступил на итальянскую почву, а не прожил здесь всю жизнь, не вылезая из музеев и галерей. Во Франции, в Париже художник задержался на шесть месяцев, много раз бывал в музеях и галереях, ездил в музеи Голландии. В парижском Музее Человека

(Musée de l'Homme - всемирно

известный музей антропологии) Фима открывает для себя африканские маски и скульптуры. Под впечатлением увиденного он создает несколько серий рисунков пером и тушью - знамение нового пути, новых подходов к собственному творчеству.

Завершая первое десятилетие своей израильской жизни, Фима выставляется в иерусалимской галерее «Рина» (1958). Его выставка называлась «Чистые формы и скрытые символы». Впервые он подписал все свои выставленные картины «Фима» - сокращенное от Ефим (Эфраим). Отныне он станет известен всему миру под этим именем.

В этом же году Фима принимает участие в выставке «Десять лет израильской живописи», состоявшейся в иерусалимском Доме художника. Четыре картины Фимы приобретает известный коллекционер Бернард Гиттельсон, что позволяет художнику обзавестись собственной студией в Иерусалиме. В 1960 году галерея «Рина» устраивает еще одну выставку Фимы - она называлась «Ландшафты фантазии» - и в этом же году Фима впервые выставляется в Музее искусств города Балтимора (США). Сему способствовало знакомство с Эвелин Брескин, искусствоведом, пригласившей Фиму в США. Правда, еще в 1957 году галерея «Делиус» в Нью-Йорке предложила Фиме принять участие в коллективной выставке, и, можно сказать, американские зрители уже встречались с картинами Фимы, но выставка в Балтиморе была первой персональной зарубежной экспозицией.

О весьма длинном списке городов и стран, где побывали картины Фимы, мы уже говорили, а здесь стоит добавить, что существует еще обширная библиография тех работ и изданий, где обсуждается творчество Фимы. Эти публика-

ции выходили на многих языках, в том числе и на русском. Фима упомянут во всех солидных энциклопедиях мира, где говорится об искусстве и художниках.

В израильской прессе самые глубокие слова о Фиме сказала Мирьям Таль (1910 - 1981) - замечательный израильский художественный критик, историк искусств, переводчик.

Новые репатрианты из Советского Союза 1970-х годов называли ее «наш ангел-хранитель». Блистательно владея ивритом (в Еврейском университете в Иерусалиме изучала философию и историю искусств), русским (родилась в России и до 1918 года жила там), польским (несколько лет жила в Польше), немецким (в 1920-1924 годах жила в Германии), французским (с 1924 по 1930 год жила в Брюсселе, где окончила гимназию), английским (с 1930 года жила в Эрец-Исраэль, управлявшейся британскими мандатными властями, в годы Второй мировой войны вступила в Британскую армию, служила в штабе в Иерусалиме), Мирьям добровольно помогала новым репатриантам, безвозмездно переводила их документы на иврит (и автор этих строк бережно хранит свой диплом и трудовую книжку, в свое время переведенные на иврит Мирьям Таль).

Но - главное! - Мирьям постоянно хлопотала о литераторах, музыкантах, художниках, помогала организовывать концерты, публикации, персональные и групповые выставки, особо пропагандировала в прессе новое русское искусство, публикуя в лучших искусствоведческих изданиях критические статьи и обзоры, выступая в периодике. Самые крупные и авторитетные израильские газеты предоставляли ей свои страницы, и не только израильские. Искусствоведческие работы Мирьям Таль были хорошо известны в

Европе. Она дружила со многими крупнейшими художниками. В ее иерусалимском доме по улице Хазанович среди книг и картин, подаренных авторами, была и большого формата книга Марка Шагала «Моя жизнь» с предисловием Мирьям Таль. Марк Шагал лично обратился к Мирьям с просьбой написать предисловие, а когда книга вышла, он преподнес ее автору предисловия с теплой дарственной надписью, отмечая и личную свою привязанность к Мирьям и уважение к ее высокому профессионализму. Кстати, дом, где жила Мирьям Таль, принадлежал еще ее отцу, доктору Розенталю (отсюда и фамилия «Таль» - «роса» на иврите), выдающемуся израильскому врачу, который погиб, направляясь в больницу «Хадасса», где он работал: автомобиль врача был обстрелян арабами.

Мирьям (домашние называли ее по-русски «Маня») заметила Фиму сразу. И выделила. По сродству душ. Вот что Мирьям Таль пишет о Фиме: «На всех языках Фима всегда говорил по-русски. Его речь, его привычки, обычаи были из того «старого доброго времени». Великолепный фимин русский был наполнен прекрасными, но, увы, забытыми русскими оборотами с дореволюционных времен».

Принципы русской реалистической школы, на которых был воспитан Фима, безусловно, были близки Мирьям Таль, ибо и она, прежде всего, ощущала очень сильно свои русские корни. Но и влияние китайского искусства, умение одним штрихом, деталью, полунамеком передать восприятие огромного мира, - а это Фима умел делать прекрасно, - естественно, было очень понятно Мирьям, которая стала «своей» в мультикультурном мире, глубоко понимающая и европейское искусство, и искусство Востока.

Мирьям, как никто другой, чувствовала, что Фима переживает трудные времена. Рисовал он, как об этом рассказывала Ривка Элиав, урывками, по ночам, в редкие свободные дни. Да и с израильскими художниками более тесные отношения не складывались. В Израиле Фима нашел совсем иную школу живописи, пожалуй, «иные школы» - обилие художников из разных стран породило разнообразие «школ» и художественных подходов. А ведь еще надо было привыкнуть к иному, интенсивному свету, иной, экзотической природе, иной цветовой гамме, иному ритму и темпу жизни. Но Фима ничего не делал впосилы. Он и работал интенсивно, и личная жизнь его протекала весьма бурно: дважды Фима был женат в течение первого своего израильского десятилетия, и оба этих брака завершились разводом, как разводом завершился и его первый брак в Китае.

Здесь следует прерваться и рассказать, что внешне Фима обладал необычайной, был он одухотворенно красив, женщины его любили, и он любил женщин. Всего Фима был женат пять раз, родил пятерых детей, дети родили ему двадцать три внука, а те - семь правнуков. Судьба разбросала всех детей по свету, но Фима под конец жизни сумел их собрать - есть такая фотография, сделанная в Иерусалиме в 1997 году, где он в окружении своих пятерых детей. Особая история - поиски его старшего «китайского» сына Юрия. В 90-х годах прошлого столетия Юрий прибыл в Париж, где тогда жил Фима с семьей, о чем свидетельствуют фотографии 1996 года, а в следующем, 1997 году, Фима побывал в Рио-де-Жанейро, где жил Юрий, один из руководителей бразильской национальной авиакомпании. На своем самолете Юрий прилетел в Израиль, поражая русскоговорящих друзей

Фимы тем, что сумел сохранить русский язык, правда, с некоторым акцентом.

Итак, в доме Мирьям Таль Фима нашел и духовную атмосферу, и взаимопонимание, и поддержку. Но еще он нашел и Раму, дочку Мирьям Таль, которая родила ему сына Александра, ныне раввина Александра Ройтенберга. С 1961 года Рама и Фима поселяются в Париже, где Фима надеялся преодолеть тот творческий кризис, который начал переживать еще в Израиле. Это ему удастся не сразу. Первые шесть месяцев он не может работать, мучительно раздумывая над продолжением своего творческого пути. В поисках собственного, только ему присущего голоса, Фима делает выбор: он возвращается к своим «китайским» корням, рисуя в духе Тао и в технике «в одно касание» - быстрое мягкое прикосновение кисти к полотну, к бумаге, «уан тач», как по-английски называл это сам Фима. «Выбор Фимы, - утверждает художественный критик, умудренный опытом куратор многих выставок Патрик Жаве, - это выбор этический».

С 50-х годов 20-го века западные художники начинают более пристально вглядываться в культуру Китая. Фима, с 1961 года живший в Париже, попал именно в такую среду, где были востребованы его сведения - из первых рук - о Китае, его искусстве, быте, философии. И этот его опыт открывается не только в содержании его работ, но и в стиле.

В абстрактных работах Фимы пространство не ограничено, и оно решительно отличается от трехмерного пространства, известного нам из повседневного опыта. Волшебством колористической гаммы Фима создает «пространство воображения» и атмосферу таинственности... Художник, решивший вернуться к своим корням, - а это чувствуется, к

примеру, в портрете Рама (1963, тушь, бумага) - рисует «Аквариум» и «Плывущие пейзажи», близкие по стилю к живописи Дальнего Востока. Искусствовед Жак Лассень высоко оценил эти работы Фимы и предложил художнику участвовать в организованной им выставке «Формы впечатления», которая должна была открыться в престижной парижской галерее. Владелец ее был Жак Массоль, понимавший и в искусстве, и в коммерции. Он сразу оценил работы Фимы и, как говорят художники, «взял» его в свою галерею. Первая персональная выставка Фимы в Париже была устроена им в 1963 году в той же галерее.

Картинами Фимы заинтересовались и галереи Лондона. При поддержке Рама Фима решает остаться в Париже и посвятить все свое время интенсивной работе. А работы Фимы уже известны и галереям Израиля. В том же 1963 году Фима на короткое время возвращается в Израиль. Здесь с ним знакомится Гершон Бинет, только что открывший свою галерею в Иерусалиме. Так началось плодотворное сотрудничество художника и галереи «Бинет», длившееся около 40 лет, вплоть до смерти Фимы, несмотря на то, что сам Гершон Бинет ушел из жизни в 1973 году.

Все складывалось хорошо - и работа, и признание. Найден и собственный стиль - соединение усвоенных еще в юности идей традиционного искусства Востока с элементами абстракции, не без влияния языка и приемов современного европейского искусства. Но тут случилась трагедия: в 1964 году неожиданно скорострительно умирает Рама. Фима подавлен, он пытается вернуться к работе, переезжает в другую студию, создает красочный портрет Рама (1965 год). На этом портрете Рама с огромными глазами, с чуть удли-

ненной «модильяниевской» шеей. Фима, как и во многих других своих портретах, пытается найти, расшифровать тайну человека, проникнуть самому в эту тайну и представить ее миру. Он отправляется в те места, где еще не был, в Скандинавию (1966 год), предварительно заехав в Израиль, где Гершон Бинет устроил в своей галерее персональную выставку Фимы.

В финском городе Турку над старинным зданием городского музея реял флаг Израйля в знак того, что израильский художник Фима демонстрировал свои работы, составившие весьма представительную экспозицию. Финляндия на целый год стала домом для Фимы, и немалую роль в этом сыграла студентка из университета Турку Каарина Йоккинен, изучавшая английский и французский языки. Фима и Каарина нашли общий язык - до кончины художника. В 1967 году они поженились и стали жить в Париже. Каарина - подлинная жена художника, из сказок про художников. Среди художников встречались счастливицы, чей союз с женщиной был прочным, устойчивым, способствовавшим творческим достижениям. Скажем, у Альбера Марке, изумительного мастера пейзажа, рисовавшего Париж, Сену (его «Набережная в зелени» находится в Эрмитаже), была Марсель, жена, опора, друг, советчик. У Йосефа Зарицкого, израильского художника, уроженца Борисполя, что под Киевом, приехавшего в Эрец-Исраэль в 1923 году, прожившего долгую, нелегкую жизнь, одного из создателей абстрактно-лирического направления в израильской живописи, была жена Соня, которая разделила с художником и его судьбу. И Фима с полным основанием причислял себя к тем счастливицам, которым по-настоящему повезло с женой. Каарина посвятила Фиме

всю свою жизнь, создала уютный дом, где всегда царил образцовый порядок. Каарина следовала за Фимой, она осознала и разделила неразрывную связь художника с Эрец-Исраэль. Эту связь глубоко понимала и воспринимала Аннина, дочь Фимы и Каарины: «Тебе, «аба» («папа» - иврит) я обязана своей огромной любовью к Израйлю, которую ты передавал мне с воодушевлением с самых юных моих лет. Иногда люди спрашивают меня с удивлением: «Откуда взялась эта тесная, неразрывная связь с Израилем, любовь и привязанность к Эрец-Исраэль, ведь ты выросла в Париже?» Мой ответ прост: все это - следствие твоего воспитания, «аба», твоей преданности, твоей искренней, неисчерпаемой привязанности к Нашему Дому».

Фима был счастлив, он обожал своих женщин. Помню, как в начале 1980-х годов, в один из своих частых визитов в Израиль он сказал мне, указывая на шедших нам навстречу Каарину и Аннину: «Мои женщины - вот что по-настоящему держит меня на свете».

Фима, как уже говорилось, часто приезжал в Израиль. Прожив в Париже более 40 лет, он тем не менее сохранял за собой иерусалимскую студию, словно связующую ниточку с Эрец-Исраэль, которую ни в коем случае нельзя оборвать. Фима был чужаком в мире искусства Израйля с самого первого своего появления в стране, хотя и были схожие творческие аспекты в принципах абстрактного подхода к искусству, которые Фима привез из Китая, и теми абстрактными направлениями, которые уже проявились и начали доминировать в израильском изобразительном искусстве. Своим коллегам Фима виделся пришельцем «из ниоткуда». Действительно, он не из Германии или Франции, а искус-

ство этих стран оказало решающее влияние на израильских художников, - он из Китая, чье искусство было почти неизвестно здесь, хотя на Западе об искусстве Китая, Японии и вообще Востока знали уже немало. Но и живопись Фимы, и его личность долго казались чужими и странными израильском истеблишменту.

Однако Фима умел завоевывать сердца. В 1970 году, благодаря хлопотам и усилиям сэра Филиппа Хенди, филантропа и знатока искусств, в Музее Израйля в Иерусалиме открывается персональная выставка Художника. А в следующие два года, 1971 - 1972, Фима преподает в университете города Хайфы, где сразу становится обожаемым Учителем, другом, собеседником. Прошло более 35 лет, а его студенты не могут забыть своего преподавателя, навсегда покоровшего их сердца, и об этом они трогательно пишут в книге воспоминаний, посвященной Фиме.

Фима продолжает завоевывать сердца. В 1970 году Еврейский музей в Нью-Йорке представляет его работы широкой публике. Огромную роль в организации этой выставки сыграл нью-йоркский историк искусств Аврам Кампор. Позднее в свой объемный искусствоведческий труд «От Шагала до Китая: еврейский опыт в искусстве XX века» Аврам Кампор включает и обзор творчества Фимы. Несомненным успехом была и экспозиция работ Фимы в Музее Тель-Авива, в знаменитом Павильоне Елены Рубинштейн, которую организовал в 1976 году доктор Хаим Гамзу, один из основателей ныне всемирно известного Музея Тель-Авива, выдающаяся фигура в истории израильского искусства, художественный и театральный критик.

Хаим Гамзу (1910 - 1982) родился в России, прибыл с родителями в Эрец-Исраэль в юном возрасте,

изучал искусство в Сорбонне, в Париже, а в Вене штудировал философию, получив степень доктора философии. Д-р Гамзу основал в Рамат-Гане театральную школу «Бейт-Цви» (1961), долгие годы был директором Музея Тель-Авива, он автор ряда книг по изобразительному искусству, искусству театра, а также интереснейших путевых заметок, написанных по следам его путешествий по Южной Америке. Глубокий и тонкий знаток искусства, Хаим Гамзу судил строго, писал остро, афористично. Наш замечательный писатель-юморист Эфраим Кишон даже придумал глагол, означающий уничтожающую критику из уст Хаима Гамзу: «лигмоз». Я бы перевел его на русский как «угамзить». «Ну и угамзил тебя сегодня Хаим», - говорил Эфраим Кишон неудачнику, попавшемуся на перо доктора Гамзу. А вот его рецензия на пьесу «Сами умрет в шесть»: «По мне, он может умереть еще в пять». Многие из его афоризмов стали классикой, но, увы, по недостатку места я ограничусь вышесказанным. И вот именно доктор Хаим Гамзу, человек безупречного художественного вкуса, непрекаемый авторитет, приглашает Фиму, устраивает его выставку в престижном музее, расположенном в сердце Тель-Авива. Это несомненное признание творческих достижений Фимы. Можно было бы представить обширнейший список всемирно известных музеев и галерей, где выставлялись работы Фимы после 1976 года, после успеха его экспозиции в Музее Тель-Авива. Но я расскажу не о выставках, а о ПОСТУПКЕ: в 2002 году Фима навсегда оставляет Париж, где прожил 41 год, и навсегда возвращается в Иерусалим. Круг замкнулся... Фима и Каарина поселились в небольшой квартире на улице

Бурла. С балкона открывался вид на красивое овальное озеро, расположенное на территории близлежащего Ботанического сада. «Долго же мы искали эту квартиру, - рассказывает Каарина, - но когда я вышла на балкон и увидела озеро... Я же из Финляндии, я не могу без воды». Каарина развела на балконе настоящий сад, а Фима создал многочисленные изображения выращенных Каариной цветов, хранившиеся в папках, ящиках и на стенах фиминового кабинета, где царили безупречные чистота и порядок. Конечно, в заключение можно было бы привести здесь цитату, завершающую статью о Фиме в изданной по-русски в Иерусалиме Краткой Еврейской энциклопедии: «Единство мира, выражающееся в сопоставлении самоценной детали и безграничного пространства - основная тема произведений Фимы, в каждой из работ он ставит перед собой живописную задачу гармонизации колорита, создавая узор из прозрачных масс и света». (Далее следует перечень некоторых работ Фимы, которые находятся в различных израильских собраниях»). А можно завершить словами Аарона Априля, замечательного художника, тонко и глубоко понимающего и чувствующего искусство. Его словами начинался этот очерк, его же словами можно его и закончить - круг замкнулся. «Умение “сжать пространство”, сократить до минимума число объектов, обрести плоскость мотивами китайской каллиграфии и другие компоненты его живописи заставили меня вспомнить персонаж Франца Кафки, который долго всматривался в кажущуюся пустоту (подчеркнуто автором. - В.Р.). Из “кажущейся пустоты” возникает его мир, мир Фимы, при каждой встрече зовущий к новым ассоциациям. Фима мог возмущаться и ругаться,

остро реагируя на нелепости современной цивилизации, будь то израильский или парижский ее вариант, но как художник он был по-детски восторжен, юношески остер, по-взрослому устойчив и стоек».

Но я закончу по-иному: не указывая авторов, приведу слова друзей Фимы, говоривших и писавших о нем.

«Фима - человек, еврей, китаец, русский, израильтянин, художник, знаток языков, друг, отец - но более всего он был Фимой! И никем иным... Верил во Вселенную, в ее очарование, в любовь».

«Фима - поэт цвета и формы. Великолепная рука и острый глаз. Чувство гармонии».

«Незабываемы его беседы о литературе - художник СЛОВАМИ РИСУЕТ свои впечатления».

«Фима, несомненно, человек Ренессанса».

«Фима - честный, смелый и свободный, он никогда никому не кланялся, а когда надо было, даже бил морды, как это принято во все времена у настоящих мужчин».

«Его отличала редкая порядочность. А как он умел смеяться! С жаром обсуждал и искусство, и израильскую политику. И эти обсуждения сами по себе были подлинным искусством».

«Фима всегда был русским. Он - неисправимый, неистребимый русский. Так мы, израильтяне, воспринимали его, хотя он никогда не жил в России и нога его никогда не ступала на землю этой страны».

«Родившись в Шанхае, прожив 35 лет в Китае, а затем более 40 лет во Франции, Фима не был ни китайцем, ни французом. В его культуре, в его акценте неизменно чувствовалась его «русскость». Его искусство трудно ограничить какими-либо рамками или «измами». Он не был каллиграфом-писцом, но был искусен

Окончание на стр. 26

Я ПИШУ ПО-АНГЛИЙСКИ О РУССКОМ КИТАЕ

Нора КРУК, Сидней, Австралия

Стихи разных лет

(Окончание. Начало в № 411)

* * *

Выдаётся счастья полчасика:
Утро, птицы, и стишок удался,
И не высохла ещё роса,
И никто ни с кем на распрощался.

Как растрёпанный жасмин душист!
Я ищу в твоих глазах улыбку
И молюсь, не веря ни во что,
Чтобы врач не совершил ошибку.

Австралия, 90-е

* * *

Роза стояла, как балерина,
белая, с поцелуем кармина,
светлая, словно так - навсегда,
словно не в Лету течёт вода,
а к пикнику у живой реки.

Чуть задохнувшись благоуханьем,
роза держалась вторым дыханьем.
... Я соберу её лепестки.

Австралия, 2000-е

* * *

На дереве этом трезвом,
 большом, узловатом, прочном,
Как сон, расцвели, как чудо
 немыслимые цветы.
И стало дерево новым:
 нетронутым и порочным,
Раздвоенно-человечным
 и снова юным, как ты.

Шанхай, 40-е

Emerald City *

В этом городе изумрудном -
Бухты, пляжи, загар на лицах,
Джакаранды, спортклубы, бары,
Небоскрёбы и «ягуары»,
А в траве у скамеек - шприцы.

Почему же уходят дети?
Часто - штопором, прямо в ночь...
Мы чего-то недосмотрели,
Недослушали, не сумели
 ... чем помочь?

Австралия, 2000-е

* * *

Как положено, постарела,
Опостытели побрякушки,
И готова с бокалом, в кресло,
В ярко-шёлковые подушки.

Чтоб нахлынуло вдохновенье,
Под рукой рождались шедевры,
И родные бы ублажали,
А не действовали на нервы.

И как бабушку и прабабуку
Уважали б меня «за леты»,
За стихи на чужом наречьи,
За бефстроганов и котлеты.

Австралия, 2000-е

* * *

Бывает ночь, когда мне тридцать лет...
Ну, пятьдесят - да ведь не в этом дело!
А в том, что ночью закипает бред,
И молодеют и душа, и тело.
И радость расцветает, как сирень,
Считаю лепестки, смеюсь и плачу.
Я не сумела удержать тот день,
Не верила, что я его утрачу.

Австралия. 2012

* * *

Зеркала... мы писали о них с придыханьем,
Их таинственный мир был прекрасен и молод.
Все обиды лечились волшебным касаньем,
Врачевала улыбка наш тайный голод...

О предательстве зеркала всем известно:
- Кто белей и румяней? - И та, и эта...
Опасаясь, что мненье зеркал не лестно,
Не прошу у стеклянной судьбы ответа.
Но порой... Проходя близ зеркал нескромных,
В голове подбирая стишок по слуху,
Я ловлю чей-то образ... Неужто маму?
Нет, не маму, а чуждую мне старуху.

Австралия, 2011

* * *

Хоть стихами поймать уходящий день,
Уходящей жизни невозвращенец.
Где-то будет цвести и дышать сирень,
День рассыплется, отщепенец.

Но сегодня мой этот день земной,
Книги, музыка, вкус и запах,
Шевеленье строчки и голос твой,
И решенье чьё-то, что бывший мой
На беззвучных уходит лапах.

Австралия, 2012

* * *

При всей моей любви
К словам живым и мёртвым,
Непонятым словам,
Словно трусливо стёртым,
Я не сказала тех,
Что жгут сегодня грудь.

Шепчу себе: забудь.

Австралия, 2012

Игуд Иоцей Син выражает глубокую признательность
Норе Крук, поэту русской эмиграции,
за сборник стихов «Я пишу по-английски о русском Китае»
и желает автору продолжать дарить своим читателям
радость встречи с поэзией

Стихи в жизни я писала периодически.
Но, оглядываясь назад, можно сказать -
это была большая часть моей жизни...

От русских стихов никуда не уйти,
Что же ещё осталось?
В англоязычном моем пути
Слово не затерялось.

Нора Крук

КАКОЕ МОРОЖЕНОЕ ВЫ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ?

Бальфура ФРЕНД ЛЕВАЙН

Сегодня вечером на десерт я выбрала «спумони» - мороженое родом из Италии, сделанное слоями разного цвета и вкуса: иногда оно бывает шоколадное, со вкусом мяты или орехов пекан. Особое удовольствие доставляет мне мятное мороженое. Раньше такое мороженое с особым вкусом обычно покупали в праздник Рождества у «Крогерс», а теперь оно продается круглый год. Ну, и что, спросите вы, все едят мороженое и летом, и зимой, как в добрые старые времена. Однако это не совсем так. Когда я мысленно возвращаюсь в прошлое, в свое детство, прошедшее в Китае, то вспоминаю мороженое «Хейзелвуд», которое продавалось чаще всего в маленьких стаканчиках. Помню только вкус ванили и, конечно, маленькие деревянные ложечки, которые подавались вместе со стаканчиками. И еще я вспоминаю жаркие летние месяцы в Шанхае (как в штате Джорджия), когда мы ходили в

Джессфилд-парк и папа покупал мне маленький стаканчик этого восхитительного мороженого. Кажется, оно стоило пять центов, но у кого в то время были лишние деньги, чтобы тратить их на мороженое. Пожалуй, лишь пару раз за лето я могла полакомиться таким деликатесом.

Помню, как однажды мы с нашим классом пришли на фабрику «Хейзелвуд» на экскурсию. Нам показывали, как делают мороженое, а потом каждый из нас получил в подарок стаканчик с таким мороженым. Как было здорово! Какой это был особенный день тогда, более восьмидесяти лет назад!

В 1947 году мы с моим другом детства и попутчиком отправились из Шанхая на пароходе “S.S.General Gordon” в Америку. Сойдя на берег в Сан-Франциско, мы на следующий день решили прогуляться по знаменитой улице Маркет-стрит и зашли в «магазин одной цены» сети «Вулворт» - «Всё по пять и

десять центов» (Five-and-Dime store), чтобы отведать некоторые из их лакомств. Официантка в фирменной униформе спросила нас, приезжих, что бы мы хотели попробовать, может быть, мороженого. Получив утвердительный ответ, она спросила, какого вкуса мороженое мы предпочитаем. Мы поинтересовались, что она может нам предложить, и, услышав, что у них есть мороженое любого вкуса, ответили, что хотим попробовать разное. Мне кажется, я и сейчас вижу круглые от удивления глаза официантки, которая терпеливо объясняла нам, что список мороженого того или иного вкуса висит на стене, и из него надо выбрать одно. Воспоминание о нашем первом американском опыте уже не приводит меня в замешательство, а вообще, если мне не изменяет память, мы заказали тогда мороженое со вкусом ванили! Боже, Храни Америку!

“The Renaissance Journal”

*С наилучшими пожеланиями Ассоциации
ИГУД ИОЦЕЙ СИН
в знак признательности за прекрасную работу
на протяжении многих лет*

*Лео РЕГЕВ, Герцлия, Израиль
(в прошлом Лёва РОГОВИЧ, Тяньцзинь)*

Традиционная ежегодная встреча земляков, на которой по традиции вручаются стипендии студентам – детям, внукам и правнукам выходцев из Китая, состоялась 22 декабря 2015 года в Музее диаспоры на территории кампуса Тель-Авивского университета.

К назначенному часу стали собираться друзья-земляки, которые всегда с радостью спешат увидеться с друг с другом и сопровождают своих потомков, теперь уже внуков-стипендиатов. Руководители Игуд Иоцей Син Иоси Клейн, Ран Вейнерман, Тедди Пястунович радушно встречали гостей из МИДа Израиля, муниципалитета Тель-Авива, представителей научных кругов, культуры и прессы. В центре внимания были китайские гости: посол КНР в Израиле Чан Юнсинь и представители посольства. Среди собравшихся было немало молодежи – израильские студенты и китайские студенты, обучающиеся в Израиле.

Встреча началась задолго до торжественной части. Как всегда в фойе встречались друзья, завязывались новые знакомства. Собравшиеся беседовали на иврите и английском, русском и китайском. Приятной обстановке способствовало легкое вкусное угощение.

В Израиле растет интерес к Китаю и китайскому языку. В нашей семье, например, внучка уже четвертый год занимается китайским в средней школе, а летом она с группой изучающих язык побывала в Китае – их возили в Пекин и Шанхай для знакомства со страной.

Вечер открыл вице-председатель ИИС Ран Вейнерман. С докладом о деятельности Ассоциации выступил председатель ИИС

Иоси Клейн. Он приветствовал китайского посла и других китайских гостей, поблагодарив их за дружеское отношение к выходцам из Китая. Говоря о работе Ассоциации, И.Клейн сообщил о материальных трудностях и активных мерах, предпринимаемых руководством для их преодоления.

С приветственной речью выступил посол КНР в Израиле Чан Юнсинь. Он отметил укрепление дружеских связей и расширяющееся сотрудничество обеих стран в различных областях. Тепло выступили и другие гости.

Известная израильская актриса и певица Сарале Шарон как всегда сумела создать праздничную атмосферу, привлекая к участию в ее выступлении желающих из публики и китайских гостей, в том числе господина посла Чан Юнсиня.

Затем состоялось вручение стипендий из фондов ИИС и Общества дружбы Израиль-Китай. В этот раз стипендиатами стали 72 израильских и 11 китайских сту-

дентов. Тематика, которая привлекает китайскую молодежь, обучающуюся в Израиле, оказалась разнообразной: иудаизм, Холокост, археология, искусство и даже освоение пустыни. Следует отметить, что в свою очередь немало израильских студентов отправляются учиться в Китай.

В заключение вечера всех стипендиатов пригласили на сцену, чтобы по традиции сделать общую фотографию с руководителями ИИС и почетными гостями, сидевшими в президиуме. Иоси Клейн сообщил о том, что офис Игуд Иоцей Син переезжает в новое помещение по улице а-Барзель, 31 в тель-авивском районе Рамат-а-Хаяль, и пригласил всех посетить офис уже на новом месте.

Остается пожелать ассоциации выходцев из Китая счастливого новоселья и еще многих лет плодотворной работы на благо земляков и укрепления всесторонних связей Израиля с великим Китаем.

Михаил РИНСКИЙ

В зале во время церемонии

ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ СТИПЕНДИЙ

Офра Исраэли, руководитель проекта «Связь поколений»

Таль Ван Ю, руководитель Института Конфуция при Еврейском университете в Иерусалиме

ФОНД СТИПЕНДИЙ ПАМЯТИ ЛЮСИ ФРИДМАН

Моя мама Люси Фридман родилась и выросла в Харбине, позднее она переехала в Тяньцзинь. В 1949 году мы приехали в Израиль, и с тех пор до конца своих дней мама прожила в кибуце Афиким. Она скончалась в возрасте 98 лет. В память о ней мы, её дети – моя сестра Рина Блюменталь, родившаяся в Тяньцзине, и я -- пожелаем учредить стипендию для студента, получающего академическое образование в Израиле.

Дэниел ФРИДМАН

ФОНД СТИПЕНДИЙ ПАМЯТИ НАТАНА БАХНОФФ

Для меня большая честь учредить в память об отце Натане Бахнофф стипендию для студента академического учебного заведения в Израиле.

Натан Бахнофф родился в 1933 году в Шанхае, учился в британской школе. В 1949 году в возрасте 16 лет он уехал со своей мамой из Китая в Израиль и поселился в кибуце Афиким в Иорданской долине.

Вместе с любимой женой Гилой они прожили долгую и счастли-

вую жизнь, создав красивый, полный любви и тепла дом для своих детей – это Рои, Шарон, Нив и Аса.

Скончался Натан в 1999 году, но династию Бахнофф продолжают двенадцать внуков.

В течение ряда лет Игуд Иоцей Син оказывал мне и моим братьям Аса и Рои помощь и поддержку в получении академического образования.

В знак признательности мы вносим свой вклад в виде стипендии в память о любимом отце.

Д-р Нив БАХНОФФ

СЛАЖЕННЫЙ ОРКЕСТР ПОДНЕБЕСНОЙ

Ефим ТЕРЕЩКИЙ

Свою страну китайцы издревле называли Поднебесной, так как верили, что она управляется небесами. Но, объездив почти весь Китай, ощутив мощное биение его пульса, увидев его бурное развитие, а также единение и невероятное стремление китайцев к светлому будущему (без всякой иронии), мы поняли, что в этой великой стране главенствует прежде всего дух народа, а небеса остаются только символом веры.

Вот некоторые характерные высказывания наших спутников: «Все китайцы идут в одну сторону», «Они играют по нотам, как слаженный оркестр», «Китайцы - это одна семья, в которой строго соблюдается договор не делать того, что не следует», «Какая чистота и порядок!» Напоследок перед отлетом в аэропорту мы разговорились с одним москвичом. Он горестно заметил: «Я уезжаю из чужого будущего в наше прошлое...»

Если очертить маршрут нашего путешествия от Шанхая до Пекина, то можно увидеть, что он совершался как бы по кругу. Тур был организован так, что в целях экономии времени расстояния между городами мы преодолевали воздушным путем. И только поездку из Сианя до Пекина, а это примерно километров 1200, мы совершили на поезде, который все это время мчал нас без остановок. Выйдя в Пекине на привокзальную площадь, я с удивлением обнаружил, что здание вокзала поразительно похоже на иерусалимскую автобусную станцию. Стоит только удивляться схожести национальных архитектурных

вкусов строителей транспортных сооружений.

Размер пекинской площади Тяньаньмэнь, самой большой не только в Китае, но и, пожалуй, во всем мире, 44 гектара. Площадь не раз перестраивалась, пока не достигла таких размеров. Это яркий пример гигантомании, присущей китайцам, которые с гордостью утверждают, что одновременно здесь могут находиться около миллиона человек. Именно сюда в первую очередь направляют организованного туриста, прибывшего в Пекин, в центре которого и расположена площадь. В ее северной части находятся легендарные ворота Тяньаньмэнь - Врата небесного спокойствия, которые и дали название площади. Ворота эти с давних пор отделяют площадь от Запретного города - императорской резиденции, на территорию которой простым смертным вход был строго воспрещен.

На площади Тяньаньмэнь находятся Дом народных собраний, где заседает китайский парламент, и здание Национального музея Китая, говорят, самого посещаемого в мире. В центре площади стоит мавзолей Мао Цзедуна. Любовь китайцев к своему знаменитому коммунистическому руководителю, председателю Мао, выражается во многом. В частности, мавзолей для него был построен за год бригадами добровольцев. Квадратное здание этого мемориального сооружения окружают 44 восьмигранные колонны из желтого гранита. А по углам сооружения с четырех сторон находятся скульптуры, отражаю-

щие дух социалистического строительства Китая. Над парадным входом висит белая мраморная доска с золотыми иероглифами: «Дом памяти председателя Мао». Стоит заметить, что мавзолей этот весьма напоминает мемориал Линкольна в Вашингтоне. Но кто будет сравнивать и обвинять в плагиате?

Внутри мавзолея в центральном зале в хрустальном гробу заключено забальзамированное тело самого председателя, задрапированное в красный флаг китайской коммунистической партии. Интересно, что в следующем зале представлена поэма самого Мао, в которой выражены ожидания великого будущего для своей страны.

Текст поэмы написан знаменитым каллиграфом, писателем, поэтом, историком, археологом и первым председателем Академии наук КНР Го Можо. Иероглифы выложены золотой мозаикой. К мавзолею Мао тянутся гигантские нескончаемые очереди...

В центре площади недалеко от мавзолея возвышается памятник народным героям, павшим в борьбе за независимость страны. Он популярен, как и мавзолей. Этот монумент высотой 38 метров сооружен с чисто китайским размахом: он возведен из 413 гранитных блоков разного размера, уложенных в 32 ряда. Всего на строительство ушло 10 тысяч тонн гранита и мрамора. Материал, из которого сложен памятник, практически не подвержен выветриванию и должен, как считают оптимистичные китайцы, благополучно простоять тысячу

лет. В основании монумента имеется восемь мраморных панелей с барельефами, отражающими основные события современной китайской истории.

Но самый удивительный объект на площади Тяньаньмэнь, входящий в противоречие с угрюмой архитектурой маоистской официозности, - это, как его метко окрестили, «Яйцо», Национальный центр сценических искусств, или просто Большой театр. Суперсовременное сооружение представляет собой эллипсоид из титановых пластин и стекла, стоящий посреди искусственного озера. Чтобы попасть в театр, посетители должны пройти под водой по 80-метровому прозрачному туннелю. Проект театра разработан французским архитектором Полем Андрё. Интересно, что открытие этого театра в 2007 году состоялось исполнением солистов и хора Мариинского театра оперы «Князь Игорь» под управлением Валерия Гергиева. Тяньаньмэнь издавна была местом народных собраний и правительственных присутствий, тем не менее в своем современном виде она считается целиком творением председателя Мао. На этой площади он принимал миллионные парады военных и трудящихся. Сегодня это любимое место прогулок туристов и китайцев. Здесь запускают воздушных змеев и фотографируются. Рано утром на восходе солнца на площади можно наблюдать за церемонией поднятия государственного флага. Все происходит строго с математической точностью. Солдаты, выполняющие этот обряд, маршируют в ритме 108 шагов в минуту с шагом, равным 75 сантиметрам. Попробуй проверь!

Ворота Тяньаньмэнь были построены в 1417 году императором Юн Лэ династии Мин. В разное время ворота назывались по-разному, например, «Ворота власти, полу-

ченной от небес». Этим самым как бы подтверждалась законность власти императора, благодетельствованного самими небесами. В 1651 году при правлении императора Шуньчжи династии Цин ворота перестроили, и они стали служить главным входом в Императорский город, получив название, которое носят и сегодня. Над воротами имеется надстройка с помещениями и типичной изогнутой крышей. Это трибуна, с которой зачитывались императорские указы жителям города, собравшимся на площади. Отсюда же Мао Цзедун провозгласил образование Китайской Народной Республики. В память об этом ворота украшены портретом великого кормчего, а изображение самих ворот красуется на государственном гербе.

Собственно, слово «ворота» в нашем понимании как-то не соответствует тому сооружению, которое они собой представляют. Это скорее мощная крепостная стена. Да так оно и есть: Тяньаньмэнь - остаток стены после реконструкции. Ворота имеют пять арочных проходов, которые открывались раньше только в дни проведения церемоний. Только император имел право проходить через центральную арку.

Гугун - такое название обычно применяют к бывшим императорским дворцам свергнутых китайских династий. Таковым сегодня является Запретный город в Пекине - самый обширный дворцовый комплекс в мире. Опять китайская гигантомания. Ну а где еще во все времена было так много народа, как в Китае? Нигде! И для подтверждения своего могущества китайские правители должны были создавать необозримые комплексы, в которых умещались бы не только они сами, но и вся их многотысячная (!) челядь. Говорят, что одних поваров здесь насчитывалось около 6 тысяч,

да еще 9 тысяч императорских наложниц, которых обслуживали 3 тысячи евнухов, и еще 2 тысячи служанок, всегда готовых быть обласканными императором. А сколько требовалось иных слуг, пожалуй, не знает никто.

Чему удивляться, если говорят, что здесь имеется 9999 комнат! Император не имел права на владение жилплощадью больше, чем у самого Небесного Владыки, который имел в своем дворце ровным счетом 10 тысяч комнат. Так-то оно так, но такое количество комнат скорее всего было необходимо для защиты императора от наемных убийц: никто, кроме доверенных лиц, не знал, в какой комнате он ночует. Досужие туристы подсчитали, что если каждый день менять комнаты для ночлега, то на это потребуется 27 лет! Что ж, императоры не спешили. Кстати, есть сведения, что строители обманули императора. Они смело предположили, что количество комнат после долгого строительства никто специально считать не станет, и говорят, что в Запретном городе комнат значительно меньше предусмотренного. Запретный город занимает территорию более 720 тысяч квадратных метров, он защищен стеной высотой 10 метров и рвом шириной 52 метра, наполненным водой. Его название Цзыцзиньчэн переводится как «фиолетовый запретный город». «Фиолетовый» не относится к цвету здания или стен, а имеет мифологическое происхождение. Император Поднебесной считал, что его дворец должен находиться под Полярной звездой, сияющей в созвездии Малой Медведицы, которую называл Царственной звездой и наделял ее символическим фиолетовым цветом. Поэтому императорская земная обитель тоже должна была быть такого же цвета. Но это, как говорится, виртуально.

На самом деле доминирующим

цветом в Запретном городе был желтый - именно он символизировал Китай и его императора. Из-за этого простолюдинам запрещалось носить одежду желтого цвета. В дворцовом комплексе крыши были покрыты желтой глазурованной плиткой, и кирпичи были желтого цвета, сделанные по специальному рецепту. Но вот крыша Королевской библиотеки имеет черный цвет, символизирующий воду, которая потушит огонь и не даст сгореть ценнейшим книгам.

Надо сказать, что в строительстве Запретного города было много особенностей. Кирпичи для него были замешены на клейком рисе, а цемент для их укладки изготавливался с добавлением яичных белков, что придавало строениям необыкновенную прочность. Для многочисленных деревянных зданий были предусмотрены меры пожарной безопасности. Дома построены на слишком больших расстояниях друг от друга, которые мы сегодня называем противопожарными разрывами. На территории имелись чаны с водой для тушения пожаров.

А во всем огромном дворцовом комплексе нет ни одной печной трубы. Здесь была предусмотрена система отопления, проложенная под полом, сегодня считающаяся самой современной. Теплоноситель поступал по подземным трубам из источника тепла, находившегося за пределами построек. В дополнение для обогрева помещений еще применялись особые жаровни с защитными колпаками, в которых использовался древесный уголь, почти не создававший при горении дыма и запаха.

Сооружение Запретного города закончили в 1420 году, во время правления династии Мин. В его строительстве участвовал миллион китайцев. Одних искусных мастеров было сто тысяч. История донесла до нас, что в Запретном

городе проживали, сменяя друг друга, 24 императора династий Мин и Цин. Последний император династии Цин Пу И еще ребенком отрекся от престола после революции 1911 года. Об этом был снят знаменитый фильм Бернардо Бертолуччи «Последний император», завоевавший девять «Оскаров». Пу И и его окружению было разрешено остаться во дворце. Окончательно он был изгнан в 1924 году, а Запретный город стал просто дворцом-музеем и открылся для широкой публики.

Запретный город - это шедевр архитектуры, восхищающий посетителя упорядоченной планировкой и изысканным сочетанием красок убранства. Здесь хранятся богатейшие сокровища предметов культуры прошлых веков. Запретный город включен ЮНЕСКО в Список всемирного культурного наследия.

Если Гугун был зимним императорским дворцом, то каждый уважающий себя правитель должен был иметь и летний дворец. И таковой, разумеется, был в крупнейшем императорском парке Ихэюань, что означает «Парк глубокой гармонии». Это одно из красивейших мест в китайской столице. Значительную часть парка занимает искусственное озеро Куньминху, игравшее важную роль не только в водоснабжении Пекина, но и как водный путь в сообщении между столицей и окрестностями. Из вырытой при строительстве озера земли возведен холм Долголетия, на вершине которого выстроены несколько буддийских храмов. Парк с более чем тремя тысячами строений включен ЮНЕСКО в Список всемирного культурного наследия.

Описывать эти дворцы ввиду их количества, пожалуй, не имеет смысла. Но сказать о некоторых достопримечательностях стоит. Вот галерея Чанлан - длинный коридор с низкой балюстрадой и

двускатной крышей, тянущийся вдоль берега озера на 728 метров. Он состоит из 273 секций, украшенных жанровыми сценами и пейзажами (более восьми тысяч), где нет ни одного повторяющегося сюжета. Вокруг стоят бронзовые фигуры драконов и львов - символов императорского могущества. Это строение занесено в Книгу рекордов Гиннеса как самый длинный в мире расписанный коридор. Заканчивается он у знаменитой Мраморной ладьи длиной 36 метров, стоящей у берега.

С этим, с позволения сказать, судном связана следующая история. Вдовствующая императрица Цы Си, единственная женщина-правительница в истории Поднебесной, потратила деньги, предназначенные для развития отечественного флота, на восстановление разрушенного войнами летнего дворца, а вместо необходимых кораблей было «спущено на воду» это роскошное мраморное судно, которое императрица использовала всего лишь как чайный домик. Вот такие маленькие женские прихоти.

Интересен и мост, называемый Шицикунцяо - «Мост семнадцати пролетов», построенный как подобие старинного моста Лугоуцяо в Пекине, поразившего своей оригинальностью еще самого Марко Поло. Почему именно семнадцать пролетов? Это объясняется верованием китайцев в благоприятность нечетных чисел. На мосту для украшения было водружено 544 мраморных льва в разных позах.

Среди древнейших великих сооружений Китая, пожалуй, самое знаменитое и всемирно известное - Великая китайская стена (второе чудо света, первое - египетские пирамиды). Стена считается самым длинным искусственным сооружением в мире и включена ЮНЕСКО в Список всемирного культурного насле-

дия. По-китайски она называется «Ванли Чанчен» - Стена длиной 10 тысяч ли» (1 ли - 300 шагов, или 500 метров). Нас привезли к самому близкому от Пекина участку стены - Бадалину. По-китайски слово «бада» означает «дающий доступ во всех направлениях», что говорит о стратегическом значении этого места для обороны Пекина. Здесь же находится и самый главный восстановленный вход, к которому даже проведена канатная дорога.

Интересно, что стена не только самое грандиозное, но и самое бесполезное в военном стратегическом смысле сооружение. Ее парадокс состоит в том, что она никак не могла защитить все государство от противника. Судите сами: невозможно было создать армию, сосредоточенную вдоль всей стены, а отдельные заградительные отряды легко уничтожались наступающими силами противника. Кроме того, враг легко мог преодолеть незащищенные участки, удаленные друг от друга. Но, с другой стороны, стена четко ограничивала размеры империи, куда даже в мирное время стремились многие, но допускались они строго через пропускные пункты - заставы. Все это никоим образом не может помешать восторгу, что ты находишься на Великой китайской стене!

По данным китайской службы геодезии и картографии, длина стены составляет со всеми ответвлениями 8 тысяч 851 километр 800 метров. Ее начали возводить в III веке до н.э. В строительстве одновременно участвовали миллион (!) человек. Китайские правители никоим образом не считались со строителями этого чуда фортификации, которых, говорят, от непосильной работы погибло около двух миллионов, и хоронили их прямо в будущих стенах, в утрам-

бованном грунте, причем стоя. За это стену прозвали Стеной плача. При укладке каменных блоков использовалась клейкая рисовая каша в смеси с гашеной известью. Стена высотой до 10 метров, шириной внизу 6,5, а сверху 5,5 метров соответствовала проходу колонны пяти пехотинцев в ряд или проезду рядом пяти всадников. Через каждые 400 метров в стене сооружены казематы и сторожевые башни для передачи сигналов о приближении противника. Маленькая хитрость: на участках, где изобилуют крутые подъемы и спуски, ступени неровные, разной высоты и очень неудобны для ходьбы по ним. Это было сделано специально для замедления продвижения врага, захватившего такой участок.

Еще много секретов таит в себе стена, обо всех не расскажешь. Но все же самое интересное, что поразило нас, - это бесконечные гирлянды разнообразнейших замочков, тянущихся вдоль внутренних стен. Оказывается, у китайских молодоженов есть такой обычай: в день свадьбы жених и невеста запирают замочек со своими именами, вешают его на стену, а ключ выбрасывают. Считается, что таким образом они скрепляют свой союз навеки. Вот для этого Великая китайская стена пригодилась как нельзя лучше.

На обратном пути от стены в Пекин мы прошли по Священной дороге, которая ведет к захоронениям правителей Поднебесной из династии Мин. Этот мемориальный комплекс по-китайски звучит как «Шисаньлин» - «Тринадцать гробниц». Правление династии Мин длилось с 1358 по 1644 год. Из шестнадцати ее императоров здесь захоронено тринадцать со своими женами и наложницами. Мемориал огорожен, и к нему можно пройти только по специальной дороге, которая и называется Священной. С двух сторон

ее «охраняют» изваяния военных, чиновников, министров и различных животных, в том числе и мифических. Считалось, что все они будут в следующем мире служить мертвым правителям, которых проносили во время похоронных церемоний по этому скорбному пути, получившему еще название Путь духов.

Нелишне сказать, что для захоронения императоров искали территорию, отвечающую требованиям фен-шуй - древнего китайского искусства жить и осваивать пространство в гармонии с природой. Таким местом оказалась знаменитая долина у горы Тяньшоушань. Эту местность объявили запретной. Здесь не позволялось возделывать землю, рубить лес и брать камни для строительства. Никто не мог следовать сюда верхом. Даже император должен был спешиться перед воротами этого скорбного места.

Сами гробницы разбросаны на площади примерно 40 квадратных километров и внесены ЮНЕСКО в Список всемирного культурного наследия.

Наш рассказ о Пекине мы закончим упоминанием о чисто пекинских особенностях: изделиях из перегородчатой эмали и знаменитом деликатесе - жареной утке, приготовленной по-пекински.

Изделия из пекинской, или, как ее еще называют, бейджинской перегородчатой эмали «Цзинтай Лань» издавна были признаком богатства и служили китайским императорам не только как предметы обихода, но и в качестве дворцовой и храмовой утвари. На Западе такую эмаль называют французским словом «клуазонне» - «перегородка».

Искусство перегородчатой эмали зародилось еще в Древнем Египте и через Византию и страны Ближнего Востока попало в Китай. Название «Цзинтай Лань», что переводится как «Лазурь Цзин-

тай», связано с тем, что именно в период правления императора Цзинтая изделия из перегородчатой эмали достигли совершенства, а преобладающим цветом в гамме красок был синий, или лазурит.

Техника изготовления клуазонне заключается в том, что тонкую проволоку прямоугольного сечения, изогнутую в виде необходимого узора, напаивают на изделие. Так получается ячейка, которую заполняют эмалевой крошкой, и изделие подвергают обжигу. В связи со сжатием эмали добавляют еще порцию крошки и изделие снова обжигают. И так до тех пор, пока ячейки не будут заполнены. Затем изделие полируется и поступает в продажу. Трудоемкость и длительность процесса изготовления продукции из перегородчатой эмали обусловили ее сравнительно высокую цену.

В громадном выставочном зале магазина, где мы бродили среди творений мастеров перегородчатой эмали, невозможно было оторвать глаз от всего этого великолепия. И здесь нам процитировали одного знатока искусства

клуазонне: «Только женщины могут позволить себе пользоваться этими шедеврами в хозяйстве, истинный же благородный муж видит в них лишь объект восхищения».

Традиционный прощальный ужин у туристов в Пекине не мыслим без знаменитой утки по-пекински. При этом обязательно приводят слова американского президента Ричарда Никсона, посетившего Пекин и восхитившегося вкусом самого изысканного блюда китайской кухни. Он заметил: «Молодец не тот, кто побывал на Великой китайской стене, а тот, кто отведал утку по-пекински».

В Поднебесной к пище особое отношение. Еда - это культ, а не просто утоление голода. До сих пор пожилые китайцы вместо приветствия обращаются друг к другу: «Вы уже поели?» Про человека, потерявшего работу, говорят: «Он разбил свою чашку с рисом». Пекинская жареная утка, или «бей джин хао» - самое знаменитое пекинское блюдо. Рассказывают, что рецепт ее изготовления стал широко известен со времен

правления династии Юань, когда в 1330 году придворный медик и диетолог Ху Сыхуэй опубликовал его в своем фундаментальном труде «Важнейшие принципы питания».

Есть несколько способов приготовления пекинской утки, но в основном она готовится так: натертую медом утку запекают в специальной печи, чтобы шкурка была хрустящей, тонкой и нежирной. Это главное. Затем готовую утку, нарезанную тонкими ломтиками, подают к столу с мандариновыми лепешками, молодым луком и соусами. В качестве дополнения могут еще присутствовать огурцы, нарезанные соломкой.

Впрочем, китайские повара утверждают, что приготовить можно всякую всячину, а сделать это полезным под силу только настоящему китайцу. Итак, по утверждению Никсона, мы можем считать себя дважды молодцами, побывав на Великой китайской стене и отведав жареной пекинской утки.

«Мир путешествий» («Вести»)

В ОБЩЕСТВЕ ДРУЖБЫ ИЗРАИЛЬ-КИТАЙ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

ЧЛЕНОВ ОДИК

На общем собрании членов Общества дружбы Израиль-Китай (ОДИК), состоявшемся 26-го июля 2015 года, собравшиеся заслушали доклад председателя ОДИК Тедди Пястуновича о деятельности общества. Докладчик представил балансый отчет, который был единогласно утвержден. Затем состоялось переизбрание председателя общества. Новым председателем ОДИК стал Ран (Ронни) Вейнерман.

ГОСТЬЯ ИЗ КИТАЯ

В сентябре 2015 года китайская студентка летнего курса Мэн Ян, изучавшая идиш в Тель-Авивском университете, возвратилась на родину. Перед отъездом в Китай Мэн Ян посетила офис Игуд Иоцей Син, где ей был оказан теплый прием. Гостья рассказала, что она занимается вопросами еврейской эмиграции в Китае и что это не первый ее приезд в Израиль. Она также встретилась с членами дамского клуба "Sunday Club" на еженедельном ланче в «Бейт-Понве».

ВИЗИТ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТОВ

В конце прошлого года в «Бейт-Понве» состоялась встреча бывших тяньцзинцев, проживающих в Израиле, с группой журналистов китайского телевидения и радиовещания из Тяньцзиня. Наши земляки-тяньцзинцы делились воспоминаниями о жизни в Китае, при этом каждому из них было предложено продемонстрировать перед камерой свою фотографию тех лет. Встреча была записана для телевидения. На прощание гости пообещали прислать в ИИС копию фильма.

ПРОГРАММА МЕРОПРИЯТИЙ ОДИК НА 2016 ГОД

Общество дружбы Израиль-Китай (ОДИК) было основано после установления дипломатических отношений между Израилем и Китайской Народной Республикой, 10 марта 1992 года. Первое собрание учредителей общества состоялось в тот же день в общественном центре Ассоциации выходцев из Китая в Израиле «Бейт-Понве», в Тель-Авиве на ул. Грузенберг, 13. В совещании приняли участие 14 членов нового общества. Председателем ОДИК стал Тедди Кауфман, казначеем – Яков Тандет, секретарем – Дов (Борис) Миркин.

В наши дни целью ОДИК является развитие дружественных отношений между народами Израиля и Китая в тех областях сотрудничества, куда мы можем внести свой вклад в соответствии с решениями правления общества.

16 марта 2016 года члены ОДИК были приглашены в Институт Конфуция при Еврейском университете в Иерусалиме на вечер с участием художественного коллектива студентов из Китая

и студентов кафедры азиатских исследований Еврейского университета. Программа вечера «Голоса китайской весны» включала танцевальные и вокальные номера, а также выступление исполнителей на китайских народных инструментах.

Члены ОДИК получили также приглашение на прием по случаю бахайского Нового года, который состоялся в Иерусалиме в отеле «Кинг Дэвид» 22 марта 2016 года. 6 апреля 2016 года состоялась конференция с участием делегации должностных лиц Международного радио Китая, посетившей Израиль для знакомства с различными путями сотрудничества с израильскими СМИ.

Планы ОДИК на 2016 года нацелены главным образом на сотрудничество с Институтом Конфуция в нескольких областях. Необходимо создавать группы изучения китайского языка, в которых будут заниматься по восемь-десять студентов. Лекции по вопросам, связанным с Китаем и китайской культурой, желательно проводить ежеквартально и включать в себя сборы. Программа мероприятия предпола-

*Ави Подольский у входа в
Институт Конфуция в Иерусалиме*

гает легкое угощение, собственно лекцию и в некоторых случаях обсуждение после лекции. Семинары в области китайского прикладного искусства, таких, как вырезывание из бумаги, оригами и многое другое.

Как и прежде, в этом году мы также организуем поездку по стране, в которой традиционно принимают участие посол Китая в Израиле, представители и сотрудники китайского посольства, а также члены ОДИК. Подробности поездки будут сообщены в ближайшее время. Следует отметить, что указанные выше виды деятельности предполагают активное участие членов общества в мероприятиях и семинарах, в зависимости от личного выбора.

Мы намерены увеличить число членов ОДИК и снизить средний возраст путем привлечения молодого поколения. Будем рады принимать у себя новых членов общества по рекомендации ныне действующих членов ОДИК.

Ран ВЕЙНЕРМАН,
председатель ОДИК

*Совместное выступление китайских и израильских студентов
на вечере «Голоса китайской весны»*

КИТАЙСКАЯ ОПЕРА

Китайская опера, древнегреческая трагикомедия и индийская санскритская драма представляют собой три крупнейших древних вида мирового театрального искусства. Опера в Китае зародилась на основе литературы, музыки, танцев, изобразительного искусства, китайской национальной гимнастики Ушу, циркового и сценического искусства. Богатая и глубокая по содержанию, китайская опера насчитывает более трехсот театральных форм, из которых три - куньцзюй (куньшаньская), кантонская и пекинская - внесены в список Всемирного нематериального наследия ЮНЕСКО.

жестикуляцией. Танец помогает воссозданию настроения героя и картины происходящего действия. В Пекинской опере используются в основном народные танцы. Под жестикуляцией подразумеваются элементы акробатики, своеобразные акробатические трюки, которые широко используются во время представлений. Игра руками крайне важна - именно по умению играть руками оценивают уровень мастерства актера. Игра руками включает в себя форму рук - мужскую или женскую. Игра глазами помогает отобразить внутренний мир героя. Ведь именно глаза являются своеобразным зеркалом души. Игра туловищем включает в себя положение плеч, шеи, спины, груди, поясницы, ягодиц. Она является очень важным и одновременно очень сложным театральным языком.

ПЕКИНСКАЯ ОПЕРА (ЦЗИНЦЗЮЙ)

Существует уже 200 лет, является самой известной, наиболее исполняемой формой традиционного китайского театра и признана национальным достоянием. Средствами этого исполнительского искусства являются пение, декламация, пантомима и элементы единоборства (сценические бои). Пекинская опера славится своими четкими приемами вокала, артикуляцией, обилием мелодий, особой ритмичностью, красотой движений. В пекинской опере существуют четыре основных амплуа: «шэн» (мужская роль), «дань» (женская роль), «цзин» (мужской персонаж с открытым, смелым характером) и «чоу» (комический персонаж). Самыми лучшими постановками являются

чайшим мастерством перевоплощения. Представления сочетают в себе также и элементы циркового искусства. Важными правилами игры актеров являются так называемые «четыре умения» и «четыре приема».

Самыми важными умениями являются пение, декламация, жестикуляция, перевоплощение. Самыми важными приемами являются игра глазами, игра руками, игра туловищем и шагами. Очень важным элементом является пение, при этом очень важен сам звук, его тембр, характер звучания, громкость, интонационная неотразимость, владение особой техникой смены певческого дыхания.

Декламирование крайне важно во время монологов и диалогов, которые являются неотъемлемой частью представлений. Перевоплощение необходимо для передачи образного содержания представления. Оно неизменно должно сопровождаться декламированием, пением и

«Примирение генерала с министром», «Опьяневшая Ян Гуифэй» и другие. Постановка пекинской оперы «Опьяневшая Ян Гуифэй» рассказывает о фаворитке танского императора, которая в ожидании своего повелителя выпила вина и захмелела. Пекинская опера внесена в список Всемирного нематериального наследия ЮНЕСКО.

ХЭНАНЬСКАЯ ОПЕРА (ЮЙЦЗЮЙ)

Одна из самых известных форм традиционной китайской оперы, развивавшаяся на основе хэнаньского банцзы. Имеет и другие названия: Хэнань банцзы (Хэнаньская музыкальная драма), Хэнань гаодяо (Хэнаньская опера, для которой характерно исполнение в высоких тонах). Юйцзюй отличается четким ритмом, отчетливым произношением, свободным пением и деревенским колоритом. Хэнаньская опера распространена в провинциях Хэнань, Хэбэй, Шаньдун, Шаньси и др. Лучшими операми считаются «Сказание о Мулань», «Служанка Хун» и другие. Спектакль юйцзюй, или Хэнаньской оперы, «Хуа Мулань» рассказывает об одноименной девушке, которая выдает себя за мужчину и идет на войну вместо своего больного отца.

КУНЬШАНЬСКАЯ ОПЕРА (КУНЬЦЮЙ)

На протяжении своей более чем шестисотлетней истории куньцзюй оказала влияние на другие разновидности китайского оперного искусства. Поэтому ее часто называют родоначальником китайской оперы. Куньцзюй является представителем китайской классической музыкальной драмы. Для аккомпанемента используется, главным образом, бамбуковая флейта. Куньцзюй отличается мягким вокалом, красивыми и утонченными мелодиями. К наиболее известным постановкам

относятся оперы «Пионовая беседка» и «Западный дворец». Спектакль куньцзюй «Пионовая беседка» рассказывает древнюю историю о молодых влюбленных, которые отстаивают свободу и свою любовь. Куньцзюй внесена в список Всемирного нематериального наследия ЮНЕСКО.

ШАОСИНСКАЯ ОПЕРА (ЮЭЦЗЮЙ)

Впервые обрела собственную форму в конце эпохи Цин на основе народных песен уезда Шэнсянь провинции Чжэцзян. Шаосинская опера, отличающаяся мягкой и мелодичной музыкой, а также изящной и утонченной манерой актерской игры, больше всего подходит для передачи нежных чувств. Наиболее известными считаются оперы «Сон в красном тереме», «Нефритовая заколка для волос», «Лян Шаньбо и Чжу Интай». Постановка Юэцзюй (Шаосинской оперы) «Лян Шаньбо и Чжу Интай» рассказывает о классической любовной трагедии.

ХУАНМЭЙСКАЯ ОПЕРА (ХУАНМЭЙСИ)

История оперы насчитывает более двухсот лет. Она сложилась на основе песен сборщиков чая. Спектакли исполняются на мягком, хорошо понятном на слух аньцинском диалекте провинции Аньхой. Как одна из местных опер, Хуанмэйская отличается понятными и жизненными сюжетами, естественным стилем, плавностью, близостью к реальной жизни. Мелодии ее просты, сюжеты увлекательны, а танцы необычайно красивы. Среди замечательных спектаклей хуанмэйской оперы «Любовь небожительницы», «Зять императора», «Супруги любят фонарями», «Нюлянь и Чжиньюй» и др. Постановка хуанмэйской оперы «Зять императора» рассказывает о том, как простая девушка Фэн Сучжэнь

по недоразумению была выбрана в мужья принцессе, но в конце концов нашла своего жениха и вышла за него замуж.

КАНТОНСКАЯ ОПЕРА (ЮЭЦЗЮЙ)

Этот традиционный вид драматического искусства в Южном Китае, зародившийся в эпоху Цин под влиянием куньцзюй и иянян (еще одного старинного вида оперы) в провинции Гуандун, существует уже более пятисот лет. Представления кантонской оперы очень красочны, нарядны и торжественны, исполняются на кантонском диалекте классического китайского языка. Музыкальную основу составляют мелодии жанров пихуан и банцзы, отчасти местные народные напевы, а сюжеты основаны на китайских легендах и мифах. Кантонская опера очень популярна в провинциях Гуандун, Гуанси, а также среди китайцев Юго-Восточной Азии, Австралии и Америки. Среди лучших спектаклей «Обыск в библиотеке», «Гуань Ханьцин» и др. Постановка кантонской оперы «Цветы в тени при лунном свете» рассказывает о печальной истории любви во времена династии Цин. Кантонская опера внесена в список Всемирного нематериального наследия ЮНЕСКО.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК 13139

США, Нью-Йорк

От имени Благотворительного Фонда Американского Дальневосточного Общества Нью-Йорка (AFES) мы все шлем самые теплые пожелания к празднику и выражаем глубокую благодарность за прекрасную работу, которую вы делаете.

Совет директоров AFES

ВЕНГРИЯ, Будапешт

Обращаюсь к членам вашей Ассоциации от имени генеалогической компании "Family Tree" («Семейное древо»), находящейся в Венгрии, в Будапеште. Мы разыскиваем родственников семьи Раскин (Raskin), выходцев из Украины, из города Мелитополя. Нам известно, что Михаил Раскин и его жена Рая эмигрировали в Китай и проживали в Шанхае. У них было несколько детей: сын Иосиф (Joseph) Раскин (р.1905 г.), сын Альберт (Albert) Раскин (р.1911 г.), дочь Рая (Rae) Раскин (р.1915 г.). Мы знаем, что все дети в свое время уехали и проживали в США.

Есть ли у вас какая-либо информация об этой семье? Может быть, известно что-нибудь о родственниках, оставшихся в Китае или эмигрировавших в другие страны? Любые сведения о вышеуказанных лицах будут очень полезны для проводимого нами исследования.

Наталия ШКАЕВА
shkaeva@familytree.hu

ИЗРАИЛЬ, Тель-Авив

Я студентка из Китая, занимаюсь вопросами еврейской эмиграции в Шанхае. Заканчиваю летний курс по идиш в Тель-Авивском университете. Время, проведенное в вашей стране, было прекрасно!

По случаю окончания курса в Школе языкознания им. Макса Уэбба при Тель-Авивском университете мы устраиваем праздничное мероприятие, в котором я принимаю участие: буду петь песню на идиш и китайском, а также исполню роль на идиш в театральной постановке. Добро пожаловать, приходите!

До отъезда я хотела бы побывать в «Бейт-Понве» и встретиться с вами, если в ближайшее время у вас будут проводиться встречи.

МЭН ЯН

УКРАИНА, Киев

Меня зовут Роман Равве. Меня интересуют сведения о Вале Равве, которая жила в Харбине. У нас с ней общие предки, но эта ветвь моего родословного дерева осталась в России (СССР/Украина).

Валя родилась в 1923 году, окончила английскую среднюю школу в Харбине и Первую Харбинскую музыкальную школу по классу фортепиано, училась у Гершгориной. В 1941 году она выиграла Всеманьчжурский музыкальный конкурс. В 1948 году Валя была арестована в Дайрене и отправлена в СССР, в трудовые лагеря. Буду очень признателен, если вы сможете помочь в поиске любой информации, связанной с Валей. Было бы очень ценно для меня получить любые воспоминания друзей, ее учеников или коллег-музыкантов.

Заранее благодарю,

Роман РАВВЕ
roman.ravve@gmail.com

РОССИЯ, Лермонтов

Я - Свистунов Александр Степанович, буду с сыном в середине марта в Израиле и хотел бы побывать в редакции "Бюллетеня". Собираюсь написать заметку о Т.Кауфмане для «НСМ», но не знаю, как найти редакцию. Буду благодарен вам за адрес и телефон.

Александр СВИСТУНОВ

ПОЛЬША

Буду очень благодарна, если вы сможете сообщить мне имена и номера телефонов людей, которые могли бы поделиться информацией или воспоминаниями о жизни в гетто. Для меня очень важно и ценно получить возможность поговорить с людьми, жизнь которых так или иначе связана с тем периодом.

Заранее большое спасибо.

Патрисия ДОЛОВЕ
patadol@wp.pl

США, Статен Айленд, штат Нью-Йорк

Я изучаю родословную своей семьи. К сожалению, у меня очень мало информации. Мои поиски привели меня на ваш сайт в интернете. Буду признателен вам за любую помощь в предоставлении сведений. Фамилия моего деда в русском написании – Вайсершмус. Существует много вариантов латинской транскрипции этой фамилии: Vaysershmus, Waysyershmus и пр. Есть информация, что дед похоронен в Израиле.

К сожалению, мне мало что известно об истории моей семьи, поэтому очень хотелось бы узнать больше, откуда я родом. Заранее благодарю,

Григорий ДАШЕВСКИЙ
Dashknives@gmail.com

ШВЕЙЦАРИЯ, Лозанна

Прежде всего я хотела бы поблагодарить вас за отличный веб-сайт и за ту информацию об евреях в Китае, которые вы предлагаете. Я очень обрадовалась, когда нашла имя своего прадеда, любимого отца моей бабушки Иосифа Нисеневича в списке захоронений на кладбище Хуаншань в Харбине.

Мне очень хотелось бы знать, организуете ли вы посещение этого кладбища. Можете ли вы рекомендовать кого-то, кто мог бы помочь мне найти в Харбине это кладбище и могилу прадеда?

Большое спасибо еще раз. С наилучшими пожеланиями,

Ирина САЙМОН
i.simo@outlook.com

По электронной почте

Меня зовут Энтони Маккей. В настоящее время я занимаюсь изучением вклада семьи Соскиных в британскую киноиндустрию, в частности, Симона Соскина (1881 г.). Я располагаю множеством сведений о Симоне, особенно в период его жизни в Харбине. Однако у меня нет никакой информации о нем после 1939 года.

Я подумал, что, возможно, среди членов вашей ассоциации есть кто-нибудь, кому известна судьба Симона (Семёна) Соскина после 1939 года. Кто-то из членов семьи говорил, что он доживал последние дни в Лондоне, в Савой, но я не могу найти никаких доказательств смерти или захоронения в Великобритании.

С благодарностью приму вашу помощь.

Энтони МАККЕЙ
a_r_mckay@hotmail.com

ИЗРАИЛЬ

Нас интересуют сведения о братьях Ланкиных из Харбина – это Илья (Элиягу) и Яков. Есть ли у вас какие-либо документы или материалы, возможно, фотографии?

Я редактирую книгу о боевом наследии, в которой, помимо всего прочего, подробно представлена история Ави Нира, сына Якова Ланкина. Об его отце Якове Ланкине почти нет никакой информации, так как, согласно сведениям, полученным от семьи, он был сотрудником службы безопасности. Мы хотели бы получить любую информацию о нем, если вы таковой располагаете, и, конечно, если она подходит нам для публикации в книге. Заранее благодарю вас.

Эльад БРАНДТ
elad.brn@gmail.com

По электронной почте

Я – Дебби Рабинович. Моя мама Ханна Слуцкер родилась в Харбине в 1929 году. Она прожила в этом городе до конца 1940-х годов и эмигрировала в Израиль. Её отец раввин Иегуда Зелиг Слуцкер был директором школы «Талмуд-Тора» в Харбине, а мама – Дина Слуцкер. У моей мамы Ханны были сестры Мириам и Люба и братья Израиль, Калман и Изя.

Меня интересует любая информация о семье моей мамы. Буду очень благодарна, если сможете мне помочь.

Дебби РАБИНОВИЧ
debbiepsych@gmail.com

РОССИЯ, Ковернино

Собираю сведения о проживавших в Харбине моих родственников -- Медведкиных и Плоткиных.

Мои родные по материнской линии: дед - Медведкин Ефим (Хаим) (ум.1914), бабушка - Медведкина Павла Абрамовна (ум.1929, Харбин), у них было два сына – Даниил и Самуил и две дочери – Фрада и Евгения (моя мама). Сыновья, братья мамы, Медведкин Самуил Ефимович (Хаимович) (1913-1937) и Медведкин Даниил Ефимович (Хаимович) (1896-1937) погибли в ГУЛАГе.

Хотелось бы узнать о судьбе жены Даниила Медведкиной Саре Лейбовны (ур. Гельфанд Сара Песя) и ее потомков, а также моей тетки Медведкиной Фрады Ефимовны (Фени Хаимовны) и ее мужа Гамбурга Савелия (Савву), которые оставались в Харбине, и их потомков.

Я повторно обращаюсь ко всем, кто может мне помочь, и заранее благодарю за информацию.

Павел СМУРОВ,
smurovpm@yandex.ru

ИЗРАИЛЬ, Иерусалим

Обращаюсь ко всем, кто знал и помнит Михаила Клявера, который после репатриации в Израиль из Китая жил, по-видимому, в Тель-Авиве и занимался книжной торговлей.

Известно, что М. Клявер родился в России и в молодости примыкал к партии социалистов-революционеров. После переселения в Китай жил в Тяньцзине, где, возможно, работал бухгалтером в финансовом предприятии Александра Ильича Погребецкого, который также репатриировался в Израиль (1950).

М. Клявер умер 5 августа 1988 года. Если кому-то известно что-то о его судьбе, очень прошу связаться со мной по телефону 054-5456488 или по электронной почте.

Заранее благодарен,

д-р Владимир ХАЗАН,
Еврейский университет в Иерусалиме
vladimirkhazan6@gmail.com

ИЗРАИЛЬ, Иерусалим

Обращаюсь с просьбой к тем, кто может мне помочь в поисках ответа на интересующие меня вопросы:

В 1944 году в Шанхае вышла книга под названием "Der yiddisher veker", однако имя автора не было указано. Может быть, кто-то располагает информацией об авторе этой книги?

В период с 1941 по 1947 год в Шанхае жил раввин Шимон Шолом Калиш, ребе из Амшинова. Возможно, у кого-нибудь сохранились воспоминания, фотографии и документы?

Заранее благодарю за помощь.

Прошу связаться со мной по телефону 02-5808927 или по электронной почте.

Шломо ЭЙЗЕНТАЛЬ
eizental@gmail.com

ЭММАНУИЛ ПРАТ (Моня ПИРУТИНСКИЙ)

9 апреля 2015 года в Иерусалиме на 94-ом году ушел из жизни Эммануил Прат (Моня Пирутинский).

Моня родился в 1921 году во Владивостоке в семье крупного промышленника Л.Д.Пирутинского. Через два года родители эмигрировали с ним в Китай. Семья жила в Харбине, Мукдене, Тяньцзине, где Моня учился в школе, был членом «Бейтара». В конце 1948 года он прибыл в Эрец-Исраэль, принимал участие в Войне за независимость, воевал в Негеве и продолжал служить в армии до 1950 года. Он знал несколько языков и, обладая литературными способностями, стал журналистом, работал корреспондентом крупных израильских газет, а также на радио «Коль Исраэль» на русском языке.

Моня был тесно связан с Игуд Иоцей Син. Более 40 лет он сотрудничал в «Бюллетене ИИС», на страницах которого публиковал свои статьи и переводы с английского и иврита за подписью Э.Прат. Он постоянно чем-то увлекался: его интересовали живопись и фотография, китайская культура и личность Наполеона Бонапарта; он стал первым составителем иврит-китайского словаря. Вероятно, это помогло ему до глубокой старости сохранять молодость души.

Все годы, до последнего дня Моня прожил в Иерусалиме и был похоронен на иерусалимском кладбище Гиват-Шаул.

Да будет светла его память!

Исай КАУФМАН

Из Сан-Франциско пришла скорбная весть. На 97-ом году жизни скончался Исай Кауфман, старший брат Тедди Кауфмана и Давида Миндлина.

Исай родился в Харбине в 1919 году в семье доктора Абрама Иосифовича Кауфмана и доктора Берты Шварц-Кауфман. Он первым из семьи уехал из Китая в Палестину.

Как его отец, доктор А.И. Кауфман, и брат Тедди, Исай Кауфман посвятил большую часть жизни общественной деятельности. В течение многих лет он был президентом Общества дальневосточников в Сан-Франциско. Он всегда был верным другом Игуд Иоцей Син, во многом помогал нашей организации и до последнего дня оставался преданным делу земляков-выходцев из Китая. После него осталась жена Ольга Кауфман.

Память о нем навсегда сохранится в сердцах друзей-земляков.

Ицхак Хаим ЭЛЬБАУМ

21 апреля 2015 года в доме престарелых на 75-ом году жизни скончался Ицхак-Хаим Абрамович Эльбаум.

Ицхак родился 15 мая 1940 года в Китае, в городе Циндао, куда семья Эльбаум переехала из Харбина в 1939 году. В 1990-е годы вместе с волной эмиграции из бывшего СССР семья Эльбаум приехала в Израиль.

После Ицхака остался старший брат Копель с семьей.

Светлая ему память!

Эва ЛАУ

4 апреля 2015 года в Хайфе в возрасте 83 лет скончалась наша землячка Эва Лау.

Эва родилась в Шанхае. Ее отец был из Польши, а мать – из России. Эва училась во французской школе. Покинув Китай, Эва долгое время жила в США. В Израиль она приехала с двумя сыновьями – Гарри и Майком и поселилась в Хайфе.

В течение многих лет Эва была членом Игуд Иоцей Син, принимала участие в деятельности Дамского клуба и регулярно, пока позволяли силы, приезжала из Хайфы в Тель-Авив на еженедельные воскресные встречи, чтобы повидаться с друзьями.

Все знавшие Эву будут помнить ее как милого, приятного человека и собеседника.

Похороны состоялись в Хайфе. После покойной остались два сына и внуки.

Да будет светла ее память!

Женя ОЛЬШЕВСКАЯ

23 августа 2015 года в Тель-Авиве в возрасте 94 лет скончалась Женя Ольшевская.

Женя росла и училась в Харбине и Тяньцзине. В 1950 году она вместе с семьей приехала в Израиль и в течение многих лет принимала активное участие в работе Дамского комитета ИИС. В последние годы пока позволяло здоровье Женя постоянно приезжала на еженедельные встречи с друзьями в «Бейт-Понве».

После нее осталась семья ее брата Арье (Лёвы) Ольшевского.

Да будет светла ее память!

БОБ ФРЕЙМАН

20.3.1923 – 16.10.2015

Все, кто знал моего отца Боба Фреймана, считали его особенным человеком. Его широкая улыбка, доброта, мягкий юмор, здравомыслие и достоинство располагали к себе каждого. Он был прирожденным джентльменом, человеком надежным, заслуживающим доверия, и за это люди его уважали. К нему обращались за советом и молодые, и пожилые. Мой отец был верным и безоговорочным сторонником Израиля. Он ненавидел экстремизм и не признавал неуважение к другим. Наш Боб по харак-

теру был мягким, скромным и тихим, но за этим скрывался очень умный наблюдатель и глубоко эмоциональный человек, особенно если дело касалось семьи. Он был сильным и смелым, и в трудные времена мы чувствовали себя с ним, как за каменной стеной.

Чтобы поддерживать своих родителей и сестер, мой отец пожертвовал годами своей молодости.

Он трудился с готовностью, чтобы заботиться о всех нас, и при этом не делился с нами своими неприятностями. Нам

никогда не доводилось слышать от него ни слова об усталости.

Мы благодарны судьбе за полноценную жизнь, прожитую отцом, но мне каждый день не хватает его слов «Привет, дорогая!». Тяжело смириться с невозможностью спросить его мнение, которое я ценила выше всех прочих.

Мне выпала огромная честь быть дочерью Боба Фреймана. Память о нем будет жить в наших сердцах. Да упокоится он с миром!

Рева ФРЕЙМАН

С глубоким прискорбием мы извещаем о кончине

г-жи **Женечки ОЛЬШЕВСКОЙ**

Ушла из жизни 23 августа 2015 года в преклонном возрасте 94 лет

Похороны состоялись 24 августа 2015 на кладбище Кирыят Шаул

Семья ОЛЬШЕВСКИХ

Правление Ассоциации выходцев из Китая в Израиле
ИГУД ИОЦЕЙ СИН и редакция «Бюллетеня ИИС»

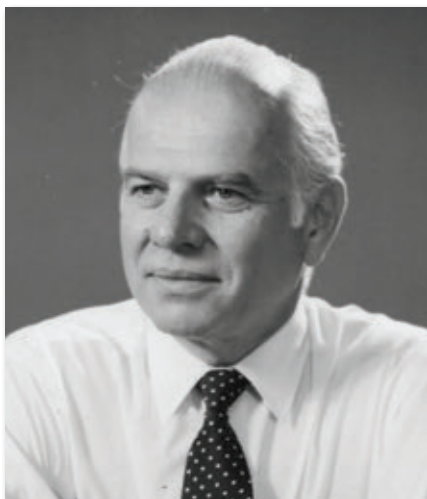
глубоко скорбят о смерти основателя Научно-исследовательского центра
«Русское еврейство в Зарубежье», его научного руководителя,
главного редактора и издателя, доктора

Михаила ПАРХОМОВСКОГО

и выражают искренние соболезнования жене РЕНЕ с семьей

Джордж РАДБИЛ

1917 - 2015

Джордж Симеон Радбил скончался в Сиэтле (США) 14 мая 2015 года в возрасте 98 лет, прожив удивительную жизнь.

Родившийся в Москве в мае 1917 года, во время Первой мировой войны и русской революции, Джордж стал свидетелем многих событий, сформировавших 20-й век. В 1918 году в разгар хаоса, вызванного гражданской войной в России, он и его родители – отец Семён Радбил и мать Александра Александровна Шиллинг бежали из Москвы. Они проделали долгий путь через Сибирь и в конце 1919 года, оказавшись в Маньчжурии, добрались до Харбина.

В 1930 году, когда положение в Маньчжурии ухудшилось, семья переехала в Шанхай. После школы Джордж стал учиться продавать и ремонтировать автомобили, работал в Overland Motors и Shell Oil. Вскоре у него появился вкус к легендарной шанхайской ночной жизни, что потребовало экономии средств и поиска дополнительной работы. Джордж всю жизнь гордился тем, что служил вольнонаёмным водителем у командующего британскими войсками в Шанхае генерал-майора А.Телфер-Смоллетта. В то время

он встретил Сою Марховскую, семья которой владела ночным клубом Jessfield Club. По вечерам Джордж работал в клубе администратом этажа.

В октябре 1940 года Джордж и Соня поженились. Они пережили в Шанхае Вторую мировую войну и японскую оккупацию. Джорджу, как лицу без гражданства, сложно было уехать, однако он не подлежал интернированию и потому имел возможность время от времени снабжать необходимым тех людей, которые находились в лагерях. Когда возник дефицит бензина, он открыл мастерскую по ремонту велосипедов и смастерил, вероятно, первую рикшу, управляемую с помощью батареек. Во время войны он тайно и незаконно держал у себя коротковолновый радиоприемник, чтобы слушать мировые новости и передачи радиостанции BBC из Индии. Воодушевленный этими передачами, он на долгие годы стал поклонником Уинстона Черчилля. Разъезжая на своем любимом мотоцикле и рискуя собой, Джордж передавал заключенным в лагерях новости о капитуляции Японии. Воспоминания о том периоде своей жизни Джордж описал в автобиографической книге, изданной его дочерью Александрой.

После войны в 1947 году Джордж и Соня вместе с другими членами семьи уехали в США, сначала в Калифорнию, а затем во Флориду. В Майами Джордж основал “Art Lite Company” – фирму по дизайну и производству светильников для отелей и предприятий на Восточном побережье. В Майами у него появилась возможность предаваться своей страсти: гребле и рыбной ловле. В 1970 году семья вновь переехала, на сей раз

в Сан Франциско, где они с Соней открыли магазин по продаже светильников “The Lamp Shop”, поставляя единственные в своем роде светильники дизайнерам на площади Джексона. Помимо этого, Джордж стал брать уроки пилотирования и получил лицензию пилота.

Его последней акцией стал переезд в Сиэтл в 1996 году, где недолгое время они с Соней имели бизнес, связанный со светильниками и антиквариатом, “West Wind” в Дизайн-центре Сиэтла. Выйдя на пенсию, Джордж продолжал поддерживать связи со многими друзьями в США и других странах мира, которых он знал по Шанхаю. Джордж пережил свою жену Сою, скончавшуюся в 62 года, младшую дочь Кэтрин и сестру жены Любу Марш. Он оставил после себя дочь Александру и ее партнера Стивена Фитцпатрика из Принстона, штат Нью-Джерси.

Белла ЧЕРНОМОРСКАЯ

10 июля 2015 года в Рамат-Гане скончалась Белла Черноморская (ур. Вайнер).

Белла родилась и выросла в Харбине. По окончании колледжа ХСМЛ она вышла замуж за Изю Черноморского и у них родилась дочь. В 1950 году семья прибыла в Израиль на пароходе «Анна Сален» и поселилась в Рамат-Гане. Здесь у них родилась вторая дочь, Элинор. Со временем они открыли в Тель-Авиве магазин китайских вещей «Пагода».

Шли годы, Белла потеряла мужа, а несколько лет назад умерла старшая дочь. Белла оставила младшую дочь, внуков и внучек с семьями.

Да будет светла ее память!

ИЗ ХАРБИНА В МОНРЕАЛЬ

АЛЛАН РЕЙСОН (1919 – 2015)

Наш отец Илюша Резников, или Аллан Рейсон, как он стал называть себя после отъезда из Китая, тихо скончался после недолгой болезни 22 декабря 2015 года в канадском городе Монреале. Горячо любивший жизнь, он держался бы дольше, но время его истекло, и он ушел не прощаясь, со спокойным достоинством, в возрасте 96 с половиной лет.

Отец вырос в Харбине, потом уехал в Тяньцзинь, жил в Шанхае, оттуда по визе Международной организации по делам беженцев уехал в Париж и, наконец, в Палестину, но он никогда не предполагал, что завершит свой жизненный путь в Монреале, да так и не свыкся с этой мыслью. Наша мама Дороти Таск была его верной, надежной спутницей. Ей как-то удалось превратить убежденного холостяка в семейного человека, и в течение 54 лет, в хорошие и плохие времена, они оба всегда неуклонно поддерживали друг друга.

В жизни отца, как и многих членов Игуд Иоцей Син, удивительным образом смешались раз-

личные культуры, которые во многом неизвестны современному поколению. Тот факт, что мой отец российского происхождения, притом уроженец Харбина, до сих пор вызывает удивление у друзей и знакомых. Годы жизни в Китае, период большой депрессии, бегство от коммунистической революции и положение беженца, предшествовавшие Монреалу, во многом определили его жизнь.

С годами рассказы отца превратились в часть его наследия, оставленного нам, детям, а его жизнь в Харбине и Шанхае стала как будто частью нашей жизни. Слушая его, мы мысленно гуляли с ним по берегу реки Сунгари или, замерзая от холода, смотрели, как он побеждает на дистанции в скоростном беге на коньках. Мы представляли себе отца маленьким ребенком за партой в коммерческом училище или подростком в белом костюме, с друзьями около отеля «Модерн». В молодости отец был членом «Бейтара», работал в Северо-Китайской торговой компании, и мы до сих пор вспоминаем его трогательные рассказы о том времени.

Когда отцу было 80 лет, он записал воспоминания о своей жизни на четыре кассеты. Это удивительная серия маленьких рассказов о далеких беспокойных временах его детства и юности. Несмотря на прошедшие годы, очень многое из его китайского прошлого, которое он пронес с собой через всю жизнь, осталось при нём и постоянно, изо дня в день оказывало на него влияние. Его еврейство было чем-то глубоко личным. В послед-

ние годы он носил потрёпанную кипу, которая каким-то образом держалась у него на голове и никогда не соскальзывала.

Жизненный опыт, приобретенный в период политических и экономических потрясений, сильно повлиял на отца, и он никогда не забывал о трудностях, пережитых в детстве, а затем выпавших на его долю беженца. Поэтому он посвятил свою жизнь обеспечению стабильности и возможности достижения цели, всячески поддерживая в этом тех, кого он любил. Трудно представить себе, как сложилась бы наша жизнь, и была бы она вообще, если бы он вовремя не уехал из Китая, и мы благодарны ему за мужество, мудрость и сильный характер. Спокойный, с чувством собственного достоинства, очень решительный по натуре, он и сегодня продолжает оказывать влияние на нашу жизнь. Всегда казалось, что он несгибаемый, и потому во многом он по-прежнему с нами, как и мы с ним.

Дэниел РЕЙСОН

Эстер ВЕЙНЕРМАН

4 ноября 2015 года в Хайфе на 98-ом году жизни скончалась Эстер Вейнерман (ур. Шмулевская). Её муж Альберт Вейнерман был одним из основателей Игуд Иоцей Син и в свое время возглавлял Хайфское отделение ИИС. Похороны состоялись в Хайфе. После покойной остался сын Ран (Ронни) с семьей. Светлая ей память!

ПАМЯТИ МИХАИЛА ПАРХОМОВСКОГО

20 сентября 2015 года скончался Михаил Пархомовский, основатель и научный руководитель Научно-исследовательского центра «Русское еврейство в зарубежье». В 2009 году, когда мы отмечали 85-летие Тедди Кауфмана, он и его коллеги преподнесли Тедди книгу о нашем землячестве «Через Дальний Восток – на Ближний» с посвящением юбиляру.

Михаил Аронович Пархомовский родился в 1928 г. в Одессе. Окончив Саратовский медицинский институт, работал врачом на Дальнем Востоке и в Москве,

заведовал ЛОР-отделением больницы, занимался научной работой. Его интересовала также история российских евреев, покинувших Россию. В результате на свет появилась книга о Зиновии Пешкове «Сын России, генерал Франции» (в 1999 г. вышло ее 2-е издание). В 1990 году он с семьей приехал в Израиль, работал врачом. Кроме того, он стал составителем, главным редактором и издателем серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (1-5 тома, 1992-96), на базе которой организовал НИЦ «Русское еврейство в зарубежье», а также редактором ежекварталь-

ника «Иерусалимский русско-еврейский вестник» (1997-98), составителем, ведущим редактором и издателем серии книг «Русское еврейство в зарубежье» (тома 6-19, 1997-2009). Он автор-составитель монографии «Евреи России в зарубежье» (2008).

Михаил Пархомовский был доктором и просветителем, продолжая традицию русских врачей. Он ушел, оставив по себе добрую память. Дело его живет -- НИЦ «Русское еврейство в зарубежье» (теперь «Евреи России в Зарубежье и Израиле») носит его имя.

КИТАЙ РАСШИРЯЕТ СОТРУДНИЧЕСТВО

Борис МАШКИН

Китай активно инвестирует в проекты по всему миру. На этом фоне китайские вложения в израильскую экономику удивительными не представляются. Так, в 2015 году Китай может обеспечить 30-40% инвестиций в израильскую отрасль высоких технологий (хай-тек).

Интерес Поднебесной к технологиям понятен: на кофточках Америки не обойдешь. Но уже сегодня Китай инвестировал в Израиль миллиарды. Огромные сделки уже были заключены и будут еще. Китайцы приобрели «Тнуву», пытались проглотить «Клаль битуха» (удовлетворившись пока «Фениксом»), ведутся переговоры о покупке «Хайфа кимикалиим». Что же касается технологий, то от покупки отдельных фирм Китай перешел к формированию инвестиционных фондов, вкладывающих деньги во многие интересные

компании.

Оценить объем китайских интересов в Израиле по определению невозможно: в отличие от-принятых на Западе норм, китайские инвесторы ведут себя очень скромно, не афишируют будущие приобретения и требуют того же от партнеров по переговорам. Их культура не отдельные налеты, а последовательное продвижение с закреплением оккупированной ими территории, потому мы постоянно слышим о китайских предложениях о строительстве транспортной-инфраструктуры в Израиле - железных дорог, портов и многого другого. Что им интересно? Поскольку израильские компании очень малы и, чтобы не навлечь на себя гнев транснациональных корпораций, работают в нишах, китайцы могут использовать-это для борьбы как раз с гигантами. Монстры китай-

ской индустрии могут рассматривать израильские фирмы как возможность усиления на отдельных направлениях.

Что это может принести Израилу? Пока Китай не замечен в использовании инвестиций как политического оружия - в отличие от действовавших до этого игроков вроде США, Великобритании, России и других. Пока они не нацеливались ни на что, что можно было бы легко закрыть, так что безработицу их активность не повысит. Деньги? Пусть лучше-приходят, чем уходят. Как минимум, Израиль может получить объекты инфраструктуры не за десятилетия, как было бы при доморощенном строительстве, а за годы. Израильские же фирмы могут обрести поддержку с неожиданной стороны.

«Вести»-

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ ЕВРЕЕВ ШАНХАЯ

Давид ШЕХТЕР

Мало кому известно, что во время Второй мировой войны тридцатитысячная еврейская община Шанхая неоднократно спасалась от неминуемой гибели. И каждый раз очередное спасение иначе как чудом назвать было невозможно. Правившие городом японцы вместе со своими немецкими советниками трижды пытались уничтожить евреев, но их планы всегда срывались, причем, в последнюю минуту.

Первые евреи (в основном, сефарды из Багдада, Бомбея и Сингапура) появились в Шанхае еще в середине XIX века - с того момента, как его порт открылся для европейских судов и европейских товаров. Мощный толчок к развитию община получила после 1917 года, когда в городе поселились евреи, бежавшие от ужасов большевистской революции. Для них двумя главными центрами в Китае стали Шанхай и Харбин, где, кстати, нашла убежище семья будущего премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта.

В 1920-30-е годы шанхайская община процветала. В ней появилось немало богатых людей, сделавших состояние на колоссальном китайском рынке. Деньги не ожесточили членов общины, и, наверное, поэтому здесь широко раскрыли сердца и кошельки перед еврейскими беженцами, хлынувшими в город в середине - конце 1930-х годов. Сперва это были евреи Германии и Австрии, а когда под гитлеровской оккупацией оказались и другие страны Европы, выяснилось, что Шанхай является чуть ли не единственным убежищем для евреев, спасаю-

щихся от нацистов.

Страны мира, представители которых красноречиво вещали в Лиге Наций о своей непоколебимой приверженности моральным ценностям, захлопнули свои двери перед европейскими евреями. Готовы их принять были лишь Филиппины с Доминиканской республикой и Шанхай. Как это ни странно, но для въезда в Шанхай, захваченный к тому времени японцами, не нужны были ни виза, ни доказательство того, что эмигрант сможет внести вклад в развитие города, ни даже предъявление определенной суммы денег, гарантировавшей его экономическую независимость. Для въезда в «международный город» ничего этого не требовалось.

И евреи устремились в Шанхай. Более 20 тысяч европейских евреев, сумевших добраться до далекого Китая, нашли здесь спасение. Иными словами, Шанхай принял больше евреев, чем Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка и Индия вместе взятые.

В городе закипела еврейская жизнь. Беженцы принадлежали к самым разным направлениям и движениям - здесь были светские и ортодоксы, сионисты и бывшие патриоты Германии, все еще оплакивавшие отобранную у них Гитлером немецкую родину. Появились всевозможные школы, кружки, клубы, библиотеки на разных языках, газеты. После раздела Польши в Шанхай приехала в полном составе знаменитая иешива «Мир». Триста иешивотников и преподавателей с семьями получили транзитные визы от

«японского Шиндлера» - консула Японии в Ковно Тиунэ Сугихары и успели выехать из местечка Мир, оказавшегося в СССР по пакту Молотова - Риббентропа буквально за месяц до 22 июня 1941 года (после окончания войны иешива перебралась в Иерусалим, где благополучно существует до сегодняшнего дня).

Спрос рождает предложение, и в Шанхае появились кошерные продукты местного изготовления, синагоги и миквы. Необходимые средства предоставили как местные богачи, так и зажиточные американские евреи, не сумевшие добиться от своего правительства разрешения на въезд беженцев в США и стремившиеся помочь им хотя бы деньгами.

После нападения на Перл-Харбор и официального объявления Японией войны Соединенным Штатам все американцы и англичане были интернированы и сосредоточены японцами в закрытых лагерях. А вот европейских евреев не тронули - ведь по документам большинство из них являлись гражданами стран «оси». Лишь после того как война на Тихом океане приобрела широкий размах, японцы создали гетто и переселили в него евреев (приехавших в Шанхай после 1937 года - прим. ред.) вне зависимости от гражданства.

Первый план тотального уничтожения евреев Шанхая был разработан германским послом и командующим японскими оккупационными войсками осенью 1943 года, еще до создания гетто. Вдохновителями его были, разумеется, немцы, требовавшие от Японии решительных действий по

отношению к попавшим в ее руки евреям.

В соответствии с этим планом сначала предполагалось «в связи с обострившейся военной обстановкой» провозгласить всю территорию города закрытой военной зоной, после чего евреев с «целью обеспечения их безопасности» погрузили бы на транспортные суда, которые должны были доставить их на один из островов неподалеку от Шанхая. Оккупационные власти торжественно поручились бы евреям не просто за их безопасность, но и за обеспечение всех условий, необходимых для нормальной жизни на острове, вплоть до снабжения кошерной едой.

Но в море все суда планировалось торпедировать японской субмариной, после чего японское правительство, которое при всем при том не желало брать на себя ответственность за уничтожение десятков тысяч гражданских лиц, намеревалось выступить со специальным заявлением. В нем выносились бы глубокие сожаления по поводу того, что конвой транспортных кораблей, перевозивших мирное еврейское население, попал на минное поле, расставленное злодеями-англичанами, в результате чего все корабли затонули с пассажирами и командой. Информация о плане была тайно передана чиновником японской администрации руководству общины. Он сообщил также, что все детали плана уже проработаны и согласованы - выбраны суда конвоя, подготовлена субмарина, определено место и время затопления судов. Даже микадо уже не сможет отменить этот план, сказал чиновник.

И тут произошло нечто непредвиденное. Кто-то из членов японского правительства то ли проболтался, то ли преднамеренно предал гласности секретную информацию о плане, и он стал

предметом обсуждения японской общественности. В результате от него пришлось отказаться - никто бы уже, конечно, не поверил в версию случайного подрыва судов с евреями на английском минном поле.

Немецкий посол в Шанхае рвал и метал, а военные, едва не приступившие к реализации плана, пришли в бешенство. Свою злобу они выместили на нескольких руководителях еврейской общины Шанхая - их арестовали, зверски избили и, обвинив в шпионаже, бросили в тюрьму.

Несмотря на провал первого плана, немцы продолжали требовать от японцев уничтожения евреев. Хотя официальный Токио был вынужден публично отмежеваться от планов утопить евреев и даже постарался замести следы, намерение потрафить союзнику и разделаться с еврейской общиной Шанхая никуда не исчезло. Поэтому в качестве первого шага к грядущему окончательному решению еврейского вопроса в Шанхае в феврале 1943 года в городе было создано гетто.

Японцы не спешили - зарегистрироваться в гетто и переехать в него евреи обязаны были в течение трех месяцев. Но вместе с тем оккупационные власти предупредили: если после указанного срока кто-то из евреев будет обнаружен вне гетто, его ждет наказание в соответствии с законами военного времени.

Решение сконцентрировать евреев в одном месте японцы объяснили стремлением обеспечить максимальную безопасность европейским беженцам в период возможных беспорядков и сумятицы, которые могут-де возникнуть при приближении войск союзников к городу. Один из обитателей гетто написал в своих воспоминаниях, что постфактум стало понятно: создание гетто действительно (против намерения

японцев) сыграло положительную роль в судьбе евреев. Не найдись они в гетто, японцы могли уступить требованиям немцев и выдать им бывших граждан Германии, Австрии и других европейских стран.

Незавидная участь ожидала бы евреев и в том случае, если бы их поместили в лагеря ранее интернированных граждан стран-союзников. Условия жизни в этих лагерях были просто ужасными, и многие интернированные скончались от голода и болезней.

В гетто же ситуация была несравненно лучше. Здесь жили хоть и в тесноте (на территории чуть больше двух квадратных километров скучились более 20 тысяч евреев и 100 тысяч китайцев), но в обычных домах, а не во временных бараках. Находилось гетто в рабочем квартале Хонкью, примыкавшем к докам. Границы гетто были обозначены на японских картах, и не более того. Забора или стены, изолировавших гетто от остального города, в Шанхае не существовало. Поэтому в гетто были и продукты, и лекарства, а при необходимости в него приезжали врачи. Деньги и ценности у евреев пока еще оставались - японцы планировали изъять их на более позднем этапе.

В гетто работали разнообразные мастерские, рестораны, пекарни. Японцы этому не препятствовали, ведь на нынешнем этапе целью было не истребление евреев в гетто, а сосредоточение их в одном месте, чтобы впоследствии одним махом доставить к месту уничтожения. Но пока приказ о ликвидации не поступил, евреев внутри гетто ни в чем не ограничивали, что позволяло им вести нормальный образ жизни. По свидетельству обитателей гетто, они практически ни в чем не нуждались. Для выхода из гетто требовалось специальное разрешение, но получали его без особого труда.

К зиме 1944 - 1945 года всем стало совершенно ясно, что Германия проиграла войну. Тем не менее, у фашистского руководства нашлось время и силы направить в Шанхай двух специалистов по строительству и эксплуатации газовых камер, в которых планировалось в кратчайшие сроки уничтожить всех обитателей гетто. Специалисты эти приобрели квалификацию в европейских концлагерях, один из них принимал непосредственное участие в уничтожении Варшавского гетто.

Используя их «опыт», японцы быстро построили в промышленной зоне Шанхая псевдобаню с газовыми камерами - точную копию аналогичного здания в Освенциме. Правда, здесь, в густозаселенном Шанхае, пришлось действовать скрытно, и чтобы не вызвать досужего любопытства, японцы придали зданию вид промышленной постройки. К моменту завершения строительства из Германии подоспели баллоны с газом «Циклон», которым пользовались в Освенциме.

Машина уничтожения была готова. Оставалось только организовать доставку к газовым камерам евреев, причем, так, чтобы они не понимали, куда и на что их ведут. Здесь также намечалось воспользоваться опытом европейских лагерей уничтожения и избежать тем самым излишних проблем с евреями. Все этапы акции были продуманы до мельчайших подробностей и зафиксированы в специальном документе. Достоинством гласности они стали потому, что после освобождения Шанхая документ этот обнаружили в архиве немецкого посольства.

Чтобы никто из обитателей гетто не ускользнул из сетей запланированной акции, японцы провели тщательную регистрацию всех его жителей. В ходе регистрации

евреи были вынуждены ответить на массу вопросов, в том числе и на такой: какое имущество вы можете унести с собой. Это была одна из деталей плана по дезинформации евреев, которые не должны были догадываться о своей судьбе. Японцы объявили: через две недели обитателей гетто переведут в другое место, «на работы», а чтобы подготовить соответствующее количество транспортных средств, властям необходимо знать, какой скарб каждый может унести с собой.

Жители гетто хоть и не верили этим басням, но готовили себя к ухудшению условий, то есть к переезду на какой-нибудь далекий остров или в лагерь, расположенные в джунглях. Они и представить себе не могли, что их ожидало на самом деле.

И тут случилось очередное чудо. Сразу же после регистрации, когда оставалось только отдать команду, и газовые камеры начали бы функционировать, на полях сражений в Азии американцы и англичане предприняли ряд настолько успешных операций, что японцам стало просто не до евреев. Газовые камеры Шанхая так и не заработали...

Очередное чудо произошло, когда союзники приблизились к городу. Японцы намеревались сражаться в нем до последнего солдата, и судьба местных жителей, да и самого города была бы ужасной, подобно судьбе Манилы, бои в которой длились целый месяц, не оставили от города камня на камне и погубили 100 тысяч мирных жителей, среди которых было немало евреев. Одна из линий японской обороны Шанхая проходила прямо по территории гетто, и страшно подумать, что бы произошло с евреями, жившими вокруг нее.

Но после того как американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, император

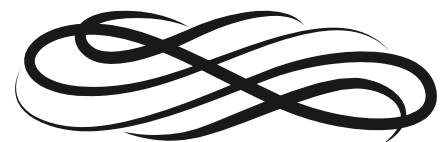
Хирохито объявил о капитуляции. До боев в Шанхае дело не дошло, поэтому город и еврейская община остались целыми и невредимыми. После войны практически все беженцы вернулись в Европу или отправились в Палестину, а когда к власти в Китае пришли коммунисты, из него сбежали и оставшиеся евреи.

Несмотря на то, что евреев в Шанхае нет уже более полувека, городские власти восстановили синагогу и открыли музей «Еврейские беженцы в Шанхае». Сегодня они серьезно задумываются о том, чтобы сохранить и реставрировать часть домов района Хонкью, где находилось гетто. Город рвется ввысь, и, если не принять меры, скоро весь район будет застроен небоскребами.

А ведь в свое время несколько кварталов, расположенных вокруг этого музея, называли «маленькой Веной». Здесь не было ничего китайского - по-европейски одетые господа пили кофе со струделем за столиками, стоявшими перед типично австрийскими кондитерскими. На столиках лежали местные газеты на идише, немецком, польском и русском языках. Мясные лавки, торгующие кошерным мясом, соседствовали с магазинами немецких деликатесов, а в «Галантерейном магазине Авраама» можно было купить свечи для субботы и праздников.

Все это безвозвратно кануло в Лету, но сегодня в Китае пытаются восстановить хотя бы несколько кафе и магазинчиков, чтобы сделать их аттракцией для европейских туристов, которым вряд ли будут рассказывать о чудесах, спасших еврейскую общину во время Второй мировой войны.

«Вести»

קדר תום

צור נוי

פרץ מישל

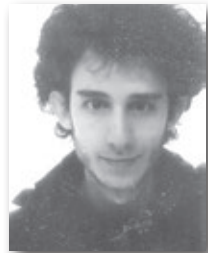
עמיאל שחר

עמיאל אניב

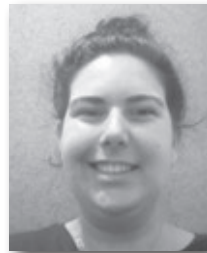
קטור הדס

קמה יאיר

קמבליס נבו

קלפוס שירה

קוטקין ליטל

שפילברג ענת

שלזינגר אור

וזנפלד רוד

רבינסקי (סטוליאור) יוליה

שגריר סין אורח אגוד יוצאי סין ואגודת ידידות

ביום 13 ליולי 2015 אירחו הנהלות אגוד יוצאי סין ואגודת ידידות ישראל-סין את שגריר סין הדש בישראל מר ג'אן יונג סין. וממלאי תפקידים בכירים בשגרירות, לארוחת ערב במסעדה סינית בתל-אביב.

מר תדי פיאסטונוביץ יושב-ראש אגודת ידידות ישראל-סין ביוך את השגריר בשם המארחים ואיחל לו הצלחה בתפקידו.

השגריר הודה בנאומו למארחים וציין שהוא מצפה לפעילות משותפת של השגרירות והאגודות. לאחר הארוחה התנהלו שיחות ערות בין המשתתפים ונקשרו קשרים אישיים מתוך ציפיה להמשך שיתוף פעולה.

זיו מור

ורד זוריה

ונדל לביא

וינר אריאל

הרש ענת

טנדלר נועה

טוניס קרן

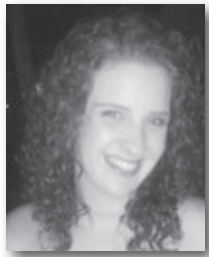
טאוב רוני

כחמוב נטע-לי

חורי עדי

כהן חן

ישי יעל

יעקבי הגר

יהב ליהי

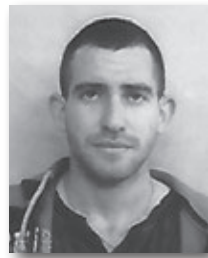
יהב אביאל

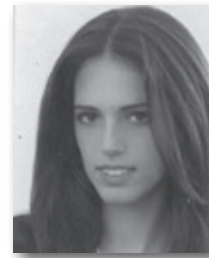
מטלין ניב

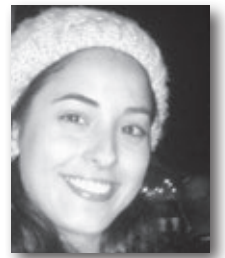
ליטוין דנה

לבוביץ ישראל

לאו דנה

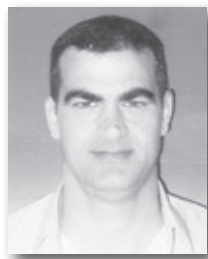
כהן ספיר

עוזר קורל

סטביסקי עומר

סוקולובר איתי

נחומסון נוי

מטלין שני

מקבלי מלגות

דצמבר 2015

אולמרט נדב

אולמרט בר

אולך אריאלה

אוביץ מיכל

אדר נועם

אניספלד עומר

אלכסי אופיר

אזרן ניב

אומנסקי ים

אולמרט ניצן

בנוסביץ דנית

בן טל יונתן

בן הרוש פנחס

בורשטיין רונה-גנית

בורשטיין איתי

דוידוביץ איילה

גרינר זיו

גן אור גיל תום

גור תמר

גולן לילך

הלזינגר שני

הלזינגר עינת

הירש עידו

דרוק הדס

דן ענבל

עוד מטקס תלוות מלגות 2015

מיכאיל רינסקי על מפגש חנוכה מסורתית ותלוּקת מלגות / מרוסית יהודית סנדל

את שפת הסבים והסבתות שהביאו מהבית ברוסיה.

את הערב פתח כרגיל סגן יו"ר רוני ויינרמן. את עיקרי הדברים על פעילות השנה החולפת נשא יו"ר יוסי קליין. הוא ברך את האורחים הרבים וביניהם את שגריר סין מר צ'אן יונגסן ואת האורחים האחרים, הוא הודה לשגרירות על יחסיה החמים עם האגוד ועל שיתוף הפעולה עם ארגונים סיניים. בדבריו ציין את הקשיים הכספיים בהם נתקל האגוד ועל הצעדים בהם נקטה ותנקוט הנהלת האגוד. שגריר סין בישראל, מר צ'אן יונגסן נשא גם הוא דברים בהם ציין את הקשרים ההדוקים בין שתי המדינות בשטחים שונים. אורחים נוספים נשאו גם הם דברים חמים.

שרה'לה שרון, שניגנה ושרה סחפה אחריה את הקהל ויצרה אווירה חמה בה השתתפו רבים ובהם שגריר סין וסטודנטים סיניים וישראלים.

לסיום הערב הוענקו מלגות ל-73 סטודנטים ישראלים ו-13 סטודנטים סיניים. המקצועות הנלמדים בארץ על ידי הסטודנטים הסיניים כללו - יהדות, שואה, ארכיאולוגיה, אמנות ומדעי המדבר. סטודנטים ישראלים רבים לומדים כיום בסין.

לפרידה, הזמינה הנהלת "אגוד יוצאי סין" את הנוכחים לבקר במעונם החדש ברחוב הברזל 31, רמת-החייל בתל-אביב. נותר רק לברך בברכת חנוכה הבית ולאחל עוד שנים פוריות רבות.

יוסי קליין ון ויטנרמן עם שגריר סין

ד"ר יו נציגת מכון קונפוציוס ובוגרת אוניברסיטאות בישראל ומלגות האיגוד

שרות עם שרה'לה שרון

וסטודנטים סיניים. כמחבר הספר בשפה הרוסית "יהודים סיניים" - שמחתי לפגוש לא רק את הצמרת של אגוד יוצאי סין, אלא גם את יהודית סנדל-קליין, ואת אבי פודולסקי... לצערי רבים מהעלייה הסינית כבר הלכו לעולמם. למעלה משלוש שנים חלפו מאז הלך לעולמו יו"ר האגוד תדי קאופמן, אחד ממקימי ה"אגוד" העומד לחגוג בשנה הקרובה 65 שנים לקיומו. תיאודור קאופמן עמד מאחורי יסוד כתב העת "בולטין" - כתב עת היוצא לאור זה למעלה מ-60 שנה בשלוש שפות. את תדי קאופמן הזכירו רבים מהדוברים על הבמה. בת זוגו רשא קאופמן נוכחה בערב על בימת המכובדים.

על פי המסורת, נפגשים משתתפי הכנס במסדרונות שסביב האולם, משוחחים ביניהם בעברית, אנגלית, רוסית ואף בסינית. מעלים נשכחות ונהנים מהכיבוד הקל.

בחלוף 65 שנה מאז העלייה מסין, רבים מהעולים שכחו את השפה הסינית, אך העניין לשפה הולך וגובר בקרב סטודנטים ישראלים. לדוגמה אקח את נכדתי, אשר כבר בזמן לימודיה בבית ספר תיכון החלה ללמוד את השפה הסינית ומשלימה כבר את שנת הלימוד הרביעית. השפה הסינית נלמדת בנוסף לשפה העברית, האנגלית והערבית. בקיץ אף נסעה בקבוצה לבייג'ין ושנחאי שם הכירה מקרוב את רזי התרבות הסינית ושפתה. רבים בבית ספרה אף למדו

המפגש המסורתי השנתי של יוצאי סין התקיים בדצמבר ב"בית התפוצות". הפעם, נערך המפגש לאחר חג החנוכה ולמרות זאת הייתה האווירה חמה ורבת משתתפים, ביניהם רבים מצאצאיהם של יוצאי סין בני הדור הישן ובהם סטודנטים הזכאים לקבל מלגות מטעם "אגוד יוצאי סין".

על פי המסורת של האיגוד, מלגות מוענקות לא רק לסטודנטים ישראלים שהם צאצאי העולים מסין, אלא גם לסטודנטים סיניים הלומדים במוסדות להשכלה גבוהה בישראל. יו"ר אגוד יוצאי סין יוסי קליין, סגניו רוני ויינרמן ו וטדי פיאסטונוביץ' קבלו את האורחים בחמימות רבה. יחד אתם נוכחו נציג משרד החוץ הישראלי, ועיתונאים. במרכז ההתעניינות - אורחים מסין: שגריר סין בישראל צ'אן יאנסין ועובדי השגרירות.

נציגי השגרירות עם תמו קהת מפקחת לימודי סינית

באגודת ידידות ישראל סין

מופע במפגש מכון קונפוציוס

אגודת ידידות ישראל סין נוסדה עם כינון היחסים הדיפלומטיים בין מדינת ישראל לרפובליקה העממית של סין בתאריך 10 למרס 1992. אסיפת היסוד של האגודה התקיימה באותו תאריך בשעה 17:00 במרכז הקהילתי של איגוד יוצאי סין בבית "פונבה" ברחוב גרוזנברג 13 בתל אביב. באסיפת היסוד השתתפו ארבע עשר חברים. היו"ר היה תדי קאופמן ז"ל, הגזבר יעקב טנדט ז"ל והמזכיר דב מירקין ז"ל.

מטרת עמותת אגודת ידידות ישראל סין, לטפח קשרי ידידות בין עמי ישראל וסין, בתחומים בהם אנו יכולים לתרום ועל פי החלטת ועד העמותה.

פעילויות שהיו בשנת 2016 כוללים הזמנה של מכון קונפוציוס באוניברסיטה העברית בירושלים לערב מופע בהשתתפות משלחת אמנותית של תלמידים מסין וסטודנטים

מהחוג ללימודי אסיה מהאוניברסיטה העברית בירושלים. המופע כלל קטעי ריקוד, שירה ונגינה בכלים סיניים מסורתיים. האירוע התקיים ביום רביעי 16.3.16.

כמו כן קיבלנו הזמנה לקבלת פנים לראש השנה של הבהאיים, שהתקיים במלון המלך דוד בירושלים בתאריך 22.3.16.

כנס הרדיו הסיני הבינלאומי בתאריך 6.4.16, בהשתתפות משלחת בכירי הרדיו הסיני הבינלאומי המגיעים לישראל על מנת לבחון שיתופי פעולה עם גופי תקשורת ישראליים.

היעדים הבאים של אגודת הידידות לשנת 2016 מתמקדים בעיקר בשיתוף פעולה עם מכון קונפוציוס במספר תחומים: קיום כיתות לימוד השפה הסינית בקבוצות של שמונה עד עשרה תלמידים בכיתה. הרצאות בנושאים הקשורים לסין ולתרבותה, אחת לרבעון. ההרצאה תכלול התכנסות, כיבוד

קל, הרצאה ובמקרים מסוימים דיון לאחר ההרצאה. סדנאות לאומנות סינית כגון גזרי נייר, קיפולי נייר ועוד.

ככל שנה גם השנה נארגן טיול שנתי בארץ, בהשתתפות שגריר סין בישראל, נציגים מעובדי השגרירות ובהשתתפות חברים מאגודת ידידות ישראל סין. פרטי הטיול יפורסמו בקרוב.

ברצוני לציין כי כל הפעילויות מותנות בהשתתפות פעילה של חברים באירועים ובסדנאות, על פי בחירת החבר.

מאחר ובכוונתנו להגדיל את מספר החברים באגודת הידידות ולהוריד את ממוצע הגיל על ידי שיתוף הדור הצעיר, נשמח לקבל מועמדים חדשים בהמלצת החברים הקיימים.

רוני וינמן

יושב ראש אגודת ידידות ישראל סין

ההנהלה וחברי אגוד יוצאי סין
משתתפים בצערם של רוני, איתן וכל משפחת רחמים
עם מותו של אבי המשפחה
דניאל רחמים ז"ל

מפתנים לאגוד

אודה למי מן הקוראים שזוכר או יודע:

- בשנת 1944 יצא לאור בשנחאיי ספר במהדורת כיס, בשם "דער יידישער וועקער", בהעלמת שם מחבר. בספר מוקדשים עמודים רבים להזכרות דתיות למועדי חודש תשרי - כמו גם נושאים נוספים. האם יודע מאן-דהו מה שם המחבר, או על רקע להדפסת הספר?
- בין השנים 1941-1947 התגורר בשנחאיי רבי שמעון שלום קאליש - הרבי מאמשינוב. יהודי נמוך קומה עם זקן ארוך שהיה חביב מאוד בעיני תושבי המקום. האם יש למי מן הקוראים, זכרונות, תמונות או מסמכים אודות רב זה? אם בידכם לעזור לי בשני העניינים הנ"ל אנא צרו קשר בטל' 025808927 או לכתובת מייל: eizental@gmail.com

תודה רבה
שלמה אייזנטל

To whoever can help.

- In the year 1944 was printed in shanghai a book named "der yiddisher veker", with no name of the writer. Does anyone have information about the writer of the book?
 - Between the years 1941-1947 lived in shanghai rabbi shimon shalom kalish - rabbi of amshinov. A lovely rabbi. Does anyone have memories, pictures or others?
- If you can help me with the above, please contact me by phone 025808927, or email eizental@gmail.com

Thank you very much
Shlomo Eizental

20

שלום רב למר יוסי קליין נשיא איגוד יוצאי סין.

אבקש את עזרתכם במציאת מידע אודות רחל לגנר, אחות של סבתי.

במסגרת מחקר משפחתי מצאתי את שמה (Legner Rahel) באתר האינטרנט של בית הקברות היהודי בחרבין, בטור 23 שורה 28: www.zegk.uni-heidelberg.de/hist/ausstellungen/harbin/Harbin_Lageplan_New_Cemetery.htm. ראיתי שיש באתר מידע ותמונות של המצבות, אבל דווקא עליה אין לצערי מידע או תמונה (אפילו שיש צילומי מצבות מאוד קרובות) יצרתי קשר עם פרופ' דן בן כנען שסיפר לי את הסיפור המורכב של העברת בית הקברות למיקומו הנוכחי ואובדן חלק מהמצבות. במקביל הוא בעצמו ימשיך לחפש קצה-חוט מהצד שלו. וינסה שוב למצוא שריד כל שהוא בביקורו הקרוב בבית הקברות. פרופ' דן היפנה אותי אליכם כי הסינים פנו אל קהילת חרבין לפני העברת המצבות וביקשו 50 דולרים למצבה והקהילה פנתה לאגודה בארץ שטיפלה בהעברת התשלומים דרך הונג-קונג. העניין הוא שאין לי מושג מי יכול היה לשלם \$50 על העברת המצבה אבל מאוד ייתכן שאצלכם יש רישומים על זה! דבר שיכול לתת לנו קצה חוט של מידע נוסף על רחל לגנר. אוסיף מספר פרטים:

- א. כל משפחת לגנר ממינסק מאזוביאצק (40~ק"מ מורשה) כנראה נרצחה בשואה למעט סבתי שרה-אסתר שטילמן לבית לגנר. ידוע לי על אחיה הקטן אריה-לייב לגנר שלחם בגטו ורשה - כנראה בקבוצה של תלמידי ישיבה שהסתתרו בבונקר תת קרקעי.
- ב. ידוע לי שאחותה רחל-ראשקה לגנר רצתה לעלות לארץ והצטרפה לקבוצת הכשרה ביוזפוב (מצורפת גלויה ממנה מ, 12.12.1938, ורשה) הייתה שמועה במשפחה שייתכן שברחה מזרחה לרוסיה.
- ג. השם לגנר (לעגנער) הוא מאד נדיר - בין היתר כי יש לו משמעות שלילית באידיש, ולא נותר כמעט אף יהודי בשם זה בעולם. כמו כן זוהי מצבה בודדת וזה מחזק את השערת שכןראה מדובר בפליטה שהגיעה לחרבין אחרי או במהלך מלחמת העולם השנייה.
- ד. סבתי שרה-אסתר שטילמן ז"ל מילאה דף עדות ביד ושם על אחותה רחל לגנר בתאריך 26.12.1956 (מצורף) כך שנראה שהיא חשבה שהיא איננה בין החיים ובכתובת במלחמה היא ציינה את העיירה בה היא נולדה - מינסק מאזוביאצק.
- ה. אני משער שאם מישהו היה מודיע לסבתי בסוף שנות החמישים שאחותה האבודה שרדה באופן פלאי את השואה ע"י בריחה למזרח, אך לבסוף נפטרה בחרבין, היינו יודעים על כך.
- ו. אבי, המשורר והגאולוג משה-דוד שפריר לבית שטילמן שליט"א (יליד הארץ 1935) אינו זוכר אף פנייה כזו.
- ז. היה קרוב משפחה אחד ויחיד בשם צ'ארלס לגנר - דוד של רחל לגנר- שחקן קולנוע שחי בארה"ב בלוס אנג'לס אבל הוא נפטר ב1956. לפני שהעבירו את בית הקברות והוא היה גרוש עם בן אחד שנהרג במלחמת קוריאה ב1955, לא נראה לי סביר שגרושתו נורמה לגנר לבית פאסטמנטר (התגרשו עוד ב~1950, נפטרה 1971) הייתה שולחת \$50 לסין.

אם אכן זו אותה רחל לגנר, זהו נס גדול ואם יש עוד רישומים לגביה בארכיונים אצלכם של חרבין אז בכלל...

תפנית הקשר הרב דורי - פנים רבות לה

תשע"ה 2015

d/0B14yv-lwkChxTUt2bVdId2Jqa0E/
view?usp=sharing ובחוברת הכנס.
האירוע המשיך בטקס שנפתח לאורו של
השר אורי אורבך ז"ל שאהב ותמך בתכנית
מאוד, ובמהלכו הושק ספר דיגיטלי "
www.flipsnack.com/A7E59F86AED/
ftisrili7.html

משיני חלב לשיני זהב". שם הספר נכתב
על ידי אורי אורבך ז"ל לתמי גרין, מנהלת
התכנית, על מפית נייר עם חזון לכתבת ספר
על קשר בין הדורות. לכבוד האירוע, יצא ספר
עם סיפורים של אזרחים ותיקים שהשתתפו
בתכנית, ציטוטים מספריו של אורבך ז"ל,
ובכריכת הספר איור שתרם המאייר שי
צ'רקה, שאייר את כל ספריו של השר. בספר
הוצג על ידי ד"ר עופר רימון לראשונה בכנס
והוענק למיכל אורבך, שהייתה שותפה
פעילה לתהליך.

תעודות הוקרה הוענקו ליוזמות פורצות דרך
ולנציגים ומשתתפי התכנית על הובלה יוצאת
דופן, ואתנחתא מוסיקלית ניתנה על ידי
מקהלה רב דורית מבת ים.

כ- 450 קבוצות בבתי ספר מכל הארץ
השתתפו השנה בתכנית "הקשר הרב דורי",
תכנית שמחברת בין הדור הצעיר לבין
הדור המבוגר באמצעות למידה משותפת.
התלמידים מנחים את האזרחים הוותיקים
ברזי הטכנולוגיה ונחשפים לסיפוריהם של
הוותיקים. יחד הם מתעדים את הסיפורים
ומעלים אותם למאגר סיפורי מורשת בבית
התפוצות.

www.ravdori.co.il

פתיחה בבית ספר אלומות

קהילות יהודיות מהודו וסין. דגל שהונף
בהכרזת המדינה, מצלמה מראשית המאה ה
20, ותהליך הכנת קפה מסורתי הוצגו בביתן
"חפצים מספרים". היה אפשר לבקר בכיתת
לימוד של אזרחים ותיקים החוזרים לבית
הספר, לצפות בסרטים מרגשים שנעשו
על ידי תלמידי מגמת קולנוע עם דמויות
מופת ביישוב שוהם, לטוס עם התכנית
לקהילות יהודיות מעבר לים, להצטלם עם
Google בביתן "סבתא ברשת", לגלות
מה עומד "מעבר לדלת", לשמוע על תיעוד
מקומות וגם להתרשם מלמידה שיתופית בין
צעירים ומבוגרים במגזר היהודי והדרוזי.
היוזמות מיוצגות ב sites.google.com/a/ravdori.tzafonet.org.il/manyaspects/home אתר

בגליון קודם של בולטין סיפר לנו על
השתתפות חברי אגוד יוצאי סין בבוכנית
"הקשר הרב דורי" ועכשיו אפשר לסכם וזה
נעשה בכנס הארצי השנתי לסיכום שנת
הפעילות.

תכנית הקשר הרב דורי תשע"ה התקיימה
בסימן "תכנית הקשר הרב דורי פנים רבות
לה" ביום שלישי ט"ז באייר תשע"ה 5.5.15
בבית התפוצות - מוזיאון העם היהודי.

האירוע נערך במעמד מנכ"ל המשרד
לאזרחים ותיקים עו"ד גלעד סממה, מנכ"ל
בית התפוצות דן תדמור, מנהל מינהל
תקשוב ומערכות מידע במשרד החינוך ד"ר
עופר רימון, נציגות שגרירות הודו בישראל,
מיכל אורבך, אלמנתו של השר אורי אורבך
ז"ל, נציגי רשויות, ארגוני שותפים, מפקחים,
מנהלים, מורים, אזרחים ותיקים ותלמידים.
כל חברי אגוד יוצאי סין שהשתתפו בפעילות
זו הוזמנו והשתתפו בכנס. סיפוריהם של
המשתתפים פורסמו באתר בית התפוצות
וניתן להגיע אליהם בלינק הבא:

www.ravdori.co.il

וחפשו ביוטיוב: הקשר הרב דורי מורשת סין
storiespage.aspx

האירוע נפתח ביריד יוזמות שהוצגו בדוכנים
מעוררי השראה, כאשר כל דוכן מציג יוזמה
אחרת ומיוחדת שהופעלה השנה בבתי
הספר ברחבי הארץ.

שופר שהוטמן באדמה במהלך השואה,
חנוכייה מתפרקת בת עשרות שנים,
ותלמידות וסבתות מרגשות סיפורו על
הנעשה ברשת חב"ד. תבלינים ומיצגים
ססגוניים קישטו את ביתן שעסק בתיעוד

סיכום עם המורה ליאורה

תשתחרר על התנהגות טובה, ותוכל לצאת לחיים חדשים". אבא קרא להם אינקוויזיטורים של המאה העשרים. הוא שנא את המשטר הסובייטי אך אהב את העם הרוסי. הוא ספג תרבות רוסית, ופעמיים בחייו, כשהיה במצבים קשים מאוד, הרוסים לא אכזבו אותו. הפעם הראשונה הייתה בשנת 1919 כשאבא גויס על ידי קלצ'ק, כשהצבא הלבן יצא לצעדה רגלית למזרח הרחוק, המסע המפורסם, "המסע הרעב" במדבר גובי במונגוליה. אבא נוכח לדעת שהעם הרוסי הוא עם רחמן, ולמד להעריך אותו. במונגוליה האשימו אותם שהם פרו סובייטים על אף שהם נלחמו נגד הקומוניסטים ונאסרו. אבל אין להשוות את המאסר הזה שהיה קצר, ולאחריו הוא חזר לחרבין, למאסר הממושך במחנות הכפייה הסובייטים.

הפעם השנייה הייתה לאחר גזר דינו. אבא ומאות אסירים נוספים נסעו חודשים ארוכים ברכבות מסע שיועדו להובלת בהמות. ובכל תחנה לאורך הדרך עמדו אנשים, עמך פשוט, איכרים רוסים ונתנו לחם ומים חמים לאסירים. הייתה בזה מידה של סכנה, אנשי האנקה.ו.ו.דה, שמרו ברכבת, היו גם צ'קיסטים, והנה רוסים פשוטי עם, שלא הכירו את האסירים, פשוט מסיבות של אנושיות, נתנו להם מזון.

אבא לא היה סוציאליסט, הוא אהד את התנועה הקיבוצית ואת תנועת העבודה והאמין שבהם טמון העתיד של עם ישראל. הוא היה ציוני, נוסח חיים ויצמן שאותו העריך. בארץ הוא הצטרף לתנועת העבודה למפא"י.

במשך שש-עשרה שנה בהיותו כולו בברית המועצות חשבנו עליו כל הזמן והתגעגענו אליו. חיינו נסובו סביב המאבק לשחרורו, התדפקנו על כל דלת ונלחמנו מלחמת התשה עם עשרות פקידים. שלחנו אין סוף מכתבים ובקשות, לפרקליטים, לגנרלים, לד"ר לוין שהיה אחד הקורבנות שנפל בעת "משפט הרופאים" שניהל סטלין נגד רופאים יהודיים ורופא ראשי של מרשל מרזקוב.

"ב-12 באוגוסט 1952 הוצאו כמעט כל גדולי הסופרים בידיש להורג. בינואר 1953 נמסר שנחשף קשר בין רופאים יהודים בברית המועצות לבין יהדות ארצות-הברית".

עוד בהיותנו בחרבין פנינו לד"ר לוין, שהיה רופא בצבא האדום, והיה הרופא הראשי של הארמייה שכבשה את חרבין. בהיותו מקורב לבכירים בקרמלין, ובהתחשב בכך שהיה יהודי, חשבנו שיוכל לעזור לנו. לא ביקשנו ממנו לסייע בשחרורו של אבא, רצינו רק לברר היכן הוא נמצא, אך אפילו להגיע למידע זה לא הצלחנו. החל מאבק קשה רצוף עשרות מכשולים בדרך. ניסינו לברר מידע גם דרך יהודים פולנים ששוחררו.

מ-1946 במשך שבע שנים לא ידענו היכן אבא נמצא ואם הוא חי. מדי פעם קיבלנו מידע מיהודי פולני שעלה ארצה ופגש את אבא במחנות בסוף שנות הארבעים, אבל דרישת שלום עדכנית ראשונה קיבלנו רק עשר שנים לאחר שנאסר בשנת 1955. חותנת של אחד מחבריי הגיעה לארץ, והחלה להתכתב עם בתה שנותרה בברית המועצות. יום אחד יחד עם המכתב מהבת הגיע מכתב מאבא. חבר שלנו היה בסיוור במחנות כפייה, זה היה לאחר הליברליזציה. לאחר מותו של סטלין ב-5 במרץ 1953, נעשה טיהור בשורות ה-ק.ג.ב. ובשירותים החשאיים האחרים, רבים מהסטליניסטים אנשי הקו הנוקשה סולקו. רוח חדשה החלה לנשוב בברית המועצות, מגמתה הכללית הייתה בכיוון ליברליזציה, חופש המחשבה וחופש הביטוי. קורבנותיו של סטלין שהושתקו או הוגלו - שוחררו בהדרגה, ורבים מאלה שחוסלו זכו לאחר מותם לִרְהֵבִילִיטַצְיָה. יורשו של סטלין, חרושצ'וב, התנגד לקו הסטליניסטי, הוא חשף את מעשי אכזריותו וגינה את פולחן האישייות שהתרכז סביב סטלין.

לנוכח התמורות והשינויים האלה הֵעֵז חברי, אזר אומץ, ניגש לאבא וסיפר לו שאשתו, ושני בניו נמצאים בישראל. עד אז אבא לא ידע שעלינו ארצה. חברי הציע שיכתוב מכתב והוא יעבירו ארצה. הוא גילה אומץ לב בלתי רגיל, אמנם היו ימי שלטונו של ניקיטה חרושצ'וב והפחד מהשלטון נמוג במעט, אך סוכני ה-ק.ג.ב. שרצו בכל מקום.

חברי החביא את המכתב ושלח אותו אלינו. לא היו בו שמות ולא חתימה, אבל הכרנו מיד את כתב היד.

אחר כך, כשהחל תהליך השחרור הממושך של אבא, התחלנו לקבל פעם שלושה חודשים גלויה באמצעות הצלב האדום במוסקבה. המען למכתבים היה תיבת דואר במוסקבה.

כשאבא השתחרר מהמחנות ב-1956, הוא ביקש להיות במוסקבה אבל השלטונות סירבו. שחרור מהמחנה אין פירושו שהפכת לבן חורין, 'חופש' היה מושג יחסי בברית המועצות. ידוע לכל שאחרי מחנות הכפייה נשלחים ה"משוחררים", בייחוד הפוליטיים, לגלות. זאת ועוד אסירים פוליטיים, גם לאחר שחרורם מהגלות, עדיין לא נחשבו לאזרחים מן השורה, נאסר עליהם להתגורר בערי הבירה ובתעודת הזהות היו סעיפים מגבילים. לכל אזרח רשמו בתעודה את מקום מגוריו, מי שלא הייתה כתובת נחשב כעובר על החוק ועלול להיעצר על ידי המשטרה.

אבא ביקש אפוא להיות בקזחסטן בקְרֶגְנָדָה, שם היה במחנה בתקופה האחרונה שלפני שחרורו. הוא חזר לקְרֶגְנָדָה, שהייתה עיר מרכזית ומסביבה מכרות פחם, והחל לעבוד כרופא במרפאה במכרות הפחם. הוא התגורר בבית מהנדס יהודי. באותה עת קיבלנו ממנו מכתב שהוא שוחרר והחל המאבק המתיש שנמשך חמש שנים למען עליתו ארצה. אבא היה חסר נתינות, וכאשר שחרורו אותו מהמחנות במוסקבה דרשו ממנו לקבל נתינות סובייטית. אולם אבא טען שהוא לא אזרח סובייטי, שהוא עזב את רוסיה ב-1912, ב-1919 איבד את אזרחותו מפני שהיה בסין, והוא חסר נתינות ואינו רוצה לקבל נתינות סובייטית. בעקשנות ובהתמדה הוא סירב לקבל אזרחות. פנינו אל כל השגרירים שלנו במוסקבה: נמיר, אליישיב, אבידו, ופרופ' הראל. הטענה שלנו הייתה שמאחר שהמשפחה שלו בארץ אנו מבקשים לתת לו אזרחות ישראלית ולהביאו ארצה. זה לקח שנים. משרד החוץ שלנו נתן הוראה לשגרירות מוסקבה להוציא לו דרכון ישראלי. גם לתת לו את הפספורט היה מבצע מסובך, הנסיעה ממוסקבה לקְרֶגְנָדָה ארכה שבוע ימים, לאנשי השגרירות אסור היה לנסוע לקְרֶגְנָדָה שהיה נחשב אזור סגור, ולאבא אסור היה לנסוע למוסקבה. לבסוף כאשר קיבל את הפספורט הוא פנה ל'אוֹבִיר' OVIR, המחלקה לויזות ולרישום שבמשרד הפנים לבקש היתר יציאה. חמש-עשרה פעמים סירבו לו. בפעם השש-עשרה, בפורים 1961, אישרו לו השלטונות לעזוב סוף סוף את ברית המועצות. הסובייטים כתמיד הערימו קשיים.

ב-26 במרץ 1961 הגיע אבא לארץ. הייתי בן שלושים-ושבע, אבא היה בן שבעים-וחמש. לא רק אני ומשפחתי חיכינו בשדה התעופה, כמה מאות מיוצאי סין המתינו אתנו. רבים מחו דמעה והייתה התרגשות גדולה. חשבנו שייצא יהודי זקן, כפוף, אולי נתמך על מקל, אבל לשמחתנו הופיע אדם זקוף, גאה ורוצה להתחיל לעבוד למחרת כרופא. עד גיל שמונים וחמש, עבד אבא במשרה מלאה כרופא בקופת חולים כללית. ב-1967 כשפרצה מלחמת ששת הימים הוא רצה להתנדב לצבא, אך נדחה בשל גילו. אבא לא ויתר על ביקורי בית, לא התעצל לבקר חולים שגרו בקומה שנייה ושלישית, התנדב לעבוד גם בתורניות שבת והיה תמיד מוכן למלא את מקומו של רופא אחר. הוא קרא מדי יום עיתון 'דבר' ועיתונים בידיש, לא היה מוכן לשמוע איזושהי טענה או טרוניה על המדינה, עשה מנוי לפילהרמונית, נתן הרצאות ברוסית וידיש, כתב את קורותיו בספר מרתק, וחי חיים מלאים ועשירים. הוא היה אדם שהגשים חלום. הציונות, שבה האמין מיום שעמד על דעתו, אותה ציונות שההיאחזות בה עזרה לו לשרוד, נתנה לו מושא לחלומות ולתקוות, הגיעה סוף סוף למימוש.

האהבה והקשר הרחני היה קיים בינינו במשך כל תקופת היותו בברית המועצות, לא חשתי כאילו נולד לי אבא, אבל חשתי כאילו זכיתי בו שוב. מעתה היה בינינו קשר הדוק של אב ובנו.

אבא עבד כרופא עד שלושה חודשים לפני מותו. הוא נפטר במרץ

שנת 1971, היה בן שמונים ושש במותו.

“אנחנו כמו אחים”, אמר, וחלץ את מגפיו. בתוך המגפיים היה פתק קטנטן בגודל של קופסת סיגריות כתוב בעפרון בכתב ידו של אבא ללא כותרת וללא מען: “אני בריא ושלם, מוסר לכם דרישת שלום, כך נוכל לתת זה לזה סימן חיים”. היה לנו ברור שהוא יכיר את כתב ידו וכתבנו רק מילים אחדות. את הפתק שקיבלנו שרפנו, ואת הפתק החדש לאבא החזיר הקצין אל תוך מגפיו.

הקצין הצעיר סיפר לנו שאבא היה בגרודקוה, עיר גבול בין מנצ'וריה לרוסיה. במחנה הראשון הנמצא על אדמת ברית המועצות ישנו בית סוהר עירוני וממנו נשלחים האסירים למחנות כפייה. התנאים בכלל היו תת אנושיים. אי אפשר לתאר את מצב האסירים. אבא היה גבר נמוך קומה, בן שישים, החורף כבר ממשמש ובא, והוא היה שם ללא ביגוד מתאים. ופרצה מגיפה קשה של טיפוס, בגלל המים המזוהמים, בגלל התנאים הסניטרים הירודים, בגלל שחמישים או שישים אסירים הצטופפו בתא קטן ובגלל הכל יחד. הצוות הרפואי מנה פֶּלְטְשֶׁרִים (מעין אחים) ולא היה ביניהם רופא מקצועי אחד. רבים חלו ומתו. נודע לצוות שאבא מומחה למחלות נגיפיות, במיוחד לטיפוס האסייתי שאבא הכיר היטב והוא הוצא מהתא והחל לטפל בחולים.

“אבא שלך דרש תרופות והציל הרבה אנשים. ואותי ביניהם. יהיה לו טוב”, אמר לנו פֶּטְיָה.

“מה זאת אומרת טוב?” שאלנו, “הרי הוא יישלח למחנה”.

“כן, אבל הוא יישאר בחיים”. ענה החייל. ואכן במחנות אלה, פרוסת לחם נוספת, כוס מים חמים, עבודה בתוך המרפאה ולא במכרה בחוץ, כל אלה קבעו את סיכוי הישרדותו של האסיר. לאחר שאבא הציל אותו אמר לו החייל: “אני חייב לך טובה, רק תבקש”. ואבא ביקש ממנו למסור למשפחה בחרבין שהוא חי וקיים. הוא בא אלינו שלוש פעמים נוספות כי שירת ביחידה של האנ.ק.ו.דה. שליוותה אסירים שהועברו מחרבין לגרודקוה. הוא לא ביקש דבר רק שיעון יד גדול שאחותו תוכל לעונד בכפר. קניתי לו שיעון והוא בכל פעם שהגיע הביא פתק מאבא. כאשר תם הכיבוש הסובייטי, נותק כמובן הקשר שלנו עם אבא.

ב-30 באפריל 1946 יצא הצבא האדום ממנצ'וריה וכעבור שעות אחדות נכנסה הארמייה השמינית המהוללת של מאו-צה-טונג. צבא ללא נעליים, מצויד ברובים מיושנים משנת 1905, אבל צבא אידיאליסטי. הם לא שדדו, לא הרגו ולא פגעו באוכלוסייה. נכון שהם העמידו לדין את מתנגדי משטר, את הקפיטליסטים ובעלי האחוזות והוציאו אותם להורג. אבל היה זה צבא שונה לחלוטין מהצבא האדום, הייתה לו משמעת פנימית אדירה. הם ישנו ברחובות ושמרו על הסדר.

אבא היה שש-עשרה שנה בברית המועצות מאוגוסט 1945 ועד מרץ 1961, ומתוכם אחת-עשרה שנה היה במחנה כפייה. בתקופה הראשונה הוא ישב שלוש שנים בתא בודד בבית הסוהר לובינקה במוסקבה. חקירות יום ולילה. הוא כתב על זה בספרו “רופא המחנה”. במשך שלוש שנים ניסו החוקרים להשפיע עליו שיחתום שהיה סוכן אמריקאי, שהוא שלח נוער יהודי לפוצץ תעשייה צבאית בברית המועצות, שהוא היה סוכן אימפריאליסטי, שהוא קיבל כסף מאנגליה, ושכל כוונתו הייתה חתימה תחת השלטון הסובייטי. הוא סבל מאוד, לילות וימים של חקירות ועינויים נפשיים, הרעבה ומניעת שינה, ועינויים נוספים מעין אלה שהיו כה נפוצים בשנות שלטונו של סטלין.

כעבור שלוש שנים, משעמד בסירובו לחתום על כל ההאשמות, דנו אותו שלא בנוכחותו לעשרים-וחמש שנות עבודת פרך במחנות כפייה. הקריאו לו את גזר הדין. אינני יודע אם זייפו את חתימתו או שהספיקה עדותם של חוקריו. היו לו כוחות נפש אדירים. הוא תמיד חיפש את הנקודה היהודית וידע לספר על אסירים יהודים שפגש, אבל לצערנו פגש גם חוקרים יהודים. מאלה הוא התאכזב במיוחד. אחד מאותם חוקרים, יהודי ממוסקבה, אף אמר לו: “אנחנו שייכים לאותו עם”. ייתכן שהמצפון הציק לו. שהרי אבא היה רופא, בן שישים ושלוש, דובר רוסי יפה ועשירה, ייתכן שהחוקר התפעל מאישיותו ומכוח עמידתו, אדם אחד מול חוקרים שמחליפים משמרת מדי שעות אחדות. מרבית

הנחקרים נשברו והודו גם בהאשמות שקריות לחלוטין. ואבא לא נשבר במשך שלוש שנות חקירה.

אחר כך היה שמונה שנים במחנות כפייה. הוא הועבר ממחנה למחנה וניצל בזכות היותו רופא ובזכות רוחו האיתנה ותקוותו לזכות לראות את המשפחה בארץ. ייתכן שגם היותו נצר למשפחה חב"דניקית (אמו הייתה נכדתו של מייסד חסידות חב"ד, הרב שניאורסון), היא סגולה לכוחות נפש. אבי לא היה דתי, הוא שמר מסורת והאמין באלוהי ישראל. מרבית האסירים שוחררו כשנתיים לאחר מותו של סטלין, ואילו הוא היה בין האחרונים ששוחררו, רק בשנת 1956. קיצצו את שנות המאסר שלו לאחת-עשרה שנים אך הוא לא קיבל רהביליטציה. כשיצא רצה לצעוק אל העולם כולו מה שקורה ליהודים מאחורי מסך הברזל. באותה עת העולם לא ידע על הנעשה שם והנושא בער בעצמותיו. “איני יכול לישון, איני יכול לשבת בשקט, אני לא מוצא מנוח לנפשי, חייבים להפסיק את קשר השתיקה, חייבים להוציא את היהודים מברית המועצות!” ו“צעקה!” היה חוזר ואומר.

במשך חמש שנים הוא לחם ונאבק כאסיר ציון עד שהתירו לו לעלות לארץ.

מתי מעט אנשים שנאסרו ב-1945 בחרבין שבו לעיר. לאחר שלוש שנים, בערך בשנת 1948, חזרו שני רוסיים ששוחררו. אחד מהם היה מנהל הספרייה של מסילת הברזל הסינית המזרחית. הוא היה אקדמאי, אינטליגנטי, מבוגר אשר שיתף פעולה בזמנו עם הרוסיים בעת הכיבוש היפאני. האדם הזה סיפר לי שפגש את אבא במחנות מאסר. הוא רוסי שאינו נחמד באהבת יתר ליהודים. הוא בא אלינו בלילה בחשאי וממנו שמעתי לראשונה על עמידתו האיתנה של אבא, אחר כך שמעתי סיפורים נוספים מיהודים פולנים שהגיעו ארצה. הרוסי הזה היה עם אבא בגרודקוה, בית הסוהר ששימש כמחנה מעבר, והתנאים בו היו תת-אנושיים, התעללות בכבוד האדם. אסירים פליליים שוכנו יחד עם אסירים פוליטיים, אנשי העולם התחתון, ורציחות שאירעו מדי יום ביומו. במחנות אלה גם דאגו השלטונות ללבות את השנאה האתנית, אנשי המאפיה הרוסיים שוכנו בתא עם אנשי מאפיה אוקראינית, ליטאים עם אסטונים, וכולם כמובן שונאי יהודים. בשנת 1945 הביאה ברית המועצות אסירים מכל רחבי המעצמה, ודאגה לשנע אותם ממערב למזרח ומדרום לצפון.

שלושה אסירים פוליטיים היו בתא אחד, מנהל הספרייה מחרבין, כומר פרובוסלאבי-אורתודוכסי ואבא, וכל האחרים אסירים פליליים. אבא אמר לרוסי הזה: “עלינו להילחם בחוליגנים”. המצב היה מאוד מסוכן, הם פחדו לעצום עין בלילה. הם החלו לשוחח ביניהם וכל האחרים הקשיבו. אבא סיפר סיפורים מהתנ"ך ומעשיות חסידיות, והוא ידע לספר סיפור ולרתק את שומעיו. הכומר סיפר מתוך הברית החדשה, והמנהל הספרייה מחרבין היה בקיא באתנוגרפיה של המזרח הרחוק ובעיקר בפולקלור הסיני והמונגולי. שלושת אלה הצליחו בשיחות שכאילו נוהלו ביניהם לרתק גם את העבריינים ושקט השתרר בתא, עד כדי כך שהפליליים היו מבקשים מהם במפגיע: “ספרו עוד סיפור”.

שמעתי וקראתי אין סוף סיפורים על האליטות שנכלאו במחנות הכפייה בעת משטר הטרור של סטלין, חלק ניכר מהם יהודים. בספרו “במדור הראשון” (שהופיע במערב ב-1968) מתאר אלכסנדר סולז'ניצין עלילה המתרחשת בבית סוהר מיוחד לאנשי מדע ומובלת העובדה הפרדוקסלית כי דווקא האסירים מצליחים יותר מכל לשמור על טוהר מצפונם ועל חירותם הפנימית, בעוד שראשי המדינה הם אסירי פחדיהם שלהם, קורבנות משטר האימים שהם עומדים בראשו. אין פלא לכן שאבא ואסירים אחרים שהוגדרו כ“אויבי המשטר” היו צמרת האינטליגנציה של ברית המועצות.

במשך כל עשר שנותיו בארץ אבא סיפר שוב ושוב על הימים הקשים האלה, על הפחד, על העינויים ועל ניסיונם של הקומוניסטים לשבור את רוחו של האדם. השיטה הייתה שבירת רוחם של הנחקרים ונטיעה תקוות. הם היו אומרים לנחקרים: “כדאי לך לחתום על ההאשמות, ברגע שתודה תוכל לעבור למחנה ושם תוכל לעבור “חינוך מחדש”,

הוא מופקד ואחראי על חמשת אלפים יהודים.

במשך שלוש-עשרה שנות שלטונם של היפאנים על מנצ'וריה (משנת 1932 ועד 1945), היו עליות ומורדות ביחסי הקהילה היהודית בחרבין עם השליטים היפאנים. מי ששלט הלכה למעשה היה הגנרל שעמד בראש המשלחת הצבאית היפאנית. הוא ישב בחרבין ועל פיו יישק דבר. הוא היה מנהיג כל יכול ומעמדו חזק אף יותר ממשלת מנצ'וריה הממונה. במהלך השנים התחלפו שלושה או ארבעה גנרלים. הגנרל הראשון שהגיע לחרבין וסיים למעשה את אוירת הפוגרום היה גנרל ח'יגוצ'י. לדעתו הוא אחד מחסידי אומות עולם. יפאני שהיה ידיד של היהודים. הוא היה איש צבא ונפל במלחמה נגד האמריקאים. הוא היה בעברו הנספח הצבאי בוורשה, הכיר היטב את היהודים, שמע על הציונות, הבין את מצוקת היהודים והושיט יד לעזרה. הוא סייע ביצירת קשרים עם טוקיו, כי השלטון היפאני היה ריכוזי מאוד וכל ההחלטות נתקבלו בעיר הבירה. ייתכן שבזכותו ובזכות אנשים כמוהו אישרה ממשלת טוקיו לעשרים אלף יהודים להיכנס לסיין, וזאת באותה תקופה ממש שהייתה להם ברית עם היטלר לאחר שנת 1937 שנחאי נכבשה ע"י היפאנים.

חרבין כולה הוכרזה כאזור צבאי. הארמייה קוונטון, בת מיליון חיילים, הוצבה לאורך הגבול עם ברית המועצות, כך שהמשטר שם היה תמיד נוקשה ואכזרי יותר מאשר ביתר חלקי סיין. חרבין הייתה תחת השפעה רוסית והיה לה קשר רופף מאוד עם העולם החיצון. בשנחאי, לעומת זאת, ישבו עשרות אלפי אמריקאים ואנגלים, הייתה שם עיתונות וקשר עם רוב המדינות בעולם.

בשנות 1938 הופעל לחץ גדול על היפאנים לקבל את חוקי נירנברג. ואכן בעיר הנמל צ'נדאו, בדרום סיין בין דיירן לבין שנחאי, התקבלו הוראות. כל יהודי שהגיע לשם הוחתמה תעודתו באות J. אולם בוטל בזכות יפאנים ידידי יהודים מצמרת הצבא היפאני.

אבא היה מקובל על הידידים היפאנים, הם ידעו שהוא בקשרים עם הקונגרס היהודי העולמי ועם הקונגרס היהודי האמריקאי. הוא התכתב עם מנהיגים שונים. הייתה לו גם הופעה מרשימה, הוא ידע לשכנע, לדבר בתקיפות ובגאווה, כאילו עומדת מאחוריו מעצמה או איזה כוח צבאי.

בשנת 1945 זמן קצר לפני הכיבוש הסובייטי שוב הורע מצבם של היהודים בחרבין. אחד הפקידים הבכירים ב'נדרמייה היה יפאני מטורף שהיה מסתובב עם החרב הסמוראית שלו. הוא נהג לעצור יהודים לשתים-עשרה או לעשרים-וארבע שעות. אנשים לא ישנו בלילות מרוב פחד. לעיתים המעצרים היו למטרת סחיטה, אבל לא ניתן היה לדעת זאת מראש וזה היה מפחיד מאוד. המטורף הזה בא לאזור הקייט מעבר לנהר, שבו יהודים רבים השכירו דאצ'ות לחודשי הקיץ. הוא היה מצווה עליהם להיכנס לנהר, מאיים עליהם עם חרב שלופה, ודורש מהם להצהיר שהם סוכנים אמריקאים ומטרתם להפיל את האימפריה היפאנית. יום אחד הוא הגיע גם לדאצ'ה שלנו. אבא לא פחד ממנו ואמר לו: "אתה לא עושה את הדברים על דעת מפקדיך, אני אתלונן עליך". וכשאמי החורגת נכנסה לחדר וביקשה מאבא שלא יתעצבן ולא יתרגש, הרים עליה היפאני את קולו ואבא אמר לו בתקיפות: "אתה לא תרים את קולך על אשתי!" ואבא בגבורה ובאומץ פנה אל מפקדיו היפאנים ופעולותיו של המטורף הזה הופסקו.

ב-17 באוגוסט 1945 נכנס הצבא האדום לחרבין. הצבא הזה לא דמה כלל לצבא היפאני המסודר והממושמע. החיילים הסובייטים שדדו ואנסו, תחנות חשמל הועברו לברית המועצות, שנתיים לא היה חשמל, רק תחנה אחת סיפקה חשמל לבתי חולים ולבית הקולנוע. הם התאכזרו במיוחד ליפאנים אבל גם הסינים, גם רוסים וכמובן היהודים סבלו מהם. הסינים שהיו בתחילה בני בריתם, קיבלו אותם בהתלהבות, ראו בהם כצבא המשחרר אותם מעול היפאנים, ואף השליכו פרחים לעברם ברחובות, התנהגות שאינה אופיינית כלל לאופיים המאופק של

הסינים. אולם כעבור שבוע ימים הכל התהפך, נוצרה שנה תהומית לכל מה שקשור לרוסיה. הסינים שנאו את הרוסים וכינו אותם בתיעוב: "לה מוזה" (האירופאים). חיילים אלה של הצבא האדום לא היו אותם חיילים למודי קרבות שנלחמו נגד הגרמנים. אלא חיילים שהוצבו במזרח הרחוק, נלחמו זמן קצר, כעשרה ימים, ונכנסו בדרך המלך לחרבין. אף ירייה לא נורתה לעברם בחרבין. הסובייטים עברו ברחובות בבטחה והיפאנים לא נגעו בהם. אחר כך היו מקרים בודדים של מתאבדים (קאמיקאזים) יפאנים שניסו לפגוע בחיילים רוסיים. ולמרות זאת היה זה צבא שהתנהג כאספסוף שלוח רסן. איש לא העז לצאת לרחוב, וזאת בנוסף על אלפי אזרחים שהם תפסו ברחובות ושלחו לרוסיה.

הצבא האדום הגיע בספינות דרך נהר סונגאר, ברכבות, וגם במטוסים. צבא ענק שנראה בכל מקום בעיר. בניגוד למשטר היפאני שהשליט את מרותו על ידי הז'נדרמריה, ואילו אנשי צבא כמעט ולא נראו, הרי שהצבא הרוסי היה בכל מקום. מעולם לא ראית חייל יפאני שיכור, או חייל שודד, היה זה צבא ממושמע. היפאנים שמרו על חרבין עד לרגע האחרון. אפילו החלפת השלטון הייתה מסודרת, הגיעה משאית רוסית, ירד ממנה חייל רוס, החייל היפאני עלה למשאית והרוסי נשאר לשמור על העמדה במקומו.

מיד עם כניסת הצבא האדום הוטל עוצר על העיר, כמקובל במקרים אלה, וכל נציגי העדות והקהילות הוזמנו ל"יאמטו הוטל" שהיה מלון יפאני, שבו התמקם המטה של הצבא האדום. כדי להכיר את מפקד העיר ועוזריו שיהיו מעתה המושלים הצבאיים של העיר. ההודעות היו מרגיעות שהאוכלוסייה האזרחית לא תיפגע וכו', אבל רבים היו ספקנים.

לא אשכח לעולם את יום הכיפורים בספטמבר 1945. ב-21 באוגוסט אבא נאסר ובדיוק ביום כיפור, בהיותי בבית הכנסת, שמעתי שהם נלקחים מבית הסוהר המרכזי בחרבין. רצנו לרחוב הראשי, הרחוב הסיני, וראיתי את אבא מועבר עם אסירים נוספים למשאית פתוחה של הצבא האדום ומשם אל תחנת הרכבת. שמרו עליהם אנשי ה-ק.ו.ד., בעלי התגים הירוקים. זו הייתה הפעם האחרונה שראיתו. רצתי מבית הכנסת וראיתי אותו, נפנפנו לשלום זה לזה. הוא היה איש חזק ולא נשבר, על כך יש עדויות רבות מאוד מאנשים שהיו איתו במחנות הריכוז ברוסיה. הוא היה אז גבר כבן שישים אבל רוחו הייתה איתנה.

פעם באו לעצור גם אותי. אמי החורגת ראתה ששמי מופיע על פקודת המעצר. היא התעשתה במהירות ואמרה להם: "את קאופמן כבר אסרו מזמן". השוטרים הלכו וכך ניצלתי. אחר כך לא העזתי לחזור הביתה כמה ימים, והסתובבתי ברחובות עד שחשתי שהסכנה חלפה.

כשהעבירו את אבא לברית המועצות בשנת 1945. כל הבקשות והפטיציות שהגשנו לא נענו. לא היה לנו מושג לאן הועבר, האם הוא חי בכלל. לילה אחד, כארבעה חודשים לאחר שאבא הועבר לברית המועצות, היה חושך, לא היה חשמל, השתמשנו בנרות, גם הן היו במשורה והשתמשנו בפתילות. בבית נותרו אמי החורגת, אחי החורג ואני, לפתע שמענו צלצול בדלת. גרנו בקומה ראשונה במרכז העיר, וצלצול כזה גם ביום היה מפחיד דיו. מאחורי הדלת אמר מישהו: "תפתחו את הדלת!" "מי אתה?" שאלנו.

"אל תפחדו, יש לי משהו עבורכם". פחדנו מאוד אך פתחנו את הדלת. נכנס חייל צעיר מהצבא האדום. הוא שאל: "מי נמצא בבית?" " רק אנחנו", ענינו לו. הוא בדק את כל הדירה, סגר את הווילונות, התיישב ואמר: "הבאתי לכם דרישת שלום מאבא". לא האמנו לו, אך הזמנו אותו לאכול ולשתות, ואלה יודעים לשתות. הוא חשש יותר מאיתנו, כשיצא ענד את הדרגות שהסיר קודם ואז ראינו שהוא סגן. שמו היה פֶטִיָה, הוא השתייך לארמייה של מזרח הרחוק ולא השתתף בקרבות. יליד קולחוז קטן בסיביר, שרק לאחרונה חובר לחשמל. סיפר על משפחתו ועל אחותו שרוצה להתחתן אך אין נדוניה. רצה להשיג שעון יד כדי לתת לאחותו ואולי לסייע לה בכך למצוא שידוך. הבטחתי למצוא שעון עבורו. משנתאחרה השעה, ואחרי כמה בקבוקי וודקה, הוא כבר קרא לי פדיה,

כילד הוא חסר לי יותר והרגשתי שאין לו זמן עבורי. אבל כשגדלתי הייתי גאה שיש לי אבא כזה, וכמו רבים אחרים ראיתי בו מנהיג. אבא עצמו ספג ציונות מבית הוריו. סבי, יוסף זלמן קאופמן, השתייך ל"חובבי ציון" והיה נציג של ד"ר פינסקר באוקראינה ואחר כך גם בארץ.

על אף שאבא היה ציוני הוא נשאר בסין עד 1945. אולי מפני שעברו עליו שתי טרגדיות גדולות, בתו נפטרה (1923) וגם אשתו (1925), אמי. אולם הוא יכול היה לקבל סרטיפיקט ולעלות עם שני בניו ארצה.

בשנת 1919 ו-1920 הייתה הקהילה בחרבין בשיא פריחתה, היו בה בין עשרים לשלושים אלף יהודים שהגיעו מתחום המושב. הוא התכתב עם ד"ר גליקסון, ד"ר מוסיז'נוב, ד"ר בוגרשוב ואחרים שהיו חבריו ללימודים עוד משוויץ. הם כתבו לו שאסור לקהילה במזרח הרחוק להישאר ללא מנהיג ציוני. הוא יכול היה לברוח בשנת 1945, היפנים היו מוכנים להעביר אותו לדרום, לשטח הכיבוש האמריקאי. הוא ידע שהסובייטים לא יסלחו לו על היותו מנהיג ציוני. אולם הייתה לו הרגשת שליחות, שעליו לשמור על הקהילה, שהוא הכתובת הציונית של העולם היהודי במזרח הרחוק ולכן נשאר בחרבין.

היה לנו קשר עם הסינים, היו סינים שהיו לנו אתם קשרי מסחר, היו סינים שפגשנו אותם יום יום בחנויות, היו סינים שלמדו אתנו בגימנסיה, אבל לא היה מגע תרבותי. יהודים בודדים בלבד שלטו בשפה הסינית. אמנם למדנו בגימנסיה סינית ואחר כך גם יפאנית, אבל חיינו התנהלו ברוסית, כאילו בתוך הים הסיני היה אי רוסים ועליו מצודה של יהודים. כאילו גטו רוחני שסיפק את כל צרכי היהודים.

רוב העובדים במשק הבית היו סינים. הסינים הם טבחים מעולים ובבתים רבים עבד טבח סיני. הם היו עובדים מעולים ונאמנים, רובם באו לחרבין מכפרים. לנו היה עובד שעבד אצלנו עשר שנים עד שחזר לכפרו. הוא בישל מאכלים יהודיים, לא אכלנו אוכל סיני, בבית אכלנו אוכל יהודי מזרח אירופאי. אינני זוכר ששיחקנו ברחוב הרבה עם ילדים סינים, ואינני זוכר חברי ילדות סינים. חוץ מבית הספר התיכון, כפי שצוין, חיינו בגטו חברתי ורוחני של יהודים בחרבין. היו בחרבין בתי ספר ותיאטראות רוסיים, מעין דו-קיום.

חולה סיני שפנה לאבא ולרופאים יהודיים אחרים היה מקבל יחס מקצועי והגון כמו כל חולה אחר. השלטון היה סיני, השוטרים היו סינים, הם ראו בנו זרים ומוזרים אבל כעובדה קיימת.

אנחנו חשנו זרים, סין מעולם לא הייתה מולדתנו, אבל העם הסיני שהכרתי בצעירותי היה סבילני, מכניס אורחים, והעניק לנו הרגשה שאנחנו רצויים. אגב ב-1941 כאשר גרמניה פלשה לרוסיה, שימש העם הסיני כ"משביר המרכזי" וסיפק מזון וסחורות לכל האוכלוסייה האירופאית בסין.

הכיבוש היפאני החל בשנת 1932. השלטון היה טוטליטרי וריכוזי כפי שלא הכרנו עד אז. הוקמה מפלגה פשיסטית רוסית ששיתפה פעולה עם היפאנים. אנשיה התגייסו למשטרה ולז'נדרמריה שהוקמה עם תחילת השלטון היפאני, והחלו מעצרים של יהודים.

בראש המפלגה הפשיסטית הרוסית עמד אנטישמי ידוע ושמו קונסטנטין רודזייבסקי, שבסופו של דבר הועמד למשפט ונתלה במוסקבה. האידיאולוגיה שלהם התבססה על אנטישמיות גלויה, הם חרטו על דגלם את המילים "הכה ביהודים" והייתה אווירת פוגרום. בעיתונות הרוסית הגלויה הופיעו כתבות נאצה נגד היהודים. ההתקפות היו גם על אבא באופן אישי: "כפי שמשעה הוציא את היהודים ממצרים, כך יוציא ד"ר קאופמן את היהודים ממצרים". המשטרה הייתה לגרש, להפחיד, ולפגוע ביהודים.

יהודים נעצרו, ואבא התערב כיושב ראש הקהילה פעמים רבות כדי לשחרר עצורים. רוב האשמות היו בנושאים כלכליים, כי הוטלו מגבלות כבדות בנושאי מטבע חוץ ומסחר שהקשו מאוד על חיי היהודים. עד לכיבוש היפאני היה אבא מסייע ליהודים בעזרת שתדלנות מקומית,

בדרך כלל הודות לקשריו הטובים עם המשטרה, העירייה ומוסדות סינים מחרבין. אולם עם תחילת השלטון היפאני, על אופיו הריכוזי והנחיות שהיו נוחות באורח מסודר מטוקיו, היה על אבא להתמודד עם שתדלנות מסוג אחר.

עם התקרבות היפאנים בשנת 1932 פוצצו הסינים את כל הסכרים וגם את הסכר שמעל לנהר סונגארי. כתוצאה מכך היה שיטפון עצום בחרבין, המים בעיר התחתית הגיעו עד לקומות השניות של הבניינים. כעבור זמן קצר, עקב השיטפון, פרצה מגיפה כולירה. אבא היה רופא טוב מאוד. הוא היה רופא ילדים ורופא פנימי, התמחה במחלות אסיאתיות שונות כמו טיפוס. ואז כשפרצה מגפת כולרה עמד אבא בראש המאבק להדברתה. אנשים רבים נפטרו והיפאנים נעזרו בו כדי להילחם במחלה. זה העניק לאבא מעמד בעיני השלטון החדש.

הניסיון הרפואי של אבא הציל אותו גם בהיותו אסור במחנה כפייה סובייטי, אפרט על כך בהמשך.

באותה עת, בערך שנת 1934 או 1935, בתקופה האפלה של ראשית השלטון היפאני, אני ילד כבן עשר, היה בוקר יום כיפור ואני חולה ושכבתי במיטה. פתאום הגיעו אנשי הז'נדרמריה היפאנית לשני בתים, לבית שלנו ולבית של רב הקהילה, הרב קיסילוב. הם העמידו שומרים מסביב וערכו חיפוש כללי בדירה בטענה פרובוקטיבית שאנחנו מסתירים כלי נשק. הם הקימו אותי ממיטתי וחיפשו גם מתחת למזון. פחדתי מאוד, הם עלולים היו להטמין נשק ולטעון שמצאו אותו אצלנו. אבא, שמעולם לא החזיק כלי נשק בידיו, עמד שם דיבר איתם בצורה גאה ואמיצה: "זה ילד חולה, יש לו חום אל תגעו בו, אתם יכולים לבדוק את כל הבית, בבקשה". ראיתי את התנהגותו מעוררת הכבוד.

בתקופה הראשונה היה קל יותר, היפאנים השקיעו בפיתוח ובתשתיות. הם בנו בתי קולנוע, בתי מלון, פיתחו את שפת הנהר, הם סללו כבישים, הכניסו טכניקה ותעשייה. אבל הביאו עמם גם חוקים נוקשים.

אבא החל להזעיק את דעת הקהל. חלף עוד זמן בטרם הגיעו לאזור שלנו אנשי שלטון מתונים מטוקיו שהשליטו סדר בז'נדרמריה ויצרו קשרים טובים עם היהודים. חלק מהם היו פרו יהודים מסיבות פוליטיות בהאמינם שליהודים יש השפעה על אמריקה ושיהודים ואמריקה הם היינו הך. באותן שנים, בראשית שנות השלושים, עדיין התחשבו היפאנים בדעת הקהל.

אחד מידידיו של אבא היה הקולונל היפאני יאסוי. הוא ידע רוסית, התעניין בתנועה הציונית והוטל עליו לתרגם את "הפרוטוקולים של זקני ציון" מרוסית ליפאנית. בשנת 1928 נסע יאסוי לארץ ישראל ונפגש עם ראשי היישוב בארץ כמו אושישקין, דיזנגוף ואחרים. הם יעצו לו להיפגש עם ד"ר קאופמן בשובו למזרח. ואכן עם הכיבוש היפאני מונה הקולונל יאסוי לעמוד בראש המשלחת הצבאית היפאנית בדיירן. במסגרת עבודתו הוא הגיע לחרבין ובינו לבין אבי נקשרה ידידות אמיצה. יאסוי השפיע על הממשל היפאני שלא לפרסם את "הפרוטוקולים של זקני ציון" והספר נאסר לפרסום. אגב, האיסור החזיק מעמד שנים אחדות בלבד, בסוף שנות השלושים, בימי תור הזהב שבין יפן לגרמניה פורסם הספר.

בימי שלטונם של היפאנים היו מקרים של יהודים מחרבין שנאסרו ועברו עינויים קשים. בכל פעם שנאסר יהודי כזה היה אבא מנסה להציל ולשחרר בשתדלנות ובכל דרך אפשרית את האסירים. להישאר מאחורי סורגי הז'נדרמריה היפאנית, בתקופת כיבוש מנצ'וריה, היה תענוג מפוקפק מאוד. הם האשימו את היהודים בקשר עם ברית המועצות, אחר כך ב-1941 כשאמריקה הצטרפה למלחמה הואשמו היהודים שהם פרו אמריקאים והם סוכנים של אמריקה.

היה מקרה אחד ויחיד שבו נתפס יהודי שהגיע מפולניה והיה אכן מרגל סובייטי. הוא נתפס עם המשדר שלו, הועמד למשפט והוצא להורג. גופתו נמסרה למשפחה. אבי, כמו תמיד, דאג שתיערך לו הלוויה נאותה ושיובא לקבר ישראל. ליפאנים הייתה תפיסה כאילו ליהודים ישנה מעין טריטוריה נפרדת. הם התייחסו לאבי כאילו הוא קונסול לא מוכתר

השנה ימלאו ארבע שנים למותו של תדי קאופמן

שהיה בין מייסדיו ועמד בראש אגוד יוצאי סין במשך 40 שנה.

לציון תאריך זה אנו מפרסמים דבריו בתוכנית הרדיו "בית אבי" ששודרה ב-1978 בקול ישראל. תדי קאופמן מספר את סיפור משפחתו וחיייו של אביו דר' אברהם קאופמן שעמד בראש הקהילה היהודית בחרבין, ברוסיה, סין, מחנות בברית המועצות ושנותיו האחרונות בישראל.

* (שודר 3 שבתות בקול ישראל בשנת 1978)

בשנת 1930 או 1931 ראיתי במועני סיני יהודי מלוכסן עיניים. הייתי אז בן שש או שבע והוא הגיע לביתנו בחרבין לפגישה עם אבי, ד"ר אברהם קאופמן. לו הייתי פוגש אותו ברחוב לא הייתי מעלה על דעתי שהוא יהודי, הוא נראה כמו מיליוני סינים שפגשתי בעשרים וחמש שנותי בסין. הוא היה לבוש כמו סיני בחלוק, אבל הוא סיפר שהוא יהודי, ידע למלמל כמה מילים בעברית והביא עמו ספרים מקיפין שברדום סין. זה היה לי מוזר, כי יהודים שביניהם חייתי בקהילה לא נראו סינים, הם נראו כיהודי מזרח אירופה. הוא בא עם מתורגמן סיני שתרגם את דבריו לרוסית. אבא סיפר לי ולאחי, הגדול ממני בחמש שנים, שהוא ידע על שבת, על התנ"ך והיו לו מושגים כללים ביהדות. אך הוא לא ידע על עם ישראל ומורשתו. הוא כנראה היה שייך לקומץ יהודים שהגיעו לסין והתבלבלו בה, מתי מעט זכרו את מוצאם.

כשהגיעו היהודים מרוסיה לסין הקהילה הזו כבר לא הייתה קיימת. לכן ניתן לדבר על שבעים שנות קיומה של קהילה יהודית בסין. ניתן לדבר על התיישבות היהודית בסין החל מסוף המאה התשע עשרה, "רחוק" בשבילי היה ארץ ישראל, "רחוק" הייתה אמריקה. היינו יהודים תושבי סין, זה נראה לנו טבעי, לא קולוניאלי כמו האנגלים במזרח הרחוק. גם רוסים שעזבו את רוסיה לפני מהפכת אוקטובר, התיישבו בסין זה נראה כדבר טבעי.

כל ילד בקהילה ידע על ארץ ישראל, זו הייתה קהילה יהודית, לאומית וציונית. אפילו שמי המלא תיאודור הוא על שם תיאודור הרצל. חיינו חיים לאומיים מאוד. לא הרגשנו שאנחנו במדינה נידחת, בשבילנו חרבין היה מרכז העולם.

חיינו בגטו בתוך גטו. סין היא ארץ ענקית. בחרבין היו בעת ההיא מיליון תושבים, תשעים וחמישה אחוז מתוכם היו סינים, חמישים אלף רוסים, ומתוכם בשיא גודלה היו כעשרים אלף יהודים, ובדרך כלל כחמשת אלפים או ששת אלפים יהודים. אמנם למדנו את השפה הרוסית אך מעולם לא חשנו עצמנו כרוסים, חשנו עצמנו כיהודים. הרוסים הביאו אתם גם את האנטישמיות, הייתה אנטישמיות רשמית, מצד המפלגה הפשיסטית הרוסית והעיתונות, והייתה גם אנטישמיות סמויה ולא רשמית. למדנו בגימנסיה רוסית למסחר שמחצית מתלמידיה היו יהודים, במסגרת זו לא הרגשנו אנטישמיות.

אבא נולד במגלין שבפלך צ'רניגוב באוקראינה, סבו היה סוחר בדים אמיד, וגם אביו עסק במסחר וראה ברכה בעמלו. המשפחה עברה להרי אורל, שם למד אבי בגימנסיה ואחר כך התקבל ללימודי רפואה בברן שבשווייץ. עם סיום הלימודים חזר אבא לעיר פרמ באורל. אמי נולדה בבסרביה. היא לא באה ממשפחה כל כך אמידה, הייתה לה אחות גדולה שהייתה אישה עשירה והיא שלחה את אמי ללמוד בשווייץ. הם כנראה הכירו באוניברסיטה, שניהם למדו רפואה כללית. היא הייתה בין הנשים הראשונות שהצטרפו לתנועה הציונית בשווייץ, השתתפה בקונגרסים הציונים הראשונים והייתה בין המייסדות של ארגוני הנשים בקהילה היהודית, ויצ"ו וכדומה.

* תומלל ונערך על ידי בת-עמי מלניק

הם הגיעו לחרבין בנובמבר שנת 1912. אבא היה רופא ילדים ופנימי,

אמא רופאת נשים.

אמא נפטרה בחרבין בשנת 1925, חודשים אחדים לאחר הולדתי. לא זכיתי להכירה שמעתי עליה רק מסבא ומסבתא שהיו גם הם בחרבין. היא מתה בגיל שלושים ושבע. ראיתי בתמונות שהייתה אישה יפה, ושמעתי שאמרו עליה שהייתה רופאה הומניסטית. זה ביטוי רוסי לרופא שראה ברפואה שליחות וייעוד, אסכולה שלמה שביטלה את הצד הכספי והציבה מטרה אחת מרכזית - הצלת חיים. גם אבא היה כזה. הוריי יצאו לטפל בחולים גם בפרברים נדחים של חרבין, במקומות שבהם גרו רוסים עניים. לעתים קרובות חזרו הוריי מביקור אצל חולים בלי תשלום. כשאבא עלה ארצה בשנת 1961 והחל לעבוד כרופא בקופת חולים, הוא נשאר נאמן לדרכו ולא ייחס כל חשיבות לצד הכספי של עבודתו.

הפעילות הציבורית מילאה את כל חייו של אבא. הוא היה יושב ראש הקהילה בחרבין. יום עבודתו היה מתחיל בבוקר בבית החולים היהודי, שם שימש כרופא ראשי ועבד עד לשעת הצהריים. בערך בשעה שתים-עשרה בצהריים היה מגיע לבית הקהילה ומקבל יהודים במשרד. באותה תקופה לא חסרו צרות. הכיבוש היפאני החל בשנת 1932 ועד 1945 שהחל הכיבוש הסובייטי. החל משנת 1941, במשך חמש שנים, עבדתי יחד עם אבא כמזכיר העיתון שלנו וגם כמזכיר הקהילה. אחר הצהריים שוב היה אבא חוזר לבית החולים ובערב ישיבות. אבא היה יושב ראש הוועד העירוני של ההסתדרות הציונית, קרן הקיימת, קרן הייסוד, מוסדות הנוער הציוני, ובלילה ערך את העיתון, השבועון היחידי בעולם היהודי באותם ימים בשפה הרוסית. הוא ערך את העיתון הזה במשך עשרים ואחת שנה. הוא עצמו תירגם מאמרים מידיש ומעברית וכתב כתבות. חרבין הייתה עיר תוססת מבחינה תרבותית, ועשירה בעשייה יהודית וציונית.

היהדות שהגיעה לסין הגיעה ברובה מאוקראינה, ליטא, רובם יהודים חופשיים. אך היו גם יהודים שהגיעו מסיביר. הם אמנם לא היו יודעי ספר אבל הייתה להם גאווה לאומית. יהודי סיבירי ששמע מישהו שקורא לו בזלזול: "ז'יד" היה מיד מחזיר אגרוף. הייתה להם גאווה של שמשון הגיבור. פגשתי רבים כאלה. היהודים הסיביריים היו בין המקימים של הקהילות היהודיות במזרח הרחוק. הם בנו את בתי הכנסת, ותרמו את הסכומים הגדולים, כי בסיביר הייתה פריחה בשנים ההן והם היו אנשים די עשירים.

מסילת הרכבת עברה ממוסקבה לולדיבוסטוק, משם לחרבין, ומחרבין לפקין. ברכבת הזו, ממוסקבה לפקין, נסעו ימים ולילות, גם ברכבת טרנס-סיבירסקי אקספרס.

השחקן יול ברינר היה בן למשפחה רוסית מחרבין. לא הכרתי אותו אבל הכרתי את משפחת ברינר ואת אמו שהייתה גם היא שחקנית. שמעתי שהוא למד בגימנסיה למסחר שבה גם אני למדתי.

הסיבה שהיהודים באו לחרבין, כי בה לא הוטלו עליהם כל הגבלות. הכרתי את הוריי כדמויות ציבוריות יותר מאשר כאבא ואמא. אבא שלי היה עסקן ציבורי ציוני, עמד בראש הקהילה, נוסף על היותו רופא. כל חייו היו קודש לעבודה ציבורית, לא היה לו זמן למשפחה.

בשנת 1945, כשהייתי בן עשרים ואחת, אני זוכר שהלכנו יחד פעם אחת

“אנו מכריזים בזאת על הקמת מדינה יהודית”

משנת 1945 ועד 1948 היינו מנותקים מהעולם. בעת השלטון הסובייטי, ואחר כך בעת מלחמת האחים בין הסינים הקומוניסטים למתנגדיהם, הייתה מנצ'וריה סגורה לעולם. לא קיבלנו דואר ועיתונים מהארץ ומאירופה, רק קשר אקראי נותר עם הקהילות היהודיות בסין, בעיקר עם יהודי שנחאי. הסינים השתלטו על גלי הרדיו הקצרים, כך שיכולנו לקלוט רק את שידורי “קול אמריקה” בגלים בינוניים ששודרו מיפן או מדרום קוריאה.

על החלטת האו”ם בכ”ט בנובמבר 1947 נודע לנו באיחור רב. כלל לא ידענו על ההצבעה שבעקבותיה חולקה הארץ בינינו לבין שכנינו. העולם היהודי עצר את נשימתו והיה רתוק למקלטי הרדיו, בעודו סופר כול קול. ואילו אנחנו בחרבין היינו מנותקים לחלוטין.

על הקמת מדינת ישראל שמעתי למחרת ב”קול אמריקה”. בה’ באייר תש”ח, 14 במאי 1948, ביום שישי אחר הצהריים, כאשר דוד בן גוריון הכריז על הקמת המדינה בתל אביב, אצלנו בחרבין, בהפרש של שש שעות, היה כבר לילה שבין שישי לשבת. שמענו על כך רק בשבת בבוקר. ברדיו הסובייטי הודיעו שאנדרי גרומיקו, ששירת כנציג ארצו באו”ם, תמך בהקמתה של מדינת ישראל. בעיתון הרוסי הנושא הוזכר בשורה אחת בעמודים הפנימיים: “קמה מדינה ליהודים ומתנהלים בה קרבות”. רצתי לרב קיסילוב לבשר לו. הרב כמובן לא שמע רדיו בשבת. הוא היה חולה מאוד ואמר לי: “זכיתי...” ובכה מהתרגשות.

לכבוד הולדתה של המדינה ערכנו מסיבה מחתרתית. חגגנו את יום העצמאות למדינת ישראל ברחוב קוניה אוליצה, בביתו של הרופא ד”ר שטרן, פליט יהודי מגרמניה. הוא ומשפחתו לא היו אזרחים סובייטיים, לכן לא חששו מהקונסוליה הסובייטית. כינסנו יחד את הנוער היהודי, חברי בית”ר ומכבי, תוך שאנו בוחרים בקפדנות את המוזמנים. (יצוין כי ד”ר שטרן נפטר עוד בחרבין. שתי בנותיו, מרגריטה וסוזנה, גרות בארץ.) החל מ-1946, עם תחילת שלטון הסינים הקומוניסטים, הופעל לחץ על צעירים יהודיים להצטרף לארגון הנוער הסובייטי. רוב הצעירים היהודיים לא הצטרפו וכמעט כולם רצו לעלות ארצה. יהודים פולניים ויהודים שהיו חסרי נתינות (כאלה שהגיעו מאירופה בסוף שנות השלושים), הגישו בקשות עלייה לישראל. בשנחאי ניתנו תעודות מעבר ליהודים שנחשבו עקורים, DP (Displaced Person). ארגון אונרר”א סייע להם לצאת משנחאי כבר באביב 1948 ולעלות ארצה.

אולם אצלנו בחרבין היה השלטון קשוח יותר. נערכנו לפעול בצורה חשאית למען העלייה ארצה. חברי התנועות הציוניות התאחדו והקימו ועד עלייה מחתרתי. בוועד היו חברים: נציג ההסתדרות הציונית, שלושה בית”רים ושני אנשי מכבי. יו”ר הוועד היה מזכיר ההסתדרות הציונית, שלמה ספיבק, ציוני ותיק, עורך העיתון “ייבריסקאיה ז’יזן” (חיים יהודיים), ומראשי הקהילה היהודית-ציונית בִּוֹלְדִיבֹּסְטוֹק; אנשי בית”ר היו: יעקב טנדט, דב מירקו, יְרֵה קליין, וחברי מכבי היו: פאבל שמושקוביץ’ ואני, ששימשתי כמזכיר הוועד. לא חששנו מהסינים הקומוניסטים, אולם פחדנו מאנשי הקונסוליה הסובייטית. אמנם כוחם והשפעתם לא היו כמו בתקופת הצבא האדום, הסינים לא נתנו להם לפגוע באזרחים תמימים. אולם מאחר שנחשבו לאזרחים סובייטיים, והיינו נתונים למרותם של אנשי הקונסוליה הסובייטית, הם יכלו למרר את חיינו ולשלול את אזרחותנו. מתישהו בשנת 1946 קיבלנו אזרחות סובייטית, הזמינו אותנו לקונסוליה, הודיעו לנו ש”המולדת מחבבת אותנו” ובלי שביקשנו הפכנו לאזרחים סובייטיים. שלילת אזרחות הייתה מונעת מאתנו לצאת מגבולות סין.

ביולי 1948 החליטו אנשי הקונסוליה הסובייטית לאמוד את מידת הנאמנות של הקהילה היהודית. הם הציעו לכנס את הקהל בבית הכנסת הגדול, לשאת משם ברכה אל סטאלין, ולשלוח אליו מברק שבו ייכתב כי הקהילה היהודית בחרבין מברכת אותו על תמיכתו בהקמת מדינת ישראל. הקהילה התכנסה. כולם הגיעו נסערים ונרגשים, לבושים בבגדים חגיגיים. בית הכנסת, ובו אלף ומאתיים מקומות, היה מלא עד אפס מקום. נערכה תפילה, הרב קיסילוב נאם ובירך את ברית המועצות, ואני הקראתי את המברק שנשלח אל סטאלין.

באותה עת, קיץ 1948, התמנתה גולדה מאיר לשגרירת ישראל במוסקבה. הגעתה למוסקבה ריגשה מאוד את הקהילה היהודית שמעבר ל”מסך הברזל”. גולדה מאיר סימלה לרבים את תחייתו של העם היהודי, שְׁבַע התלאות והמרורים, המתקבל כעת אל חיק משפחת העמים כשווה בין שווים.

הקונסוליה הסובייטית בחרבין הציעה להקרין סרט במיוחד בשביל הקהילה היהודית, במועדון המסחרי לשעבר שהפך ל”מועדון מספר אחת של האזרחים הסובייטיים”. לפני הקרנתו יקרנו קטע חדשותי קצר שבו נראית גולדה מאיר מגישה את כתב האמנתה לשוורניק, נשיא ברית המועצות. אחר כך יוקרן סרט סובייטי “משפט העמים” על משפטי נירנברג. הסכמנו בשמחה וביקשנו שאת הקטע על גולדה, שארך דקות אחדות בלבד, יקרנו כמה פעמים. סיכמנו שנקרין שלוש הצגות, וכך שלוש פעמים צפינו בגולדה במוסקבה. ובכל פעם שהקטע הוקרן היו מחיאות כפיים עד שחששנו שמישהו יתחיל לשיר “התקווה”. באולם היו שמונה מאות מקומות ישיבה ואנחנו רצינו לאפשר לכל הקהילה לראות את האירוע. היו אנשים שקנו שלושה כרטיסים כדי לראות שוב ושוב את גולדה מגישה את כתב האמנתה.

ההיענות הנלהבת של הקהילה לבוא לשני האירועים האלה: תפילת ההודיה בבית הכנסת, וגולדה במוסקבה, הדליקה נורה אדומה אצל אנשי הקונסוליה הסובייטית. הם הבינו שישנה התעוררות לאומית ציונית, יהודי חרבין מזדהים רגשית עם ישראל, אינם מעוניינים להיות סובייטים ואינם נאמנים לשלטון במוסקבה.

ואכן רוב יהודי סין רצו לעלות ארצה. אולם היו יהודים תמימים שנסעו לברית המועצות. מרצונם החופשי הם עלו על סיפונה של אניית הפאר “שוסטקוביץ” בשנחאי והפליגו לרוסיה. מרגע שדרכה רגלם על אדמת ברית המועצות נגמר הפאר, כל רכושם נלקח מהם, והם נשלחו לאדמה בתולית בערבות סיביר (צְלִינָה ברוסית), או במילים אחרות למקום שכוח-אל ושומם בקצה העולם. יהודים אלה טעמו את נחת זרועו של משטר הטרור הסטאליניסטי שנודע במאסרים, בהגליות וברדיפות אזרחים חפים מפשע.

המעטים ששרדו הגיעו ארצה בראשית שנות התשעים, בימי הפרסטריוקה והגלסנוסט, כאשר גורבצ'וב התיר ליהודים לצאת, וגל עלייה גדול הגיע לישראל. כמאתיים יהודים מסין עלו ארצה לאחר שבמשך ארבעים שנה עשו את דרכם ב”מדבר הסובייטי”.

המשן בגיליון הבא

ב-21 באוגוסט 1945, בשעה שלוש אחר הצהריים, נדרשו כל נציגי העדות והקהילות להתייצב ביאמטו הוטל, מלון יפני, שבו התמקם המטה של הצבא האדום. התייצבו כמה מאות אנשים, ראשי הקהילה הטטרית, הקהילה הארמנית, הגרוזינית, הקונסול של ליטא, ועוד רבים, ובתוכם גם ארבעה נציגי הקהילה היהודית: מזכיר הכבוד של הקהילה - משה זימין, גזבר הכבוד - אנטולי אורלובסקי⁶, הרב אהרון משה קיסילוב, ואבי ד"ר אברהם קאופמן - ראש הקהילה.

הרב קיסילוב היה באותם ימים איש זקן, כבן שמונים וחולה מאוד. הוא שוחרר. כל היתר, מאות אנשים, מבכירי תושביה של חרבין, הוחזקו עד תשע בערב. אז הוזמנו לחדר חשון ונחקרו בו על ידי קצין בכיר. לאחר מכן נצטוו למסור את כל רכושם: העניבה, החגורה והארנק ומשם הועברו כולם אל מרתפי הקונסוליה היפנית, מול יאמטו הוטל.

כעבור שבועיים בערך, שבהם היו כלואים בתנאים איומים, הועברו העצורים אל בית הסוהר בחרבין, "קומרצ'סקיה אוליצה", ומשם הועברו בקרונות בקר לברית המועצות. תחילה למחנה אסירים גְרוֹזְקוֹוה, עיר גבול בין מנצ'וריה לרוסיה, ומשם נשלחו למחנות הכפייה בסיביר ובשאר אזורים הנידחים של ברית המועצות.

מתוך כמאתיים וחמישים אלף רוסים שהתגוררו באותה עת במנצ'וריה, נעצרו והוגלו למחנות הכפייה ברוסיה אלפים רבים, וביניהם גם עשרות מיהודי חרבין. בספרו כתב אבי שהקומוניסטים תמיד ידעו למצוא לכל אדם מקום בבית הסוהר או במחנה גירוש. "בברית המועצות נוהגים לאמור: העיקר שיימצא האדם, 'הסעיף' יימצא מאליו"⁷.

בין היהודים שנעצרו היו גם כאלה שכלל לא הייתה כוונה לעצורם, כמעט במקרה צדו אותם ברחוב. לדוגמה, עצרו אדם ברחוב ושאלוהו: "באיזו שנה הגעת למנצ'וריה?" אם ענה בתמימותו: "1929", נעצר בו במקום. שהרי עד שנת 1924, בזמנו של לנין, ניתן היה לעזוב את ברית המועצות בצורה חוקית, מאוחר יותר נאסר הדבר. דהיינו, אם הגעת לאחר שנת 1924, עשית זאת תוך הברחת הגבול, מכאן שאתה עברייני. זו הייתה כביכול מלחמתם במרגלים ועל כך נאמר ברוסית: "סמרש שפיונס!" מוות למרגלים! (משחק מילים ברוסית - סמרש הייתה מחלקה ב-נ.ק.ו.ד, שעסקה בין היתר בגילוי וחשיפה של מרגלים).

במעצרים המזדמנים האלה עסקו כל חיילי הצבא האדום, גם חיילים ששירתו בחיל הים ובחיל האוויר. כל אחד מה"סמרש" (המוות) שלו. ולא רק אידיאולוגיה וטובת המדינה עמדו בראש מעייניהם; בעיקר הייתה זו דרך קלה להרוויח כסף. אנשים רבים שנעצרו הצליחו להשתחרר על ידי מתן שוחד.

העצורים הוחזקו בוילה של המהנדס יצחקין, ברחוב טרטייה לינייה, שבה הוקמה הבולשת של חיל הים, ובסמוך, ב"הינדנבורג שולצה" (בית הספר הגרמני), שבו הוקמה הבולשת של חיל האוויר.

לצערי, היו גם שניים או שלושה יהודים מושחתים שסייעו לאנשי הבולשת והלשינו על יהודים. קראנו להם "סטוקצ'יי". הם העבירו מידע ויעצו לבולשת את מי כדאי לעצור ואיזה יהודי יכול לשלם. עשרות מאנשי הקהילה נעצרו, משפחותיהם היו מעבירות כסף ל"סטוקצ'יי", ואלה שלשלו לכיסם את דמי התיווך. העצורים שהתמזל מזלם שוחררו מקץ ימים אחדים.

פעם באו לעצור גם אותי. אולם אמי החורגת, שראתה ששמי מופיע על פקודת המעצר, התעשתה במהירות ואמרה להם: "את קאופמן כבר אסרו מזמן, עוד ב-21 באוגוסט". החיילים הלכו וכן ניצלתי. מרוב פחד החלטתי שלא לחזור הביתה ימים אחדים, עד שחשתי שהסכנה חלפה. יהודי ושמו פיימן ברח מברית המועצות בסוף שנות העשרים. כאשר נכנס הצבא האדום לחרבין עזב פיימן את אשתו ואת בנו והתחבא בפרבר של חרבין. הוא ישב בתוך ארון, במרתף, במשך שמונה חודשים תמימים, עד שהסובייטים עזבו את חרבין. רק אז העז וחזר למשפחתו. (בנו מתגורר כיום בלונדון.)

אולם לא רק היהודים והיפנים סבלו; גם הרוסים, עצמם ובשרם של חיילי הצבא האדום, נעצרו מסיבות שונות ומשונות. כל רוסי שעבד בעבר אצל היפנים הפך בן לילה לאויב העם והיה צורך לעצרו. כך נעצר עיתונאי רוסי שעבד ב"חריבנסקיה ורימיה", עיתון רשמי יפני בשפה הרוסית. וכך נעצרו כל אנשי המכירות שעבדו בחנות כל-בו יפנית, ועוד רבים אחרים.

זה היה גם גורלו של בוריס ברינר אביו של שחקן הקולנוע יול ברינר, בן למשפחה רוסית מחרבין. (יול ברינר גדל בחרבין, למד בבית הספר שלנו, בגימנסיה למסחר, ואחר כך נסע לאמריקה. רבים זוכרים אותו כמלך סיאם בסרט "המלך ואני". לא הכרתיו אישית, אבל הכרתי את משפחת ברינר ואת אמו, שהייתה גם היא שחקנית ידועה בחרבין.) לאחים ברינר הייתה חברת ביטוח גדולה. עסקים רבים בחרבין היו מבוטחים אצלם. בוריס ברינר היה קונסול כבוד של שוויץ. שוויץ הייתה מדינה ניטרלית והוא הניף דגלים שווייצריים על כל המחסנים שהיו מבוטחים אצלו. בתמימותו חשב שהדגלים השווייצריים יצילו אותו ואת המבוטחים שלו. חיילי הצבא האדום הורידו את הדגלים ולקחו את ברינר למוסקבה. זמן רב חלף בטרם הצליחה ממשלת שוויץ לשחרר אותו.

נפרדים באהבה רבה מ:

גב' ג'ניה אולשבסקי (יוכבד)

הלכה לעולמה בשיבה טובה ביום 23 באוגוסט 2015 בת 94

ההלוויה התקיימה ביום 24 באוגוסט 2015 בקרית שאול

משפחת אולשבסקי

ניתן היה לחמם את חרבין כמה חורפים. בתקופת היפנים איש לא הורשה להתקרב למחסנים, אולם עם בוא הסובייטים וסילוק היפנים השתנתה התמונה. בפתח המחסן ניצב חייל רוסי, אנשים היו מגיעים עם משאית ושואלים אותו: "מה תרצה?" "בקבוק וודקה" היה עונה להם. בתמורה לבקבוק אחד או שניים היה ה"שומר" מאפשר למלא משאית שלמה בפחם או בסחורה אחרת. כך החל "המסחר בשלל" ורבים מאנשי חרבין עסקו בכך. יש לזכור, שבאותו פרק זמן הייתה חרבין סגורה ומסוגרת. בעת ההיא התנהלה מלחמת אחים בין סינים קומוניסטיים בראשות מאו-צה-טונג למתנגדיהם ובראשם צ'יאנג קאי-שק. המצב הכלכלי הלך והורע. הסינים מנעו סחר חופשי ומנצ'וריה הייתה סגורה לעולם. שני הצבאות ניצבו זה מול זה משני צדדיו של נהר הסונגארי השני (אחד מיובליו של הנהר הגדול). צבאו של צ'יאנג קאי-שק נהנה מחסותם של האמריקנים, וחייליו המושחתים החלו לסחור באספקת שימורים, בסיגריות, בבגדים ובכל ציוד אחר שהועבר אליהם מאמריקה. כך הגיעה לחרבין סחורה אמריקנית וכל מי שיכול היה הצטרף למיקח וממכר. בשנת 1946, כאשר הסובייטים עזבו את חרבין, קיבלתי משכורת בסך של חמישה מיליון יואן, שהיו שווים כחמישה דולרים אמריקניים. המצב הכלכלי הקשה נמשך עד לשנות החמישים כאשר עזבנו את מנצ'וריה. זו הסיבה שיהודי חרבין הגיעו לארץ מרוששים. בעלי עסקים שהחזיקו כספים מחוץ לחרבין: בשנחאי, בשוויץ, או באמריקה, היו במצב כלכלי טוב יותר. אבל רוב היהודים היו דלפונים בהגיעם ארצה. כשאנחנו עלינו ארצה היו באמתחתנו שלוש מאות דולרים אמריקניים, ואני חשתי עצמי כאיש אמיד ובר מזל, בהתחשב בכך שבחרבין הסתדרנו מצוין עם עשרה דולר בחודש.

ציונים תחת משטר הטרור

עם כניסת הצבא האדום לחרבין החלה תקופה חדשה וקשה לקהילה היהודית. מיד פסקה פעילותן של תנועות הנוער הציוניות. מכבי ובית"ר הפכו לטאבו מוחלט, החברים ירדו למחתרת ונאסרה כל פעילות פוליטית. הסובייטים ראו בכל התארגנות כזו חתירה נגד המשטר, בגידה, ושיתוף פעולה עם האויב.

שרפנו את הארכיונים של התנועות הציוניות. היה ברור שאם ייתפסו המסמכים שלנו יוכלו השלטונות לטעון שאנו בוגדים ושיש לנו קשר עם המרכזים הציוניים האימפריאליסטים. וכך, באישון לילה, שרפו מוסיה הלפרין ובוריה מירקין את ארכיון בית"ר. אני וידידי שלמה ספיבק, מזכיר התנועה הציונית, שרפנו, בלב כבד, את ארכיון מכבי ואת הארכיון הציוני, ובו כל התכתובת שהייתה לנו עם הארץ ועם ההסתדרות הציונית בלונדון ובירושלים.

עכשיו כבר אפשר לספר על יהודים בודדים שהאמינו בקומוניזם ברוסיה, והפכו לאויבי הציונות. אחד מהם היה רופא, ד"ר מונזון, שמיר את חיינו מיום שהגיע הצבא האדום ועד לשלְהי ימיה של הקהילה היהודית בחרבין.

בשנת 1948, עוד לפני הכרזת המדינה, דרשה הקונסוליה הסובייטית לכנס את הנוער היהודי, רובם ככולם חניכי בית"ר ומכבי. כשלוש מאות בני נוער באו, האולם היה מלא מפה לפה. החבר אוסיפוב, המזכיר הפוליטי הראשון בקונסוליה הסובייטית, פתח בנאום ארוך. הוא האשים את הנוער היהודי שהוא אנטי-סובייטי, אינו נאמן "למולדתו", ומגלה אהדה לרעיון הציוני. גם ד"ר מונזון הצטרף לדבריו ותקף את כל מי שבוגד במולדת הסובייטית. אחדים מהנאספים ביקשו להשיב וביניהם: ישראל ברונר, מירה לוינסקי ואני. ניסינו להפריך את ההאשמות ולהדגיש את העובדה שברית המועצות עצמה תמכה בהקמת מדינה יהודית על כן גם לנו יש זכות לתמוך בה. אולם החבר אוסיפוב ביטל את דבריו והגדיר את מעשינו כ"בריונות פוליטית". הוא קרא לנוער היהודי להצטרף לארגון הנוער הסובייטי ולבטל את התארגנות הנוער היהודי.

החבר אוסיפוב דרש להקים במקום מכבי ובית"ר, ארגון בשם "ברית הנוער היהודי" (סיווג יברייסקוי מולודז'י). מטרתו הייתה לאחד את תנועות הנוער שלנו עם ברית הנוער הסובייטי שהיה סוג של קומסומול. הצענו לו למנות את סיומה ליימנשטיין ליו"ר, את מוסיה הלפרין ואותי לסגנים, ואת בוריס מירקין למזכיר. אך הוא סירב ואישר במקום זה הקמת חוג לספרות יהודית עממית בלבד.

קיבלנו את הדין וערכנו מספר מפגשים במועדון הסובייטי שהיו מוקדשים לסופרים שלום עליכם, י.ל. פרץ, ולנושאים ניטרליים נוספים שנחשבו לבלתי מזיקים. אחר כך עשינו טעות טקטית, הצענו לנוער הסובייטי לשחק נגדנו כדור עף. ארגנו קבוצה טובה מאוד, מקרב ספורטאי בית"ר ומכבי לשעבר, וזכינו במקום הראשון. מיד כשנודע דבר הניצחון, סגרו השלטונות את המועדון ופיזרו את החוג שלנו.

הקומוניסטים המשיכו להפעיל עלינו לחץ שנצטרף לברית הנוער הסובייטי. הלחץ לא נשא פרי. רק בודדים הסכימו לעבור למחנה שלהם, כל היתר סירבו. בסופו של דבר הניחו לנו, אך לא לפני שהחרימו את כל ציוד הספורט ממכבי ומבית"ר והעבירו אותו לברית הנוער הסובייטי. ברגע האחרון הצלחנו להציל את שתי היאכטות, אחת שמה "קדימה" של מכבי (שקנה לנו סקידלסקי), והשנייה "פרוסייה" של בית"ר, ורשמנו אותן על שמם של אנשים פרטיים, וכך לפחות את הציוד הזה לא החרימו הסובייטים.

במתחם של מרכז הקהילה היהודית ליד בית הכנסת הגדול, משרדי הקהילה ובית הספר "תלמוד תורה", הייתה גם ספרייה יהודית עשירה. היו בה אלפי ספרים, מרביתם ברוסית, חלקם בעברית וביידיש, ומעט ספרים בשפות זרות נוספות. עם הפלישה של הצבא האדום הוצאנו מהספרייה את הספרים האנטי-סובייטיים, את יתר הספרים השארנו. היו לנו ספרים שעסקו בנושאים יהודיים שונים והמון ספרות יפה לרבות ספרות רוסית שיצאה לאור מחוץ לגבולות ברית המועצות, בבלגרד, בפאריס, בריגה, בפראג, בברלין ובמקומות אחרים.

באותה עת עבדתי במשרדי הקהילה והייתי אחראי גם לספרייה, כשיום אחד הודיעו לי שהגיע קצין לבוש מדים ועליהם הכותפות הירוקות, תג הזיהוי של ה-ג.ק.ו.ו.5ד. הוא הגיע לספרייה ועמו משאית. "באנו להחרים ספרים!" הודיע לי. "בבקשה", אמרתי לו "אתה יכול לעיין, אצלנו הכול פתוח, אין לנו חומר נגד המשטר".

ישב הקצין שלושה ימים תמימים, מבוקר עד ערב, הרחיב את השכלתו, ולבסוף הודיע שהוחרמו שלושת אלפים ספרים. החזקנו בספרייה גם רומנים מתורגמים מצרפתית ומאיטלקית, חלקם נחשבו נועזים למדי לאותה עת. כמו ספריו של הסופר והעיתונאי האיטלקי פִיטיגִ'לי שזכו להצלחה רבה בעת ההיא ונחשבו לשיא הפורנוגרפיה, הרומנים של הצרפתי מוריס דְקוֹבְּרָה ואחרים. הקצין נזף בנו על החזקת תועבה שכזו ובמטרה להגן על הנשמות הרכות בספרייתנו החרים את התועבה לעצמו.

"עליך לחתום לנו שאתה מחרים רכוש ציבורי", אמרתי לו. והקצין, שהיה מורגל לבירוקרטיה הסובייטית, חתם כְמוֹנֵב מאליו על הטופס. הופתענו לגלות שכל הספרים היהודיים ואלה שעסקו בציונות לא הוחרמו. הוא כנראה ידע רק רוסית ולכן לא נגע בכתבי הרמב"ם, בכתבי קודש, וגם בארכיון של העיתונים היהודיים המקומיים. לימים, הצלחתי להביא ארצה את כל הגיליונות של העיתון היהודי שהוצא לאור בחרבין. הקצין גם לא החרים ספרות זרה: ז'ול ורן, אמיל זולא ואחרים לא נפגעו מהצבא האדום, אבל ספר שנכתב ברוסית על ידי סופר רוסי אך הוצא לאור מחוץ לברית המועצות היה טְרַפָּה, אסור בתכלית, גם אם היה זה ספר שעסק בקולניריה. ההיגיון לא היה הצד החזק שלהם.

המאסרים, ההגלות והרציחות

עם כניסת הצבא האדום, כמקובל במקרים אלה, הוטל עוצר על העיר. אמנם ההודעות היו מרגיעות שהאוכלוסייה האזרחית לא תיפגע וכו', אבל רבים היו ספקנים.

ראש המשלחת הצבאית בחרבין), הודיעו על כניעת הצבא. אולם על אף הכניעה נמשכה המלחמה עוד כמה ימים.

כעבור חודש בערך נערך בחרבין מצעד ניצחון של הצבא האדום. 16 בספטמבר נקבע ליום הניצחון Victory in Asia Day. כידוע, הרוסים לא הסכימו עם התאריכים שקבעו האמריקנים. האמריקנים קבעו את 2 בספטמבר 1945 ליום הניצחון, ואת 8 במאי Victory in Europe Day, אך לרוסים יש תאריכים משלהם.

אני וחבריי עמדנו יחד וציפינו במצעד. הייתה זו הוראתו האישית של סטאלין, לערוך מצעד גדול וחגיגי בחרבין שנחשבה בעיני הסובייטים למעוזם של הרוסים הלבנים בסין. המצעד החל בכיכר הכנסייה, עבר דרך רובע נובייגורוד (הנקרא כיום נַנְגֵן), משם לפריסטאן (הנקרא היום דאולי Dauli), ממנו לרחוב הראשי קיטייסקיה (Central street היום), והסתיים בשפת הנהר.

מרשל וסילייבסקי, מפקד חזית המזרח, לא יכול היה להגיע למצעד, ובמקומו הופיע גנרל בלבורודוב המפקד הבכיר, ומושלה הצבאי של חרבין. הוא רכב על סוס לבן בראש המצעד, מאחוריו הקטיושות, כלי נשק ולוגיטיקה נוספים, והמשאיות מדגם GMC (שהרוסים קיבלו מהאמריקנים בזמן המלחמה). המצעד נמשך שלוש או ארבע שעות ועשה רושם כביר.

אין ספק שבשביל הרוסים היה כאן ביטוי של נקמה. אחרי המפלה הצורבת שספגו ב-1904 מידי היפנים, כאשר נאלצו למסור למנצחים את פורט ארתור, את חצי-האי קוואנטון (ליאַוּדוֹנג) ושטחים נוספים, כבשו כעת הרוסים את הכול בחזרה ובגדול. בשבילם היה זה ניצחון אדיר. הנה, לאחר ארבעים ואחת שנים הם החזירו ליפנים מנה אחת אפיים.

איני יודע לגבי מקומות אחרים, אך עליי לציין שבחרבין שמרו היפנים על סדר מופתי. הם נשארו על משמרתם עד בוא הצבא האדום והעבירו את השמירה באופן מסודר. הגיעה משאית רוסית, ירד ממנה חייל רוסי, חייל יפני היה מוסר את נשקו לרוסי, עולה על המשאית והחייל הרוסי היה ממשיך בשמירה. כך זה היה כמעט בכל מקום בחרבין. את כל אנשי הצבא היפני העבירו לרוסיה וכלאו אותם במחנות שבויים בסיביר. גם יציאת האזרחים היפנים מהעיר הייתה מאורגנת למופת. הם יצאו ברכבות לקוריאה הדרומית ומשם באניות ליפן. הם הורשו לקחת עמם חבילה אחת בלבד. בכל מקום אפשר היה לראות יפנים עם דגלים. לא עם דגל יפן אלא עם דגל הקבוצה שלהם, הם צעדו ברגל כל הדרך עד לתחנת הרכבת.

כשלושת אלפים יפנים נשארו בחרבין ובתוכם רופא, מומחה למחלות עיניים, שעבד בבית החולים היהודי. מומחים אלה שנותרו בחרבין קיבלו רישיון לכך מהסינים ומהסובייטים.

תחת השלטון הסובייטי

עם כניסת הסובייטים לחרבין החל משטר צבאי. המושל הצבאי, הגנרל בלבורודוב, גיבור ברית המועצות שלוש פעמים, הודיע על שורת פקודות ואיסורים: הכריז על שעות עוצר, הודיע שיש למסור לשלטונות את כל מכשירי הרדיו, וכדומה. אווירת פחד וטרור השתלטה על האוכלוסייה. אלפים הוזמנו לחקירה בתחנות המשטרה, ביניהם גם יהודים רבים. הסובייטים הטילו גזרות שהגבילו את כל האזרחים, הקשיחו עמדות וכל פעילות פוליטית נאסרה.

בתחילה חשבו כולם שברית המועצות השתנתה, שזו לא ברית המועצות של מחנות הכפייה. שהרי היא הייתה בעלת בריתם של מעצמות המערב, ולחמה יחד עם אמריקה ואנגליה נגד הנאצים. אולם הייתה זו טעות גדולה והחגיגה הסתיימה לאחר שתיים או שלוש יממות.

הסינים קיבלו בתחילה את הצבא האדום בהתלהבות. הם ראו בהם בעלי ברית אשר באו לשחררם מעול היפנים. הם השליכו לעבר החיילים פרחים, סיגריות, תפוחים וסוכריות, התנהגות שאינה אופיינית כלל לאופיים המאופק של הסינים. גם האוכלוסייה הרוסית, שמנתה קרוב

למאה אלף איש, ובהם כשלושת אלפים יהודים, קיבלה את הארמייה האדומה בשמחה. אולם כעבור ימים אחדים הכול התהפך. הצבא האדום שבא כביכול לשחרר את חרבין מהיפנים, הביא עמו דיכוי סבל וייסורים לאוכלוסייה כולה. נוצרה שנאה תהומית לכל מה שקשור לרוסיה.

תחנות חשמל הועברו לברית המועצות ויותר משנה לא היה חשמל בחרבין. רק תחנה אחת סיפקה חשמל לצבא האדום, לבתי חולים, לבית הקולנוע, ולעוד כמה מקומות ציבוריים. בבתיים לא היה חשמל וימים שלמים נותרנו גם בלי מים.

הצבא האדום לא דָּמה כלל לצבא היפני המסודר והממושמע. מעולם לא ראינו חייל יפני שיכור, או בוזז ושוודד. המשטר היפני השליט את מָרָתו על ידי הז'נדרמריה, ואילו אנשי צבא לא נראו כמעט בעיר. חיילים רוסיים לעומת זאת נראו בכל מקום. חיילים אלה של הצבא האדום לא היו אותם חיילים למודי קרבות שנלחמו נגד הגרמנים, אלא חיילים שהוצבו במזרח הרחוק, נלחמו זמן קצר, ונכנסו בדרך המלך לחרבין. שום ירייה לא נורתה לעברם בחרבין. הסובייטים עברו ברחובות בבטחה והיפנים לא נגעו בהם. אמנם היו אחר כך מקרים של מתאבדים יפניים (קאמיקאזים) שניסו לפגוע בחיילים רוסיים, אולם היו אלה מקרים בודדים. ולמרות זאת התנהג הצבא האדום כאספסוף שְׁלֹחַ רסן. החיילים הסובייטיים שדדו ואנסו, וזאת בנוסף על עשרות אלפי אזרחים שנאסרו ונשלחו לרוסיה.

השוד והביזה נמשכו והשלטונות התעלמו מהנעשה. החיילים הרוסיים לא הסתפקו בשוד היפנים שהיו אויביהם; הם שדדו גם את הרוסים ואת הסינים. ניתן היה לראות כיצד מגיעה משאית צבאית, חיילים נכנסים לדירה ומרוקנים את תכולתה. כאשר היו השכנים מזעיקים את המשטרה הצבאית, היו הללו באים, עומדים מן הצד ומחכים עד תום השוד, ואז "חוקרים" תוך העמדת פנים: "מי זה היה? מה מספר האוטו?" כל תושבי חרבין סבלו. הסינים שנאו אותם וכינו אותם ואותנו בתיעוב: "לְמוֹזָה" (חיוורי פנים), מילה שמעולם לא הוטחה בנו קודם, בכל תולדות הקהילה בחרבין.

בתקופת המעבר שבין השלטון היפני לסובייטי, נוסדה בקונסוליה הסובייטית "אגודת אזרחים סובייטיים", שאחד מתפקידיה היה לשמור על רכוש. אנשיה גויסו מתוך האוכלוסייה הרוסית בעלת האזרחות הסובייטית. הם לבשו ז'קטים ומגפיים שחורים מעור, אולם גם הם לא הצליחו למנוע מקרי ביזה ושוד.

לכללה פרטית בעולם קומוניסטי

משבר כלכלי פקד את תושבי חרבין בתקופת שלטון הסובייטים. עד אז היו בחרבין שלושה סוגי מטבעות: מטבע גובי של מנג'וּגו (שהיה שווה קצת פחות מִין יפני), וְין קוריאיני. שני ין יפני היו שווים לדולר אמריקני אחד. כשהשתלטו הסובייטים הוכרזו כל המטבעות כחסרי ערך והמסחר עבר להתנהל במטבע הכיבוש (רובל).

כולם הפסידו את כספם בן לילה ובתוכם גם משפחתי. בגלל מגבלות חוקי המטבע לא הפקדנו את כספנו בבנק אלא הסתרנו אותו בבית. לאחר מאסרו של אבא נותרנו שני בחורים צעירים ואמא, ובמחבוא היה לנו 50,000 וְין (כ-25,000 דולר). לא הספקנו להחליף את הין היפני לדולרים ופתאום איבד הכסף את ערכו והחלה אינפלציה גדולה. הלכנו אחי ואני לכל-בו צ'וּרְיֵן וקינינו בכסף (שערכו היה פעם 25,000 דולר) שני זוגות נעליים. אלו הנעליים היקרות ביותר שקניתי מאז ומעולם. אנשים חיו מרושש שהצליחו למכור והמצב הכלכלי של האוכלוסייה כולה הלך והתדרדר. מקצוע חדש החל לפרוח בחרבין ושמו "טרופייני טובר" (מסחר בשלל). היפנים אגרו סחורות רבות במחסנים ב"סטארי חרבין" (מתחם תחנת הרכבת). הסחורות אמורות היו לשמש אותם במלחמה, אף אם זו תארך מאה שנים. היו שם קילומטרים רבים של מחסנים עצומים, שהכילו: פחם, נורות תאורה פיליפס, מזון, ועוד עשרות מחסנים עם סחורות כמוות נפשכם. בפחם שנערם במחסנים

בשנת 1973, במהלך מלחמת יום הכיפורים, נפטר פרופ' קוצודז' בטוקיו ועל פי צוואתו הובאה גופתו לקבורה בירושלים. שתי בנותיו של פרופ' קוצודז' ביקרו בארץ ואיגוד יוצאי סין ערך להן קבלת פנים מכובדת. בשנת 1945, זמן קצר לפני הכיבוש הסובייטי, שוב הורע מצבם של יהודי חרבין. אחד הפקידים הבכירים ב'נדרמריה היה יפני מטורף שנהג להסתובב עם חרב של סמוראי. הוא נהג לעצור יהודים לשתים-עשרה או לעשרים וארבע שעות. אנשים לא ישנו בלילות מרוב פחד. לעתים המעצרים היו למטרת סחיטה, אבל לא ניתן היה לדעת זאת מראש וזה היה מפיחד מאוד. המטורף הזה היה מגיע לאזור הקיט מצבר לנהר, שבו יהודים רבים שכרו דאצ'ות (בתי נופש) לחודשי הקיץ. הוא היה מצווה עליהם להיכנס לנהר, מאיים עליהם בחרבו השלופה, ודורש מהם להצהיר שהם סוכנים אמריקניים ומטרתם להפיל את האימפריה היפנית. יום אחד הוא הגיע גם לדאצ'ה שלנו. אבא לא פחד ממנו ואמר לו: "אתה לא עושה את הדברים על דעת מפקדיך, אני אתלונן עליך". וכשאמי החורגת נכנסה לחדר וביקשה מאבא שלא יתעצבן ולא יתרגש, הרים עליה היפני את קולו ואבא אמר לו בתקיפות: "אתה לא תרים את קולך על אשתי!" בגבורה ובאומץ לב פנה אבא אל מפקדיו היפניים ופעולותיו של המטורף הזה הופסקו. בתחילת שנות הארבעים פרצו קטטות במועדוני לילה. באחד ממועדוני הלילה הידועים בחרבין, "פנטזיה" שמו, פרצה קטטה בין רוסים לגרמנים. הקטטה החלה כשהתמזמות ניגנה את "וולגה וולגה". הרוסים הצטרפו בהתלהבות לשורה "וולגה וולגה הנהר הרוסי" ואילו הגרמנים, ובראשם פאסטר רוזין, כומר לותרני צעיר, אנטישמי, ראש המפלגה הנאצית בחרבין ומייסד תנועת הנוער הנאצית בחרבין, קמו ושינו את השיר ל"וולגה וולגה הנהר הגרמני". די היה בזה כדי שכל הנוכחים יהלמו אלה באלה ללא רחם. גם יהודים הסתבכו בקטטות. זכורה במיוחד הקטטה שפרצה במועדון הלילה "אמריקן בר", שהוקם על ידי יהודי מגרמניה. לילה אחד השתכרו הרוסים והחלו לקלל את היהודים ולכנותם "ז'ידים" (יהודונים). אנשי בית"ר שהיו במועדון לא עברו על כך בשתיקה והחלה קטטה. בעל המועדון הזעיק את המשטרה. נעצרו כמה חברי בית"ר והם ביקשו שיזעיקו את קאופמן אל בית המעצר. אלא שבחרבין היו בעת ההיא שלושה קאופמנים. אחד פוזל, שני מגמגם, והשלישי רופא. הראשון הפוזל היה יהודי שהתנצר, העורך והבעלים של העיתון הרוסי הגדול ביותר בחרבין. השני, המגמגם, יהודי בשם ולדימיר קאופמן, עבד כמזכירו של בעל המכרות סקידלסקי. והשלישי היה אבא שלי. הביאו את הפוזל. אמרו העצורים: "לא, לא את הקאופמן הזה". הביאו את המגמגם, ושוב התברר שזה לא הקאופמן הנכון. בשלוש או בארבע לפנות בוקר הגיעו כמה אימהות לביתנו וביקשו שאעיר את אבא, שכן מי שנעצר על ידי המשטרה היה בצרה צרורה. אבא חיכה עד שמונה בבוקר, עד שיהיה עם מי לדבר, אז ניגש לתחנת המשטרה ושחרר את כולם בערבות. אני עצמי הותקפתי על רקע אנטישמי בשנת 1943. יצאנו ארבעה חברים למסיבה, ביום שבו חגגו הרוסים חג כלשהו. כשיצאנו מהמסיבה גילינו שעוקבים אחרינו. נכנסנו למונית אבל היא עצרה פתאום, אינני יודע מדוע. שני חברי ברחו מהמונית ורצו לבתיהם, גם הבחורה שהייתה עמנו יצאה מהמונית ודאגתי לשלומה. יצאתי בעקבותיה ומצאתי את עצמי בגוב אריות. ארבעה או חמישה בחורים רוסיים התנפלו עליי והחלו להכותני. למזלי היה חורף והייתי עטוף במעיל. קהל שעבר שם העיר להם אך הם המשיכו בשלהם. לבסוף צעק מישוה "משטרה!" והם ברחו. חזרתי הביתה, ההורים כבר ישנו. הייתי כולי פצע וחבורה ומכה טרייה. בבוקר מישוהי מהחבורה שלנו התקשרה לברר מה שלומי. ההורים נבהלו. אבא הגיש תלונה במשטרה והתוקפים נעצרו. בעיתון המקומי נכתב: "בנו של ד"ר קאופמן הותקף על ידי חוליגנים". כל העיר דיברה על האירוע.

אין ספק שהשלטון היפני היה שלטון צבאי, טוטליטרי, קשוח והיו בו גילויי אכזריות איומים. מי שנעצר ועונה על ידי היפנים פגש אלימות חסרת רחמים שקשה לתארה במילים. אבל לזכות היפנים, בעלי בריתם של הגרמנים, יש לציין שהם לא קיבלו את חוקי נירנברג, לא יצאו נגד

הקהילה היהודית ככלל, ולא השמידו את היהודים כפי שעשו הנאצים ובעלי בריתם במרבית מדינות אירופה. יהודי חרבין המשיכו לא רק באורח חיים יהודי מלא, אלא גם בפעילות ציונית עשירה ותוססת.

קצו של השלטון היפני

בתקופה שבין מאי לאוגוסט בשנת 1945 חשנו שמחה עם הורדת הדגל הגרמני מהקונסוליה הגרמנית. היא נסגרה. גם בבית הספר הגרמני ("הינדנבורג שול"ה") ברחוב צ'טביורטיה לינייה, הורד הדגל הגרמני עם צלב הקרס. אך הגרמנים עצמם נשארו בעיר והחיים נמשכו כרגיל.

בחרבין הייתה אוכלוסייה גדולה למדי של גרמנים, רבים הגיעו למטרות עסקים ונשארו בעיר. בית הספר הגרמני שכן בבניין יפה ובו פעלו גם גן הילדים הגרמני ("קינדגרדן"), ומועדון חברים שמחציתם יהודים. בית הספר וגן הילדים נחשבו יוקרתיים ולמדו בהם יהודים רבים.

במועדון החברתי שבבניין "הינדנבורג שול"ה" נפגשו למשחקי קלפים, לאירועים שונים ולפעילות ספורטיבית. גם אמי החורגת הייתה חברה במועדון והייתה מבקרת בו שלוש פעמים בשבוע בחוג התעמלות. היא הייתה דוברת גרמנית ואף למדה שנים אחדות באוניברסיטה בגרמניה. בחרבין היו יהודים נוספים שרכשו השכלה גבוהה בארצות דוברות גרמנית, וכן יהודים שהיו בקשרי מסחר עם חברות גרמניות. לכן אין זה מפתיע שנוצרו קשרים טובים בין יהודים לגרמנים. זכור במיוחד משה פליישמן שהיה נציג חברת התרופות הגרמנית הגדולה "באיייר". (התברר שהסינים חובבי אספירין ותרופות אלה היו מגיעות מגרמניה בכמויות גדולות, כך שידיו של פליישמן היו תמיד מלאות עבודה).

אולם עם עליית היטלר לשלטון, בשנת 1933, סולקו כל החברים היהודיים מהמועדון והתלמידים היהודיים סולקו מבית הספר. במשך תקופה מסוימת שכן ב"הינדנבורג שול"ה" מרכז המפלגה הפשיסטית הגרמנית שייצג בנאמנות את האידיאולוגיה של גרמניה הנאצית. מרכז הפעילות הנאצית היה בעיר דיירן, שם פעל הנאצי קירשנבאום, מנהיג הנאצים בסין. עם תבוסת הגרמנים באירופה חדלה התעמולה הנאצית וככל הידוע לי הפסיקו גם חברות גרמניות לפעול במנצ'וריה.

בימים 6 ו-8 באוגוסט 1945 (או ב-9 לפי הלוח של המזרח הרחוק), הוטלו שתי פצצות אטום על הירושימה ועל נגסקי. למחרת הכריזה ברית המועצות מלחמה על יפן. רוב הרוסים רוב היהודים בחרבין היו stateless, כלומר, אנשים ללא אזרחות. הם נקראו "רסיסקי אימיגרנט בז פודניי" (מהגר רוסי ללא אזרחות). אולם היו כמה אלפי רוסיים, ובתוכם כמה מאות יהודים, שהיו אזרחי ברית המועצות. כשהכריזה ברית המועצות מלחמה על יפן עצרו היפנים את הגברים בעלי האזרחות הסובייטית; את הנשים הם לא עצרו. העצורים הובאו לבניין שהיה במקור בית ספר סובייטי, (בית הספר הוורוד, רוזווייה שקולה), ששכן בקצצ'יה אוליצה, ובו הוקם מעין מחנה ריכוז זמני. בוצעו מאסרים רבים וגם אבא שלי נעצר. לאחר לילה שלם של התרוצצויות והשתדלויות שוחרר אבא. פרופ' קוצודז', שהוזכר לעיל כידיד גדול של העם היהודי, סייע בשחרורו. מאוחר יותר שוחררו כל שאר העצורים. היפנים הבינו, ככל הנראה, שהמלחמה מתקרבת לסיומה והם אינם בצד המנצח.

הצבא האדום בחרבין

שמונה חודשים וחצי בסך הכול שלט הצבא האדום בחרבין, מ-17 באוגוסט 1945 ועד 30 באפריל 1946. אולם חודשים אלה הותירו חותם טרגי על האוכלוסייה האירופית בכלל ועל הקהילה היהודית בפרט. סטאלין אישית קבע שמרשל וסילייבסקי, שהיה אחד מגיבורי מלחמת העולם השנייה, יעמוד בראש חזית המזרח. המתקפה החלה ביבשה דרך הרי הינגן, ומחברובסק יצאו ספינות קרב והגיעו דרך נהר אמור וסונגארי אל חרבין. הצבא האדום הגיע בספינות, ברכבות, וגם במטוסים. למעשה הקרבות במנצ'וריה נמשכו שבעה ימים בלבד. ב-16 באוגוסט הכריזו היפנים על כניעה. המפקד העליון של הארמיה היפנית, גנרל ימאדה, וראש המטה שלו, הגנרל תאקטא (שהיה בזמנו

אונְמָה, יפני נוצרי-פרובולבי, בוגר לימודי דת במוסקבה, שידע רוסית היטב. הספר הראשון יצא לאור בחמשת אלפים עותקים ואנחנו עצמנו שלחנו אותו לאישים שונים, מעצבי דעת הקהל ביפן ובסין. הספקנו לשלוח כחמש מאות עותקים עד שהתקבלה הוראה מהשלטון היפני, שהושפע מהאידיאולוגיה הנאצית, שהספר מוחרם. הצלחתי להציל עותק אחד ומסרתיו לארכיון הציוני בירושלים, אולם כל יתר העותקים הושמדו. גם הספר השני שיצא לאור הוחרם בהתערבותו של שגריר גרמניה בטוקיו, אנטישמי גדול. אחד מידידיו של אבא היה הקולונל היפני יאסוי. הוא ידע רוסית והתעניין בתנועה הציונית. הוטל עליו לתרגם את "הפרוטוקולים של זקני ציון" מרוסית ליפנית. בשנת 1929 נסע יאסוי לארץ ישראל ונפגש עם חיים ויצמן, אוסישקין, דיזנגוף ועם אישים נוספים מראשי היישוב בארץ. הם יעצו לו שעם שובו למזרח ייפגש עם ד"ר קאופמן. ואכן, עם הכיבוש היפני מונה הקולונל יאסוי לעמוד בראש המשלחת הצבאית היפנית בדיירן. במסגרת עבודתו הוא הגיע לחרבין ובינו לבין אבי נקשרה ידידות אמיצה. יאסוי השפיע על הממשל היפני שלא לפרסם את "הפרוטוקולים של זקני ציון" והספר נאסר לפרסום. אגב, האיסור היה בתוקף שנים אחדות בלבד; בסוף שנות השלושים, בימי "תור הזהב" שבין יפן לגרמניה, פורסם הספר. אוהד יהודים כמו הקולונל יאסוי היה במיעוט בצמרת השלטון היפני. גנרל טגו ראש הממשלה, ואחרים, הושפעו מהגרמנים. הרעיונות הנאציים החלו לחלחל אל הצמרת היפנית משנת 1933 ואילך, כאשר היטלר עלה לשלטון.

ביפן היו בעלי עמדה שהתנגדו לאידיאולוגיה הנאצית והשפיעו על מתן יחס הוגן לקהילות היהודיות שהיו תחת שלטונם. אחד מהם היה הבישוף נְקֶאדָה, מנהיג כנסיית הוֹלִינְס (Holiness). צאן מרעיתו היו יפנים נוצרים פרו-יהודיים, בדומה לכת המְאֶקוֹנָה בימינו. (במאמר מוסגר נציין כי נינו של הבישוף נְקֶאדָה, הגיע ארצה ויצר קשר עם איגוד יוצאי סין בארץ). בזכות השפעה ממתנת זו חיי הקהילה היהודית בחרבין, תחת הכובש היפני, היו סבירים. גם פרופ' קוצודז'י השפיע על מנהיגים יפניים להתייחס באהדה אל הקהילות היהודיות. פרופ' קוצודז'י עבד בצעירותו בְּמֶנְטְצ'וֹ (South Manchurian Railway), מסילת הרכבת מצ'ֶנְגְצ'וֹן ועד דיירן. (חבל ארץ זה שבירתו דיירן היה שייך ליפנים עוד לפני 1931, אחר כך מצ'וֹרִיה כולה נכבשה על ידי היפנים.) מנכ"ל הרכבת היה מצ'וֹאֶוֹקָה, לימים שר החוץ היפני, ומזכירו היה פרופ' קוצודז'י. בתוקף תפקידו התגורר פרופ' קוצודז'י בדיירן, ביקר בחרבין והתיידד עם אנשי הקהילה היהודית. בפעם הראשונה ראה פרופ' קוצודז'י יהודים בילדותו, ב-1904, בעת מלחמת רוסיה-יפן. היו אלה שבויים יהודיים וקוצודז'י הופתע כשנדע לו שהם אינם מתפללים בכנסייה. סקרן מעולמם ומאורח חייהם, התעמק בסיפורו של העם היהודי, למד את ההיסטוריה שלו ואף התמחה ב"ישיבה יוניברסיטי" בניו יורק. פרופ' קוצודז'י נעשה ידיד אמיתי וחשוב לעם היהודי והשפיע על חברו מצ'וֹאֶוֹקָה. כאשר נתמנה מצ'וֹאֶוֹקָה לשר החוץ היפני, בעת מלחמת העולם השנייה, הוא הכריז שהיפנים הנם אמנם בעלי ברית של הגרמנים, אבל לא ייתנו יד ליישום חוקי נירנברג. בשל אהדתו הגלויה ליהודים דרשו הגרמנים לגרש את פרופ' קוצודז'י מביתו וממולדתו, והוא אכן גורש מיפן והגיע לחרבין. בהגיעו לעיר, עם אשתו ושתי בנותיו, בחוסר כול, התגייסה הקהילה לעזרתו. שלוש או ארבע שנים מימנה הקהילה את שכר הדירה שלו, הקציבה לו סכום כסף למחיה ודאגה לצורכי המשפחה. כשהגיע הצבא האדום גורשו כל היפנים ליפן וגם פרופ' קוצודז'י, ידיד היהודים, אחד מחסידי אומות העולם, חזר למולדתו. פרופ' קוצודז'י כתב ספר ביפנית על הדקדוק העברי, וספר נוסף, מרתק, כתב באנגלית ושמו "מטוקו לירושלים". בשנת 1950 הוא ביקר בארץ, ביקר גם אצלי ואצל ידידים נוספים שזכר משהונו בחרבין. המשכנו להתכתב אתו בעברית לאחר חזרתו ליפן. כעבור שנים הוא התגייר, שינה את שמו לאברהם קוצודז'י, ונעשה גר צדק.

הקהילה, עבר על הבקשות השונות שהוכנו להגשה לשלטונות, ואישר את רובן. רוב הבקשות עסקו בחיי התרבות והדת של הקהילה: בקשה לקבל אישור לערוך מסיבות ונשפים, קניית קמח למצות, וכיוצא באלה. בדרך כלל, לאחר שחתימתו התנוססה על הבקשה, גם המשטרה והמוסדות האחרים לא התנגדו ולא ערמו קשיים. בעת ההיא שרר מחסור בדלק ואנשי הקהילה דאגו שמא יהיו נפטרים ולא יהיה די דלק למכונית של חברה קדישא. הגישו בקשה לטְאֶנְגָה לקבלת דלק והוא אישר.

באו אנשי הקהילה עם האישור למנהל הדלק לקבל את הכמות שאושרה אך נתקלו בהשתוממות: "תגידו בבקשה, כמה חברים יש בקהילה שלכם?" "כשלושת אלפים וחמש מאות", ענו היהודים. "וכמה לויות יש לכם בשנה?" "בין עשר לעשרים בערך", ענו. "גם אם תקברו את כל הקהילה, עוד יישאר לכם דלק", אמרו להם היפנים וצחקו. מכונית הלויות של חברה קדישא. צולמה בשנות השלושים בחרבין.

מכונית הלויות של חברה קדישא. צולמה בשנות השלושים בחרבין.

בשנת 1941, במלאת שנה למותו של זאב ז'בוטינסקי, החליטו אנשי בית"ר לקיים אירוע לזכרו. הם הכינו מסכת ובה הנאומים והשירים והגישו את החומר לצנזורה לטְאֶנְגָה. לאכזבתם הגיעה תשובה שלילית. והנימוק: ז'בוטינסקי נפטר באמריקה ואנחנו (היפנים) במלחמה עם אמריקה.

אבא שלי, שייצג את הקהילה, כתב הסבר מנומק ובו פירט את סיפור חייו של ז'בוטינסקי, תוך הדגשת העובדה שהוא לחם כל חייו נגד האנגלים ואף ישב בכלא אנגלי. לכן, תחת הכותרת: אחוות שונאי הבריטים (ומכאן גם בעלי בריתם האמריקנים), ז'בוטינסקי הוא למעשה שותף ובעל ברית של היפנים. לאחר שמיעת ההסבר היצירתי והחדשני הזה התירו היפנים לאנשי בית"ר לקיים את האירוע.

על יפנים, אנטישמיות וידידים

בשנת 1938 הופעל לחץ כבד על היפנים לקבל את חוקי נירנברג. ואכן בעיר הנמל והקיסר צ'ֶנְדָאוּ (צ'נגזו), שבין דיירן לשנחאי, התקבלה הוראה שכל יהודי שעובר בנמל יש להחתים את תעודותיו באות J. אולם הוראה זו בוטלה הודות להתערבות יפנים ידידי יהודים בצמרת השלטון היפני. זמן קצר לאחר מכן הגיעה לקוֹבָה, עיר נמל גדולה ביפן, תערוכה אנטישמית שנשאה את הכותרת "היהודים שולטים בעולם". התערוכה הוכנה בגרמניה, כללה צילומים ומסמכים אנטישמיים, ותורגמה לשפות רבות, בין היתר ליפנית. הגרמנים הפיצו את התערוכה בעולם כולו. אבי, ומנהיגים יהודיים נוספים, הצליחו להשפיע על היפנים והתערוכה נסגרה לקהל. אך לעומת הישגים אלה נחלה הקהילה היהודית גם כישלונות במלחמתה באנטישמיות. אבי כתב שני ספרים ברוסית: "התנ"ך ספר הנצח", שבו הוכיח את חשיבות התנ"ך להתפתחות האנושות כולה, והטיפ לשלום ולאחווה; ו"העם היהודי עם הנצח", המתאר את הטרגדיה של העם היהודי. בשנת 1941 או 1942 תורגמו הספרים ליפנית על ידי

תדי קאופמן

יהדות חרבין אשר בלבי

(המשך מגיליון 413)

שעות. אולם ביולי 1936, סירב בית המשפט העליון של צנצון לאשר את פסק הדין של בית המשפט המיוחד בחרבין, וקרא למשפט חוזר. בית המשפט שטיפל במשפט החוזר, ניצל חוק חנינה חדש ושחרר, בינואר 1937, את הנאשמים.

הרוצחים נשלחו לשנחאי. פרשת קספה השפיעה לא רק על היהודים אלא גם על הרוסים, הסינים והיפנים. רבים התקשו לעכל את האכזריות. אמנם היו מקרי רצח קודמים, אברמוביץ' וקופמן, שניהם יהודים, נרצחו על ידי שודדים (חונחוזים) למטרות כופר. אבל בפרשת קספה היה ברור שהחטיפה והרצח בוצעו על רקע אנטישמי והעידו על שיתוף הפעולה הדוק בין האנטישמיים הרוסיים לשלטון היפני.

הטראומה הלאומית שפקדה את הקהילה היהודית, והעובדה שהנרצח היה בעל נתינות צרפתית, הוליכו את הפרשה לפתחו של חבר הלאומים. יפן, שהייתה באותן שנים, בראשית שנות השלושים, עדיין חברה בארגון ועדיין התחשבה בדעת הקהל, לא יכלה להתעלם מהסערה שהתעוררה. בעקבות הפרשה הגיעו לאזור שלנו אנשי שלטון מתונים מטוקיו אשר שינו את היחס אל הקהילה היהודית. בראש הז'נדרמריה בחרבין נשלח לעמוד הקולונל קְוֹאמוֹרָה שהיה פרו-יהודי מסיבות פוליטיות. הוא ושולחיו האמינו שליהודים יש השפעה על השלטון בארצות הברית, ובכלל שאמריקה והיהודים הם היינו הך.

קולונל קְוֹאמוֹרָה טיהר את הז'נדרמריה מהשחיתות שפשטה בה, שלח אנשי משטרה אנטישמיים חזרה ליפן, והעמיד בראש הז'נדרמריה אנשים גונים יותר. (נזכרת; לבתו של קְוֹאמוֹרָה יש מסעדה בטוקיו.) גם מושל צבאי חדש נשלח לחרבין, גנרל חִיגֹוֹצ'י. הוא היה הגנרל הראשון שהפסיק הלכה למעשה את אוירת הפוגרום. לדעתי, הוא אחד מחסידי אומות עולם. יפני שהיה ידים של היהודים. גנרל חִיגֹוֹצ'י היה בעבר הנספח הצבאי של יפן בוורשה, הכיר היטב את היהודים, שמע על הציונות, הבין את מצוקת היהודים והושיט יד לעזרה. הוא סייע ביצירת קשרים עם טוקיו, כי בהיות השלטון היפני ריכוזי, כל ההחלטות החשובות נתקבלו בעיר הבירה. ייתכן שבזכותו ובזכות אנשים כמוהו אישרה ממשלת טוקיו לפליטים יהודים רבים מאירופה להיכנס לסין. וזאת לאחר שנת 1937, באותה תקופה ממש שבה כבר הייתה ליפן ברית עם היטלר.

היו יהודים שהצליחו להימלט מאירופה גם בשנות המלחמה והגיעו ברכבת טרנס-סיבירית עד לגבול מנצ'וריה. אולם שם לא ניתנה להם אשרת כניסה והסובייטים מצדם איימו לשלחם חזרה לארצות מוצאם. בעזרת גנרל חִיגֹוֹצ'י, שנענה לבקשת הקהילה היהודית בחרבין, הורשו היהודים להיכנס אל מנצ'וריה. נערי בית"ר או מכבי היו פוגשים אותם בתחנת הרכבת, מביאים אותם למלון "אסטוריה". למחרת היו היהודים ממשיכים לדירן ומשם בספינה לשנחאי.

גנרל חִיגֹוֹצ'י נפל במלחמה נגד האמריקנים. את מקומו תפס גנרל יַאֲנְגִיֶקָה, אשר כמו קודמו גילה יחס אוהד ליהודים. אולם הגנרלים שבאו אחריו, דואי וְאָקִיקוֹסָה, היו ללא ספק אנטישמיים.

בשנים האחרונות לשלטון היפני מונה יועץ יפני לכל מוסד ציבורי. הוא קיבל את משכורתו מהקהילה. היפני "שלנו", אדם בשם טַאֲנֶבָה, דובר רוסי טובה, היה אדם נחמד, נהג להגיע פעם בשבוע אל משרדי

פרשת קספה

סימון קספה היה צעיר יהודי, אזרח צרפת, כבן שלושים, פסנתרן מחונן, בעל שם בינלאומי, שנחטף באוגוסט 1933 על ידי כנופיית שודדים שהיו למעשה חברי המפלגה הפשיסטית הרוסית. ב-30 בספטמבר 1933 דיווחו ארבעת העיתונים היומיים של צרפת באותה התקופה ידיעה שמקורה בסוכנות הידיעות רויטרס (לונדון): "שודדים מנצ'וריה דורשים כופר של 25,000 לירות שטרלינג עבור חייו של צרפתי צעיר. הם שלחו לאביו חצי מאוזנו של הנחטף".

בסוף נובמבר 1933, שלושה חודשים בדיוק לאחר החטיפה, ולאחר אינספור עינויים וקטיעות איברים נוספים, הוצא סימון קספה להורג על ידי חוטפיו. לא רק יהודים הגיעו להלווייתו אלא גם רוסים וסינים רבים.

בהלווייתו של סימון קספה נאם אבי נאום חריף וטען שקספה נרצח על רקע אנטישמי ורוצחיו זוכים להגנה ולתמיכת השלטונות. "מדינה שמאפשרת לשודדים ולרוצחים לפגוע בחפים מפשע - אין לה זכות קיום". למחרת, ב-3 בדצמבר 1933, הופיע מאמר ראשי בעיתון "הדרך שלנו", ביטאונה של המפלגה הפשיסטית הרוסית, ובו מסר ברור: יהודים אינם רצויים פה. במאמר נכתב שראש קהילה הנואם נגד השלטון, נגד הקיסר ונגד כל אושיות המדינה כדאי שיסיק את המסקנות, ייקח את בני עדתו ויעזוב את מנצ'וריה. העיתון שמור עמי עד היום ובכותרת הראשית שלו נכתב באותיות גדולות: "האוכלוסייה הרוסית בחרבין מתנגדת לטענה שמדובר ברצח על רקע אנטישמי". במרכז העמוד כותרת גדולה נוספת: "דלתות מנג'ו פתוחות לרווחה ליציאת היהודים". ובאותיות קטנות יותר: "נאומו של ד"ר קאופמן מעיד שהיהודי הזה חושב שהוא מעל לחוק ומרשה לעצמו לבקר את השלטון. כפי שמשעה הוציא את היהודים ממצרים, כך צריך ד"ר קאופמן להוציא את היהודים מחרבין".

בעיתונות הרוסית הגלויה הופיעו כתבות נאצה נוספות נגד היהודים וגם נגד אבא באופן אישי. החוטפים הוצגו כאידיאליסטיים שכל רצונם לקבל חזרה אוצרות שנלקחו מהצאר ומוצגים במלון "מוֹדֶרן" וזאת במטרה להילחם בקומוניזם. מובן שההאשמות כאילו יהודים מחזיקים באוצרות היו חסרות שחר, ובחרבין השתררה אווירת פוגרום.

ב-29 בנובמבר 1934 מסרה המשטרה לתובע הכללי את סיכום חקירתה (בתיק המכיל כשמונה מאות עמודים ברוסית) וקבעה כי חוטפיו של סימון קספה אינם אלא "פטריוטים רוסיים".

ביוני 1936 גזר בית המשפט המיוחד של חרבין את דינם של החוטפים והרוצחים של סימון קספה. ארבעה נידונו למוות, ושניים לעבודת פרך לצמיתות וכן נשללו מהם כל זכויות האזרח.

פסק הדין הוצא ללא אפשרות ערעור, ועל בית המשפט העליון הוטל רק לאשרו. ההוצאה להורג הייתה צריכה להתבצע תוך עשרים וארבע

7

א
ו
ג
ו
ד
י
ו
צ
א
ו
ס
י
ו

עמנואל פרת - לזכרו

זה קורסיקנים מעניינים, כמו גם אנשים אחרים מכל קצוות עולם. גם כאשר הייתי אני בקורסיקה בעקבותיו של עמנואל, אמרו לי המקומיים: "אם אתה חבר של עמנואל - אתה חבר שלנו".

לעמנואל הייתה תאוה לחיים מלאים. בצעירותו, לאחר שהגיע מסין ב-1948, ולאחר שנלחם במלחמת השחרור, ירד לאילת, שהייתה אז קומץ של מבנים במדבר לוחט על שפת ים כחול כהה. הוא עסק בסקר מקורות מים בנגב מטעם מקורות. באחד הימים קיבל "טרמפ" מאדם שגילה בו עניין, ואשר שר אותו על מנת שיעבוד כעיתונאי. היה זה אורי אבנרי הצעיר, עורך "העולם הזה". וכך החל עמנואל, שהחזיק תמיד בדעות בית"ריות מאוד ברורות, לעבוד אצל מי שזוהה כמוקד השמאל של אותם ימים, והשניים אהבו זה את זה.

לעמנואל היו אהובות רבות בחייו, ובנוסף לנשים הוא אהב גם את השפה הרוסית בה נולד ואשר ממנה לא היגר אף פעם וכן את השפה והתרבות הסינית. הוא ערך את המילון העברי-סיני הראשון, וכדרכו לא דאג להשאיר ברשותו אלא עותק אחד בלבד שבינתיים נעלם לו. ובאשר לכתב הסיני, הרי קו משוך במכחול, ואשר מייצג אות או מילה כלשהי בסינית היה פאר היצירה, לא פחות מצוק איתן המשקיף על מרחבי מדבר צחיח.

עמנואל צייר, פיסל, כתב, שוחח עם כלבים, סיפר בדיחות להפליא, אהב יופי אותו מצא גם בדברים פשוטים של יום יום, פלרטט עם נשים גם לאחר שמלאו לו תשעים, התקוטט על עניינים של מה בכך והתחרט אחר-כך, וכל זאת עשה בתשוקה ובהתלהבות. הוא היה אדם מעניין. יום אחד אמר לי: "אתה יודע, אתה בא אלי גם בשבילך ולא רק בשבילי" הוא צדק.

הוא היה שמח כאשר הגעתי אליו בערוב ימיו כאשר גופו ובעיקר רגליו בגדו בו ונכפה עליו להיות מרותק לדירתו, ששכנה ברום של למעלה ממאה מדרגות, בבית ירושלמי שכולו היה מלא וגדוש במשפחות חרדיות. זהו ה"סנט-הלנה" שלי, כך הוא אמר בחצי עצב, ואכן כך היה, בהבדל שקברו בירושלים ולא בפרז.

ארז לבנון - חברו לאורך שנים של עמנואל ז"ל

שלא היה זר לי, הרי עמנואל פתח בפני דלתות אל מקומות שלא ידעתי על קיומם. הוא חיפש תמיד ובקדחתנות אחר הקו המושלם. הייתה לו אידיאה של צוק במדבר המשקיף על סביבותיו. מעין ענק המספר סיפור על עוצמה אדירה האצורה בסלע בודד ושותק. את האידיאה שאב עמנואל, ללא ספק משירו של מיכאיל לרמונטוב, אשר הוא, עמנואל, שעסק לעת מצוא, בין שלל עיסוקיו, גם בתרגום, תרגמו כך:

**הסלע לנה ענת זהב נודדת
על שכמו שחום של סלע שחם.
בדרכה תמשיך בבוא השחר
המעוף שובב בתכול שמח.**

**אך נותרה לחות קלה בקמט
על חזהו של ענק קשוח.
הוא ניצב בהירהורים שרוע
ושותק לו במדבר זורת.**

תאוותו של עמנואל לצייר צוק על רקע גוף מדברי לא ידעה שובע. דירתו הקטנה, שימשה גם כאטליה שלו. היא הייתה מלאה בסקיצות של צוקים, שהיו פזורות ומגובבות בחוסר סדר נוראי. גם אני נסחפתי בתאוה זו, ומאחר ועמנואל היה אחוז תשוקה לצייר את ההרודיון, אשר עבורו היה מושג ערטילאי מלא משמעות, ולא רק תל עפר מוגבה, הסעתי אותו יום אחד לשם על מנת שאוכל לראות מקרוב כיצד הוא מגיב על קודש הקודשים הזה מקרוב.

הצייר הנערץ עליו ביותר, אשר עבורו היה עמנואל מוכן לנסוע מיד לפרז, היה סזאן. הבנתי כי ההרודיון היה עבור עמנואל מה שהיה "מונט סנט ויקטואר" עבור סזאן.

בכלל, עמנואל היה מוכן לנסוע לכל נקודה בעולם אם רק גילה בה עניין, וענין מבחינתו של עמנואל התבטאה בהתלהבות מדבקת ללא גבולות, אפילו ילדותית משהו. כך למשל נדבק באהבת האי קורסיקה, אליו הגיע בתחילה, כמובן, בעקבות נפוליאון, אולם עד מהירה נפוליאון נזנח ונשאר מאחור לטובת האהבה לאי עצמו, לנופים, לאנשים, למוזיקה הפוליפונית, וכמובן להרים ולסלעים. לעמנואל הייתה היכולת המופלאה לקשור קשרים אמיצים עם אנשים שלא הכירם וזאת לאחר דקות ספורות של שיחה. לדירתו הקטנטנה בירושלים, הגיעו בעקבות מסעו

אני חובב מושבע של היסטוריה נפוליאונית. בשנת 1999, כאשר מלאו מאתיים שנה למסע נפוליאון בארץ-ישראל, ערכה העמותה הישראלית לחקר נפוליאון (כן, יש דבר כזה) קונגרס בינלאומי לציון תאריך חשוב זה. עמנואל הלפרין, שהגיש את החדשות "מהיום למחר" בטלוויזיה, הנקרא היום ערוץ אחד, הזמין אותי לומר כמה מלים על אירוע חגיגי זה. למחרת בבוקר, בעודי במשרדי, התקשר אליי עמנואל, הציג עצמו כמי שמתעניין בנפוליאון ואמר כי ישמח לפגוש אותי. הזדמנות כזו אסור כמובן להחמיץ שכן מספר "המשוגעים לנפוליאון" בארצנו אינו גדול (לאמיתו של דבר אפשר למנותו על אצבעות יד אחת) והייתי סקרן לדעת מיהו אדם זה. הגיע אדם, המבוגר ממני בעשרים ושמונה שנים אך די היה בכמה מלים על מנת להבין שהוא צעיר ממני ברוחו. ישבו בבית קפה מתחת למשרדי ושוחחנו אודות נפוליאון. כאשר שאל אותי עמנואל: "אתה יודע מה אמר נפוליאון לאחיו ג'וזף רגע לפני שהוכתר לקיסר?" ידעתי כי מצאתי בעמנואל את אחי הרוחני (נפוליאון אמר: "חבל שאבינו אינו רואה אותנו עכשיו"). בקיאותו של עמנואל בעולם הנפוליאוני וגישתו לעולם זה אכן זיכתה אותו להיכלל ברשימה הקטנה של "המשוגעים לדבר".

ואז החלה מערכת יחסים מופלאה בינינו, שחרגה מגדר העולם הנפוליאוני והביאה אותי אל עולמות קסומים שרק עמנואל יכול היה להפיח בהם רוח חיים רעננה כאילו הוציאני מן המציאות והכניסני לתוכם כמו עליסה בארץ הפלאות. גיליתי את עולם אמנות הציור, שאף

המתזמר "יהודים בשנחאי"

בסין והיה מועמד לפרס האוסקר האמריקאי. המלחין של המתזמר זכה בפרסים יוקרתיים רבים ואחד המלחינים החשובים ביותר באסיה. מעצב התלבושות היה מועמד לפרס האוסקר האמריקאי.

לצורך החזרות וההופעות היא עברה לגור בשנחאי לשלושה חודשים. "זאת הייתה ללא ספק חוויה", היא צוחקת. "רוב הזמן מאוד דאגו לי בסין והיו סביבי שני מתורגמנים שגרמו לי להרגיש כמו אורחת כבוד כאן. אפשר לומר שהתאהבתי בסין ובסינים שהם אנשים נורא צנועים שלמדו לחיות בכבוד אחד עם השני" אבל כמוכן שהיו גם קשיים במעבר מישראל לסיין לבד. "בהתחלה היה לי לא קל עם האוכל הסיני והיו מקרים שמצאתי את עצמי מסיימת את היום עם מנה חמה" נזכרת קינר- קיסניגר. "אני זוכרת גם את הפעם הראשונה שנסעתי במונית לבד בסין בלי לדעת מילה בסינית. הנהג גירש אותי מהאוטו באמצע הדרך, כנראה כי הוא לא ידע לאן אני צריכה להגיע וככה מצאתי את עצמי עומדת בודדה באמצע שום מקום".

סיון חזרה ארצה עד חידוש ההצגה במאי הקרוב והגיעה לביקור במשרדי האגוד במטרה לשמוע ממקור ראשון על חיי יהודים בסין. יוסי קליין ורוני וינרמן שמחו לארח אותה ואת אביה דורון קינר-קוסינגר ענו על שאלותיה ושמוחו לספק את סקרנותם. נפרדנו מסיון בתקווה לראות אותה עם הצוות הישראלי - סיני בהופעה בישראל ובאיחולי הצלחה להמשך דרכה.

הצלע השלישית היא רינה, פליטה צעירה יהודייה מאוסטריה שנמלטה לבדה מהנאצים בגיל 18 והגיעה לשנחאי על האנייה האחרונה, אשר מאוהבת במהנדס היהודי אשר אינו מחזיר לה אהבה. זהו סיפור ידידות ואהבה אילמת אשר משקף את מערכת היחסים בין הסינים המקומיים לפליטים היהודים.

את רינה משחקת הישראלית סיון קינר-קיסניגר (26), במקור מרמת השרון, סיון, בוגרת מגמת המוסיקה בתיכון אלון לאומנויות ברמת השרון, הייתה סולנית להקת חיל הים והופיעה בכל רחבי הארץ. במסגרת שירותה הצבאי נשלחה לייצג את המדינה והופיעה לפני קהילות יהודיות בארצות הברית ובדרום אמריקה. לאחר שירותה הצבאי היא קיבלה מלגה ללימודי משחק באקדמיה היוקרתית למחזות זמר בניו יורק, American Musical and Dramatic Academy.

לאחר שסיימה את לימודי המשחק בהצטיינות, קיבלה סיון תפקיד ראשי במחזה באוף ברודווי בניו יורק "ארבע העונות", תפקיד עליו קיבלה תשבחות רבות. לאחר מכן שיחקה סיון בתפקידים ראשיים במחזות זמר קלאסיים כמו "נשקני קייט", "ג'יפסי", "בית הזונות הקטן בטקסס". בנוסף שיחקה סיון בתפקיד משנה בסרט אשר ייצא לאקרנים בהוליווד בקרוב לצד הכוכבת טיילור לאודרמן: "חיייה של שחקנית".

סיון משחקת לצד ארבעה שחקנים ישראלים נוספים וצוות של 40 שחקנים ורקדנים סינים. הבמאי הוא במאי זמר אופרה ידוע

המתזמר "יהודים בשנחאי" Jews in Shanghai, בעלות של 10 מיליון יואן (1.61 מיליון דולר) - ההפקה הגדולה ביותר עד היום. העלילה מבוססת על סיפורים אמיתיים. הסיפור מתרחש במלחמת העולם השנייה כאשר 20 אלף יהודים בורחים מהנאצים באירופה ומוצאים את עצמם כפליטים בשנחאי.

הבכורה של המתזמר התקיימה במרכז התרבות של שנחאי 3 בספטמבר 2015 - יום בו סין חגגה 70 שנה לסיום המלחמה. בעקבות הצלחת ההצגה בספטמבר, היא נבחרה לפתוח את הפסטיבל הבינלאומי לאומנויות בשנחאי, סין 2016. ההצגה תעלה שוב בשנחאי במאי וביוני בבייג'ין.

בספטמבר הקרוב מתוכנן סיבוב הופעות בברודווי ניו-יורק. בעתיד ההצגה צפויה להגיע אף לישראל ולאירופה.

ההצגה ברובה באנגלית ומשלבת מספר דיאלוגים בשפה הסינית עם כתוביות לאורך כל ההצגה.

הישראלי שחר ישי ושחקנית מקומית פאן סי משחקים בתפקידים הראשיים. חלק גדול מהשחקנים נבחרו בישראל. "ראינו כל כך הרבה כישרונות גדולים בישראל" לחלקם ניסיון רב במחזמר "אומר הבמאי סוין.

זהו סיפור על משולש אהבה בין מהנדס יהודי צעיר- פליט מגרמניה בבית חרושת לייצור תחמושת בבעלות איש עסקים שנאלץ לייצר עבור כוחות הכיבוש היפניים. המהנדס מתאהב בצעירה סינית מקומית שמתנדבת לעזרת הפליטים וביחד הם מוצאים דרך לחבל בייצור ויותר מאוחר המתנדבת נרצחת על ידי הצבא היפני.

פרסום למחזמר

סיון בביקור באגוד יוצאי סין

סיון עם צוות המחזמר

תוכן העניינים

איגוד יוצאי סין

נוסד 1951-2

תל-אביב, "בית-פונבה",
רח' גרוזנברג 13,
e-mail: igud-sin@013.net

טל. 03-5171997

פקס. 03-5161631

עורך ראשי: יוסי קליין

חברי המערכת:

יהודית סנדל ואינה בקשייב

מטרות ה"בולטין"

בהוציאם לאור את ה"בולטין", איגוד יוצאי סין בישראל שואף לענות על הצרכים שלהלן:

1. לעודד את תחושת השותפות בין תושבי הקהילה היהודית לשעבר של סין.
2. לקיים ערוץ של קשר בין יוצאי סין בישראל ובגולה.
3. לסייע באיסוף, שימור והוצאה-לאור של מסמכים היסטוריים העוסקים בחיי אותה קהילה.
4. לסייע לאיגוד יוצאי סין במילוי מטרותיו, במיוחד אלה שעוסקים בסיוע סוציאלי ובמלגות חינוכיות לבני דור ההמשך של יוצאי סין בישראל.

איגוד יוצאי סין
ת.ד. 29786
תל אביב 61297
Kindly note our address:
Igud Yotzei Sin
P/O/B/ 29786
Tel Aviv 61297 Israel

3	מכתבים לקוראים
5	המחזמר "יהודים בשנחאי"
6	עמנואל פרת - לזכרו
7	יהדות חרבין אשר בליבי. תדי קאופמן
13	בית אבי תדי קאופמן
18	מקבלי המלגות - צילומים
20	שגריר סין אורח האיגוד
21	תכנית הקשר הרב דורי
22	מכתבים לאגוד
23	באגודת ידידות
24	מיכאל רינסקי על מפגש חנוכה

קוראים/ות יקרים/ות,

עקב מעברינו למשרד חדש, מסיבות שהוסברו במכתבנו בעמוד 3 וסיבות לא צפויות אחרות לא הצלחנו להוציא לאור בזמן את גיליון הפסח הזה. אנו מתנצלים על כך ומקווים להוציא בזמן את גיליון ראש השנה הקרוב... מערכת ה"בולטין"

מטרות עמותת איגוד יוצאי סין

מטרות העמותה מספר 580030666

1. לארגן את כל יוצאי סין במדינת ישראל לסיוע ושיתוף פעולה הדדי בכל תחומי התרבות והחברה בישראל.
2. לשמור על קשר עם כל יוצאי סין בישראל ובחו"ל.
3. לטפח ולשמר את המורשת של דורות היהודים בסין.

פעילויות העמותה

1. העמותה מעניקה תמיכה חודשית לכ-70 חברים תושבי ישראל הנזקקים לכך.
2. העמותה מעניקה כל שנה כ-100 מלגות לסטודנטים צאצאי יוצאי סין הלומדים במוסדות חינוך גבוה בישראל
3. העמותה מוציאה לאור פעמיים בשנה עתון "בולטין" בעברית אנגלית ורוסית ובו מידע על יהדות סין בעבר ועל פעילויות אגוד יוצאי סין ושל יוצאי סין בעולם.
4. כל הפעילות (פרט למזכירה) מבוצעת על ידי מתנדבים

גילשו לאתר איגוד יוצאי סין בעברית!

באתר זה תוכלו למצוא חומר מעניין על נושא יהדות סין:

- ❖ תולדות הקהילות היהודיות בסין
- ❖ קישורים לאתרים מעניינים הקשורים לנושא
- ❖ חיפוש קרובים
- ❖ צילומים, מאמרים ועוד...

www.jewsofchina.org

חברים יקרים,

שנים 2011-2012 היו שנים גורליות לאגוד יוצאי סין מאז הקמתו על ידי דור ההורים בשנות ה-50 המוקדמות. בשנת 2011 חלתה אסיה קוגן- התורמת העיקרית לפעילויות האגוד באותן שנים, ותוך מספר חודשים נפטרה. כשנה מאוחר יותר ביוני 2012 נפטר בפתאומיות תדי קאופמן היושב ראש האגוד שהנהיג אותנו במשך 40 שנה. שני אסונות בסמיכות כזאת גרמו לזעזוע גדול מאד ואילץ אותנו להיאבק על המשך פעילות האגוד בתנאים כמעט בלתי אפשריים. הכספים של אסיה כאמור לא הגיעו, מספר התורמים הלך ופחת בדרך הטבע הדור הצעיר גילה חוסר עניין בפעילות האגוד.

פנייתנו הרבות ליוצאי סין נענו רק חלקית והכסף שהצלחנו לאסוף במשך למעלה מארבע שנים איפשר להמשיך תוך כדי צמצום הפעילות כמו הקטנת מספר דפי הבולטין הפסקת הוצאת הבולטין לאחר פסח שנה שעברה, מספר וערך המלגות, אי-עדכון ההקצבות החודשיות לנזקים וצמצום מקבלי השכר באגוד שתמיד היה מזערי. חשיבות קיום האגוד כצומת המקשרת את יוצאי סין בארץ ובעולם וכמרכז מידע על יוצאי סין באמצעות הבולטין שיוצא פעמיים בשנה (בשנה האחרונה רק פעם אחת) אתר אינטרנט וכמובן המפגש השנתי וחלוקת המלגות בחנוכה שאף הוא צומצם ללומדי תואר ראשון בלבד.

בשנת 2015 הגענו למצב של לחיות או לחדול והתרכזנו בברירה הראשונה- "לחיות". לעשות זאת אפשר היה רק על ידי מכירת המשרדים ברחוב גרוזנברג ומכספי המכירה והתרומות שעדיין מגיעות ובתקווה שתמשכנה להגיע בעתיד, להמשיך בפעילות ככל שיתאפשר בהתחשב בגיל הפעילים הנוכחיים ובתקוה להצטרפות הדור הצעיר יותר שלצערנו עדיין לא מגיע...

עסקת המכירה בוצעה בדצמבר 2015 במחיר שהסתמך על הערכת שמאי מוסמך ומתווכים מקצועיים ובלווי יעוץ משפטי מוסמך.

בפברואר השנה עברנו למשרדים שכורים ונעימים בכתובת הבאה:

רחוב הברזל 31 בתל-אביב 671045

ת.ד. 13139 תל-אביב 6113101

מספרי טלפון, פקס וכתובת דו"אל ללא שנוי

חשוב מאד שהתרומות תמשכנה להגיע ואף לגדול על מנת לאפשר את המשך פעילות האגוד בשנים הבאות, כולם מוזמנים לבקר ונשמח לקבל מתנדבים לפעילות באגוד!!

להזכירכם:

תרומות לאגוד יוצאי סין פטורות ממס בהתאם לסעיף 46 לפקודת מס הכנסה. זה מספר שנים שבידי האגוד "אישור ניהול תקין" שנתי מטעם רשם העמותות-משרד המשפטים. ופעילותו הכספית השוטפת נמצאת תחת פיקוח מנהל חשבונות ורואה חשבון מוסמכים.

כריכה ג' פסח תשע"ו

תדי פיאסטונוביץ
סגן היושב ראש

חן (רוני) וינמן
מ"מ היושב ראש

יוסי קליין
יושב ראש

אתרי 44 שנים

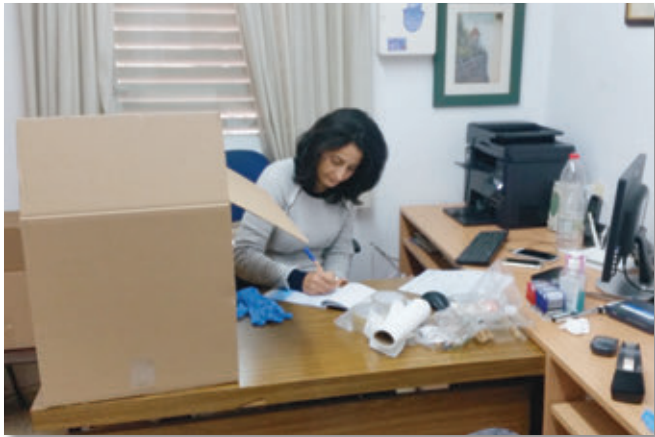
עוברים מגרזנברג 13

ועוד אורזים

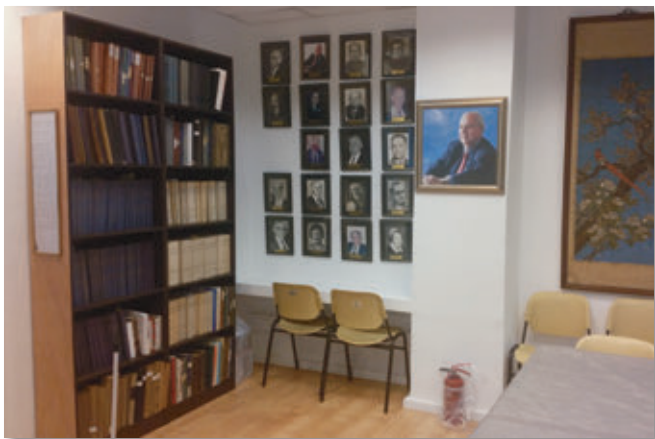
אורזים

עובדים עד הרגע האחרון

גם הכספת עוברת

קיר הזכרון במרד החדש

רוני וינרמן במשרדו החדש עם מתנות שהתקבלו מסין

2

א
י
ג
ו
ד
י
ו
א
א
י
ס
י
ו

ציבוב והפקה: פרופיל עיצוב הפקה והוצאה לאור בע"מ
רבניצקי 6 בית שהם א.ת. סגולה פתח תקווה
טל' 03-9045050, פקס: 03-9305063

www.jewsofchina.org

אגוד יוצאי סין - רח' הברזל 31
ת.ד. 13139, תל-אביב 6113101
טל': 03-5171997 פקס': 03-5161631

igud-sin@013.net

ב.ו.ל.ט.י.ן

מוסף עברי

ב.ט.א.ו.ן א.י.ג.ו.ד י.ו.צ.א.י ס.י.ן

www.jewsofchina.org

יוני 2016 ♦ גליון מס' 414 ♦ שנה 63 ♦ סיוון - תשע"ו

איגוד יוצאי סין - 65 1951 - 2016

אחרי 44 שנים...
עוברים
מגרוזנברג 13

להברזל 31

